ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

9

irtschaftsmini

1687/43

dieses Geschäftszeichen und den weiteren Schreiben anzugeben

Eilt!

Geheim!

Reichsminister für Rüstung
riegsproduktion - Rüstungsamt -
von Herrn Kapitän z.S. v. Henrici
- oVIA -

...матографа
помнят роли, сыгранные ими:
"Подруги" Зои Федоровой и
"Двое" Виктории вошли в анна-
лы искусства навсегда — как до-
кументы эпохи.

— Мама была у меня в гостях
несколько раз,— рассказала Вик-
тория. — Однако, когда я пригла-
сила ее в восьмидесятом, вскоре
после того как здесь выпустили
мою книгу "Дочь адмирала" —
отец умер в звании адмирала
флота США, — маме отказывали
в выдаче паспорта. Я обратилась
за помощью к тому сенатору, за
которого голосовала. — Брэдли.
После совещания в его штабе
мне ответили: "Если бы мама
просилась в эмиграцию, сюда, к
вам, для воссоединения семьи,
мы бы могли оказать какую-то
помощь. В ином случае брежнев-
ская администрация нам от-
кажет: "Давать или не давать
выездной паспорт для поездки
в гости — наше внутреннее
дело..."

...жизни, двенадцать
...земпляров; ныне тираж
...од жизни - это и мало
...ысячи писем, поступ...
...могают нам вы...
...ы наше...
1. В ...
...ажни...
...едоум...
2. ...
...дел...
...ское С...
3. ...
...вы!
4. ...
...упники,
...е место
5. ...
...и сможет ...ть все наши эко...
...истративной Системы!"
6. ...Продолжать борьбу
...ции и взяточничества.
7. Выступать против той с е к...
...ну и его банде создать камеры ...
...нки, Катыни, а его ученикам - п...
...
...так, "Совершенно Секретно" - эт...
...а этом мы стояли и будем стоять.

...ривет свтвия от Библейского Общест...
...ктеров, художников, режиссеров, ...

...ивенчества:
...в квартиру, накор...

...и пьяница, приходящий
...юги, так и вполне прис-

...ния пропагандистской ше-
...Поэтому следует отве-
...перед самим собою, ...
...ективно.
...арант. Оно обязано ...
...амовыявление,- это

...розить рост заработной
...ляции (при том,
...ны на рынке - рыноч-
...ому, сколько труда
...елем в продукт) буд...
...сы,- ... могут
...ктом.
...положения?
...ос трудно ответить,
..., которые облегча...

...нивающей") стра-

...schaftsminister

...7/43

...s Geschäftszeichen und den
...eren Schreiben anzugeben

...ernsprecher: Ortsdienst Nr. 16 43 51
Ferndienst Nr. 16 41 21

Eilt!

Geheim!

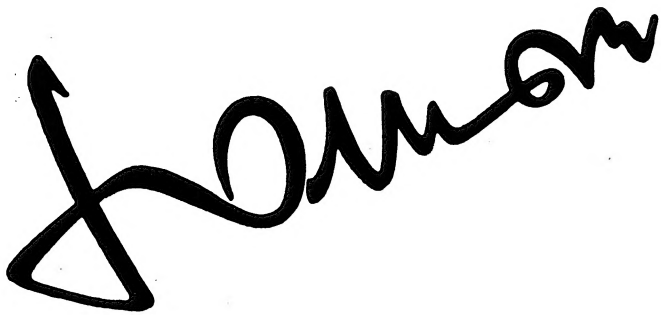
...ister für Rüstung
... Rüstungsamt -
... v. Henrici

Антон Сенеж

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

РОССИЯ - ФРАНЦИЯ
ДЭМ DEM
СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
FRANCE - RUSSIE
SOCIETE MIXTE

«ЭКСМО»



Семеныч

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ

Москва
ДЭМ, ЭКСМО
1995

ББК 84.3Р7
С30

Уважаемые читатели!

По Вашим многочисленным просьбам издательство «ДЭМ» продолжает выпуск собрания сочинений Юлиана Семенова.

В девятый и последующие тома войдут произведения, не включенные в ранее выпущенный восьмитомник писателя.

ISBN 5-85207-058-6

© СП «ДЭМ», 1995
© МП «ЭКСМО», 1995

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ

ШТРИХ К «ВПК»[1] (I)

— Видите ли, Майкл, — задумчиво сказал Нелсон Грин, наблюдая за тем, как внуки кувыркались в бассейне, выложенном красным туфом, привезенным из Турции, — всякое ощущение верно, как ощущение. Другое дело — суждение об ощущении. Оно может быть истинным или ложным... Я запомнил лекцию профессора Митчела, вы еще тогда были ребенком, а не заместителем директора центрального разведывательного управления... Митчел говорил, что если весло, погруженное в воду, кажется сломанным, то ощущение в этом случае верно, поскольку наблюдающий испытывает именно это ощущение. Но если в силу этого он станет утверждать, что весло действительно сломано, то суждение окажется ложным... Ошибки людские, дорогой Майкл, заключаются не в ложных ощущениях — бог с ними, с ощущениями, — а в ложном суждении...

Нелсон Грин прищурился, глаза его, маленькие, словно капельки воды, были спрятаны под седыми бровями; на заседаниях Наблюдательного совета его корпорации «Ворлд'з дайамондс» секретари и стенографисты никак не могли понять — смотрит старик или спит с открытыми глазами.

Майкл Вэлш улыбнулся:

— Значит, мое ощущение, что земляника, которую нам сейчас давали, пахнет травами Техаса, верно?

— Это не ощущение. Это суждение, Майкл, и суждение ложное. Земляника, которую нам давали, не может пахнуть травами Техаса, там еще холодно; она пахнет Африкой, мне теперь приходится гонять самолет не в Нагонию, а в Луисбург, а это плохо, потому что земляника там дороже на сорок семь центов и расстояние на сто девяносто два километра дальше, это лишнее горючее, а оно стоит денег.

— Не разоритесь? — спросил Вэлш.

— Могу, — в тон ему ответил Грин. — Крах начинается с цента, а не с миллиона.

---

[1] «ВПК» — военно-промышленный комплекс.

— В какой мере вы можете подействовать на Пентагон?

Грин отхлебнул глоток жасминного чая, спросил насмешливо:

— Вы имеете в виду доставку земляники на их транспортных самолетах? Думаю, подействовать можно. Но подо что? Есть идеи?

— Есть. Но мне необходима поддержка Пентагона.

— Этот вопрос мы решим. А государственный департамент? С ними обсудили ваши соображения?

— Рано. Их надо включать в последнюю очередь, иначе возможна утечка информации. Наши дипломаты стали много пить... Профессиональная болезнь — цирроз печени, я исследовал заключения врачей, выборочно, по трем нашим посольствам: семьдесят процентов чиновников — хронические печеночники.

— Не хитрите, Майкл, не надо. Вы прекрасно знаете, что мои интересы небезразличны нескольким славным парням из государственного департамента; если я потерял в Нагонии что-то около трехсот миллионов, то они расстались с парой сотен тысяч, а для них и это — деньги...

— Нелсон, поверьте, государственный департамент сейчас включать еще рано. Если мы сделаем то, что планируется...

— Не спорьте со стариком, — перебил Грин. — Посол по особым поручениям мой акционер, и он будет говорить то, что ему напишут в моем секретариате. Не отказывайтесь, Майкл, это неразумно. Лучше скажите-ка мне, что у вас за наметки, быть может, я смогу вам пригодиться — хотя бы в качестве советника.

— Наметки занятные. У нас есть агент в Москве. Весьма информированная личность. Следовательно, мы планируем не в т е м н о т е, мы имеем возможность рассчитывать свой ход, зная возможный встречный ход Кремля. Понимаете? Такого агента у нас еще ни разу не было, Нелсон, поэтому я убежден в успехе.

— Постучите по дереву.

Вэлш постучал пальцем по голове.

— Лучшая порода, — сказал он. — Словно кедр... Так вот, поскольку мы имеем такого человека, удар надо нанести как можно раньше, мы всегда проигрывали оттого, что были лишены с у ж д е н и й — сплошные ощущения.

— Неплохо вывернули, — заметил Грин. — Во всем люблю законченность, а высшая форма законченности — круг. Что я должен обговорить с Пентагоном?

— Необходимо, чтобы флот был передислоцирован к

берегам Нагонии в тот день и час, когда начнется наша операция. Необходимо, чтобы авиация была готова к переброске туда десанта — тысяча человек, не более того, зеленые береты умеют работать четко и точно. Это все.

— Если я понял вас правильно, вы вводите флот и авиацию на последнем этапе? Акция устрашения, так?

— Так.

— Посол по особым поручениям, в котором заинтересован л и ч н о, будет включен немедленно?

— Я бы не хотел этого, Нелсон, но если вы настаиваете...

— Спасибо. Когда это может произойти?

— Через две-три недели.

— Администрация финансирует предприятие?

— Вы же знаете их — крохоборы.

— Что ж, я готов купить акции ЦРУ миллиона на полтора, — усмехнулся Нелсон Грин. — Даже на два: слишком явной становится тенденция на сотрудничество с Кремлем. Вена... ОСВ-2... Так что полагаю, ударить в Нагонии — целесообразно. Хотите еще земляники?

— С удовольствием. Только нагонийская мне нравится больше — a propos...

СТЕПАНОВ

«Джордж Грисо на фотографиях кажется очень высоким — это неправда. Он небольшого роста, очень худощав, но, несмотря на это, малоподвижен — голову поворачивает осторожно, словно опасаясь увидеть что-то жуткое.

Когда я сказал ему об этом впечатлении, Джордж Грисо медленно, преодолевая неведомую и невидимую тяжесть, ответил:

— У вас правильное впечатление, потому что я только год как снова научился ходить. Всякое резкое движение не просто приносит мне боль, — я боюсь свалиться в госпиталь, а по нынешним временам я не имею на это права.

И он рассказал мне, отчего всего лишь год назад с н о в а научился ходить.

— Во время партизанской войны, когда победа народа ни у кого уже не вызывала сомнений — мы наступали на столицу стремительно, — епископ Фернандес прислал мне письмо: он предложил встретиться в моей родной деревне, он готов был приехать туда один, в любое время, и попробовать договориться о поэтапной передаче нам власти.

Мы обсудили этот вопрос на заседании Бюро: все-таки

Фернандес раньше занимал позицию нейтралитета, а это не совсем достойная позиция для служителя церкви Христовой, которая призвана быть на стороне бесправных и обиженных. Тем не менее, я настоял на встрече: мне казалось, что Фернандес должен помнить о своем детстве, о том, как и ему пришлось испить чашу унижений, пока миссионеры не увезли его, маленького негритенка, в Рим.

Мой брат Хулио поднял батальон охраны и передислоцировал его к месту встречи — мы понимали, что колонизаторы знают об этом послании, от них можно ждать всего, даже если учесть, что Фернандес был честен в своем желании добиться мира.

Он и был честен, как оказалось.

Но в мою деревню — ночью, часа за два перед тем, как из джунглей вышел батальон Хулио, — высадились командос. Они собрали всех жителей, спросили, кто самый маленький, им назвали новорожденную Роситу, и они прокололи ее штыком на глазах у людей. Потом они увели половину жителей в лес, а оставшимся сказали, что, если те промолвят хоть слово о том, что они — рядом, все семьдесят заложников будут убиты.

«Примите тех, кто придет к вам, — сказали они, — дайте им поговорить, дайте им разойтись, тогда мы вернем ваших людей в целости и сохранности. Если нарушите приказ и признаетесь, что мы здесь были, переколотим всех — вы видели сами, мы умеем это делать, младенцу не больно, он еще ничего не понимает...»

Тогда мать Роситы закричала, что ребенок все чувствует, но они заткнули ей рот, пробили грудь коротким острым штыком, а людей увели в джунгли.

Когда Хулио пришел из джунглей, он не стал выставлять посты в деревне, потому что Фернандес предупредил: «Власти гарантируют безопасность нашей встречи, если ваши войска останутся на своих позициях, только в этом случае они пропустят меня через кордоны на дорогах».

Понятно, что вся моя семья, все, даже дальние родственники, были среди заложников. Наивные люди полагали, что, выполнив приказ колонизаторов — молчите и мы вернем ваших, — они сохранят жизнь моим детям, матери и сестре. Что делать, наши люди добры и запуганы, а обет молчания был подкреплен кровью маленькой Роситы и ее матери.

Да, я понимаю, вы проецируете нашу ситуацию на историю вашей войны, но учтите, пожалуйста: люди в России к тому времени были грамотны, читали книги,

смотрели фильмы, следовательно, умели отличать белое от черного. Ваши люди прошли школу патриотизма — за ними был опыт труда и борьбы. А что вы хотите от моего народа, который никогда не знал, что такое государство, свое государство?!

Словом, пришел Фернандес, мы с ним встретились, и все шло нормально. Его предложения могли бы стать основой для переговоров. Мы выработали совместную декларацию — он и я, и никого больше, он ведь сам просил об этом, а потом в деревню тихо вползли командос. Я даже не имел оружия — как же не верить епископу, ведь его условием были мирные переговоры.

...Сначала они начали пытать Фернандеса. Они требовали от него одного лишь признания: «Я получал деньги от коммунистов, и они приказывали мне призывать народ к междоусобице и непослушанию». Он отверг их подачку — жизнь, он достойно держал себя, епископ Фернандес, несмотря на то, что они жгли ему ступни углями и втыкали раскаленные иглы под ногти.

Потом они принялись за меня. Они связали мне руки и ноги и подвесили к дереву — я был словно ныряльщик, сиганувший со скалы в море. Но я был очень сильный, и я бы выдержал эту пытку, которую они называют «ласточка», и они поняли, что я могу долго держаться. Тогда они привели мою мать, раздели ее и сказали, что сожгут сейчас же, на моих глазах, если я не отрекусь от моего дела и не расскажу, по какой дороге в джунглях можно подойти к нашему штабу. Я не мог сказать им, вы должны понять меня. Я молчал. Когда они повалили маму и облили ее бензином, я сказал, что каждый из них поплатится жизнью за это злодейство. Я предложил им казнить меня самой страшной казнью — ведь я же ваш враг, а не старая женщина. Они ответили, что старуха родила бандитов без сердца, раз сын готов принести мать в жертву своим бредовым идеям. Когда они бросили на маму спичку, я стал биться и кричать, а мама просила меня: «Сынок, сынок, ты же сломаешь себя, сынок, не надо!»

Джордж Грисо медленно поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл его, достал несколько фотографий.

— Вот, — сказал он, — посмотрите, это моя мама. Ее сфотографировали в старости уже. Когда она была молодой, мы не знали, что такое фотоаппарат, мы впервые увидали карточки только лет десять назад. Посмотрите, а я пока позвоню по телефону...

(Не нужно было Грисо звонить по телефону. Просто он

не мог дальше говорить, да и мне, признаться, невмоготу было слушать дальше.)

— Я все-таки хочу дорассказать, — откашлявшись, продолжил Грисо. — Это очень важно — рассказать все, потому что тогда, быть может, люди в других странах поймут, отчего мы дрались семь лет, теряя братьев, отцов и матерей, и почему мы сейчас будем драться — до последнего. Мы слишком много приняли за нашу свободу, чтобы легко и без смертельного боя отдать ее. Я хочу, чтобы об этом знали все, — вот почему я обязан рассказать вам...

Он закурил, отхлебнул воды и продолжил:

— Потом они привели моего сына, Валерио. Они и его раздели, вернее, не раздели, а сорвали с него рубашку, а это был мой подарок мальчику, и он очень гордился этой рубашкой хаки, перешитой из куртки моей жены. Он очень кричал, он тянул ко мне руки и повторял: «Папочка, спаси меня! Спаси же меня, папочка!»

Епископ Фернандес проклял палачей, и тогда один из командос разрядил в него обойму автомата. А другой пробил голову Валерио прикладом, облил его — бездыханного уже — бензином и, опустившись на колени, щелкнул зажигалкой.

Хулио услыхал очередь. Он ринулся в деревню. Последнее, что я помнил, это автомат, направленный мне в живот. Командос щекотал меня автоматом, он водил им по коже, как травинкой, и все время повторял: «Ну посмейся же, посмейся, Джордж, ты так весело смеешься, очкастый». А потом он нажал на курок, и я очнулся лишь через два месяца в госпитале. А через три месяца партизаны вошли в Нагонию. Вот потому-то я так медленно поворачиваюсь и с таким трудом хожу. Обидно, конечно, в тридцать шесть лет быть инвалидом, но стрелять я умею по-прежнему, и по-прежнему перо слушается меня.

Он добро улыбнулся горькой, несколько отстраненной улыбкой человека, познавшего смерть, и закончил:

— Я готов ответить на все ваши вопросы, касающиеся ситуации в стране, но только сделаем мы это на следующей неделе: сейчас я улетаю на границу, Огано подтянул туда все свои банды, вопрос нашей государственности, то есть вопрос будущего, сейчас будет решаться на поле боя. Мне кажется, никакие силы не остановят Марио Огано, за которым стоят ЦРУ и Пекин, от удара по нашей родине. Мне кажется, что п а р л а м е н т с к и й исход невозможен. Я тем не менее готов пойти на переговоры с ним, и опять без оружия. Я пойду на переговоры с ним спокойно, потому

что убить он сможет только меня, а это совсем не страшно— погибну за родину. Простите за патетику, но я говорю то, что чувствую, всякое иное слово будет отдавать фальшью.

Спецкор *Дмитрий Степанов*,
передано по телефону из Нагонии.

Для редактора: прошу материал не резать — не надо «щадить» читателя изъятием описания того ужаса, который перенес Грисо. Если дать сто строк, выхолощенных и приглаженных, то лучше вообще не печатать. Вылетаю домой в следующую субботу. Привет всем. *Д. С.*»

...Посол прочитал репортаж Степанова и спросил его:

— Неужели рука поднимется резать?

— Еще как, Александр Алексеевич.

— Чем вы это объясните?

— Нашим характером. Мягкостью, что ли, а точнее — деликатностью. Но этакая деликатность порой хуже воровства... Вы передачи против алкоголиков видели по телевидению?

— Как-то не приходилось, Дмитрий Юрьевич.

— Советую посмотреть. Вместо того чтобы экранизировать Липатова, есть у него повесть «Серая мышь», история гибели таланта, или снять ленту о том, как умер Модест Мусоргский, мы гипнотизера на экран пускаем, зрители фокуса ждут, а фокуса нет, он же алкоголиков в клинике усыпляет, а потом — усыпляет ли, это еще надо доказать. Жесткое «нет» лучше расплывчатого «может быть»...

— Черт его знает... Пропаганда — одна из форм политики, — жестокость здесь штука опасная.

— Вы имеете в виду внешнюю политику? Согласен. Но я-то говорю о принципе, о том, что режут, чего боятся. Ладно, поплакался, и будет... Чего ждать, Александр Алексеевич?

— Грисо, боюсь, прав: на переговоры Огано не пойдет — ему не с чем идти, он же марионетка, он с д е л а н. От него ждут только одного — путча. Весь вопрос в том — когда? Если бы Грисо имел хотя бы полгода в запасе — ему не страшен ни Огано, ни десять подобных Огано... Горький это, видимо, сюжет: нехватка времени; не человеку — стране... Тем не менее, я что-то никак не возьму в толк американцев — по-моему, они глупят с Огано. Они здесь ведут себя как аналитики — в чистом виде: «треугольник —

есть трехсторонняя фигура». И все. Но ведь это низшая ступень мышления, она не перспективна. Синтетическое мышление тем и отличается от здешнего, аналитического, что оно обязательно вводит некий атрибут, который хоть и не заключен в понятие о предмете, но тем не менее, помогает предмет понять объемнее, наперед: «прямая — есть кратчайший путь между двумя точками»... Без этой философской азбуки они дров наломают. Что б им шире подумать, право слово?! Тогда б, глядишь, не затевали здесь драку. Так что репортаж обозначен дорогим моему сердцу синтезом: вы помогаете понять, отчего здесь будут стоять насмерть. Сказать априорно — ничего не сказать в наш век; победит тот, кто лучше информирует, а информация обязана идти не только из головы, но из сердца тоже... Когда собираетесь в Москву?

— В субботу, Александр Алексеевич... Но это не надолго, я управлюсь за три-четыре дня.

— У редактора будете?

— Непременно.

— Поклон от меня передайте. Я черкану ему письмецо — в вашу поддержку, Дмитрий Юрьевич.

«Весьма секретно.
Москва, Кремль.

Правительство Республики Нагонии просит оказать срочную экономическую помощь. Мы окружены государствами, в которых проамериканские и маоистские группировки объявили открыто об экономической блокаде. Существует угроза прямой военной агрессии. Если мы не получим советскую помощь — судьба нашей революции обречена.

Джордж Грисо, премьер-министр».

«Совершенно секретно.
Москва.

Ознакомившись с положением на месте, полагаю, что те три советника, которые прибыли вместе со мной, не смогут оказать действенной помощи, ибо колониализм оставил здесь в наследство абсолютное культурное безлюдье. Кадров инженеров, врачей, агрономов в Нагонии практически нет, не говоря уже об офицерах. Вылазки реакции повсеместны и ежечасны. Если мы намерены оказать помощь стране, где сорок процентов населения больны туберкулезом, семьдесят — трахомой, девяносто восемь процентов —

неграмотно, тогда необходима срочная командировка сюда по крайней мере трехсот, пятисот советников, которые бы не сидели в нашем посольстве, а работали в порту, учили обращению с тракторами, оказали помощь в организации медицинской помощи. Размещать советников негде, потому что бывшие хозяева отелей вывели из строя всю канализацию, электростанция стоит, бензохранилища пусты.

Посол СССР в Нагонии *А. Алешин*».

«Совершенно секретно.
Пекин.

Русские начали переброску советников в Нагонию. Генерал Марио Огано по нашей рекомендации запросил военную помощь непосредственно в луисбургском посольстве США. Работа по подготовке выступления портовых грузчиков с бойкотом разгрузки советских поставок продолжается и, видимо, даст ощутимые результаты в течение ближайших недель. На поддержку полковника Абабе из ВВС Нагонии, преданного нам, необходимо триста тысяч долларов.

Посол КНР в Нагонии *Ду Лим*».

«Центральному разведывательному управлению США.

Подготовка к операции «Факел» практически завершена. Однако по сведениям, поступившим из проверенных источников, можно предполагать, что создание воинских формирований Нагонии закончится значительно раньше намеченного нами выступления. В этом случае проведение операции может встретить ряд трудностей организационного характера, как-то: необходимость нашего десанта и введение спецподразделений. Наши источники предполагают также, что в ближайшее время русские поставят Нагонии большую партию грузовиков и сельскохозяйственной техники, что ощутимо повлияет на возможность поддерживать там состояние экономической неустойчивости. Учитывая стратегическую важность операции «Факел», мы крайне заинтересованы, если это возможно, в запросе агента «Умный» о масштабе предстоящих русских поставок, что позволит нам уточнить характер нашей операции и сроки ее проведения.

Роберт Лоренс, резидент ЦРУ в Луисбурге».

Из выступления американского посла по особым поручениям:

— Социальная справедливость, демократия, правопорядок — лишь этого добиваются те патриоты Нагонии во главе с генералом Огано, которые ныне подвергаются бесчеловечному обращению со стороны правительства Грисо. Моя страна никогда не вмешивалась и не намерена вмешиваться во внутренние дела иных государств, однако я не могу не сказать с этой высокой трибуны, что общественность Соединенных Штатов внимательно следит за развитием событий в этой африканской стране. В то же время слухи, распространяемые в прессе стран советского блока о том, что якобы Соединенные Штаты имеют какие-то контакты с Пекином по проведению подрывной работы против нынешнего правительства Нагонии, лишены каких бы то ни было оснований и являются клеветническим вымыслом...

ТЕМП

45225 66167 85441 96551 81713...

Константинов улыбнулся Панову, тот положил перед ним таблицу.

— Сколько всего за этот месяц они ему передали?

— Совершенно невероятное количество — это четвертое. Но отчего так категорично — «ему»? Может, «ей».

— Жаль будет, коли «ей». Все равно расплата одинакова. Но уж больно мужские созвучия в цифрах — не находите?

— «Мужские созвучия в цифрах». Занятное определение. Между прочим, точное, товарищ генерал.

— Значит, полагаете, без ключа эти радиограммы расшифровке не поддадутся?

— Вот, поглядите, — Панов положил на стол лист бумаги с таинственными точками, цифрами, тире.

— Похоже на ранних итальянских футуристов, — заметил Константинов, поднялся и отправился к себе — сегодня он дежурил по контрразведке. Суббота, можно поработать с бумагами, доделать все, что накопилось за неделю.

В кабинете на столе, в красной папке лежала последняя шифротелеграмма из Нагонии: сообщали, что сегодняшней ночью два советских специалиста были обстреляны сепара-

тистами из группы Огано; оба отправлены в госпиталь в тяжелом состоянии.

Лежала и синяя папка для особо важных документов, в ней — письмо из советского посольства в Нагонии.

СЛАВИН

— Драка может начаться в самое ближайшее время, — убежденно повторил Степанов. — И она будет страшной.

— Считаешь, что Огано пойдет напролом? — спросил Славин.

— У него нет другого выхода, Виталий.

— У его хозяев есть.

— Ты убежден, что они смогут его контролировать до конца?

— Абсолютно.

— А я — нет.

— Отчего?

— В тридцать третьем году магнаты верили, что смогут контролировать фюрера. А чем кончилось? Огано — африканский Гитлер.

— У Гитлера была сталь, медь, уголь. А что есть у Огано?

— Нагония — ключевая точка на юге Африки. Если он свалит Грисо, хозяевам придется расстилаться перед этим мерзавцем.

— А почему ты сорвался оттуда так скоропалительно?

— Сдавать фильм. Если будут какие-то поправки, надо срочно сделать, чтобы не держать копировальную фабрику...

— Получилась картина?

— По-моему — да. Послезавтра улетаю обратно.

— Завидую.

— Сказал «мастер кризисных ситуаций», — усмехнулся Степанов и откинулся на спинку стула.

Здесь, в Доме литераторов, было шумно; давали первую в этом году окрошку: кто-то пустил слух, что дирекция ресторана заключила договор с «домжуром» и теперь станут завозить раков и хорошее бочковое пиво, поэтому оживление среди завсегдатаев было каким-то особым, алчным, что ли.

— Не заключили они договора, — поморщился Степанов и подвинул Славину салат. — Пльзенского пива не будет. И ростовских раков — тоже. В жизни надо довольствоваться тем, что имеешь.

— Снова брюзжишь?

— Нет. Правдоискательствую.

— Прими схиму, — посоветовал Славин. — Очень полезно для творческого человека.

— Ну да, — усмехнулся Степанов и разлил водку по рюмкам. — Схима — это самоограничение, а всякое ограничение, даже во имя свободы, есть форма кабалы.

— Энгельса не переспоришь, Митя: свобода — это осознанная необходимость; отлито в бронзу, дорогой, не трогай...

— Ты меня все еще принимаешь всерьез?

— Перестань писать книги — буду держать тебя за обыкновенного застольного бездельника...

— Не обещаю. Перестать писать — значит умереть, а я очень люблю жизнь.

— Слушай, а если я попрошу стакан вина?

— Но ведь водка — лучше.

— Умозрительно я это понимаю, Митя, только организм не приемлет. Водку я пью лишь в силу служебной необходимости.

— Ты — дисциплинированная ханжа?

Славин усмехнулся:

— Вовсе нет. Теннисист, я, Митя, теннисист.

— Слушай, Виталий, а тебя разозлить можно?

— Нельзя.

— Никогда?

— Никогда.

— Ты — самоуверенный человек.

— Уверенный, так бы я сформулировал, Митя, уверенный. А что касаемо ограничения и свободы, я вычитал хитрющую концепцию у любопытного философа Бональда. Человек — по его версии — не свободен от рождения, и виною тому — природа, ибо она-то и есть главный наш ограничитель. Человек может стать свободным лишь в том случае, если прилагает к этому максимум усилий. Верно, а? Но занятен вывод: будьте энергичны, тогда вы сможете войти в торговую или строительную корпорацию и станете свободным благодаря тем правам, которые эта корпорация завоевала; служите своей корпорации — и вы скопите состояние; будьте набожны — и церковь станет помогать вам во всех начинаниях; сделавшись богатым и религиозным человеком, вы станете дворянином, а это дает высшие преимущества.

— Прекрасная схема. Приложима к карьеристам.

— Ты ползучий прагматик, Митя. Я не понимаю, отчего трудящиеся читают твои книги. Ты ведь не дослушал меня.

— Не тебя, но Бональда.

— Новое — это хорошо забытое старое. Если я сумел вспомнить, то, значит, именно я вернул современнику забытое старое. Сие — соавторство.

— Ишь ты!

— Так вот... Бональд прекрасно вывернул свою схему. Венец свободы, то есть дворянство, — суть защитный барьер того общества, которое мечтал создать Бональд. Раз ты дворянин, то, значит, бренный металл не должен тебя интересовать более. Дворянство останавливает энергичного плебея в его жажде к постоянному обогащению. Без этой преграды могла водвориться плутократия. Служа наградой за приобретение богатства, звание дворянина обязывает к самоограничению; дворянство — предел обогащения. Достигнув дворянства, к богатству следует относиться как к ц е л и — понимаешь? Бональд занятно пугал общество: «Если вы уничтожите дворянство, тогда стремление энергичного плебея к обогащению не будет иметь ни цели, ни предела; целью будет богатство — само по себе. Тогда-то и появится аристократия. Аристократия, но не знать».

Степанов слушал с интересом, даже окрошку отодвинул.

— Да ты ешь, Митя, ешь, — вздохнул Славин. — У литератора должен быть волчий аппетит.

— Если у литератора волчий аппетит, значит, он работает на бюро пропаганды, читает свои стихи и рассказы, а с писанием завязал. Знаешь, когда я в Испании рассказал коллегам, что у нас писателю платят за выступление, посылают в творческие командировки и дают бесплатные путевки в дома творчества, мне не поверили: «Красный ведет пропаганду, такого не может быть»... Так-то вот... Писатель должен страдать язвой, Виталий, мучиться от сердечной недостаточности и геморроя, тогда только он сможет оценить каторжную радость творчества.

— Я недавно с одним художником разговаривал, интереснейший парень, злющий, все крушит, как слон в лавке. Реставратор, иконами занимается... Мне, понимаешь, подарили иконопись на день рождения, и надо было ее реставрировать. Пришел художник, посмотрел, повздыхал, унес к себе и сделал блистательно. Я ему говорю, спасибо, мол, а почему бы вам иконописью не заняться, а он на дыбы, аж ощетинился: «Без веры нет иконописи». Как ты отнесешься к такому пассажу?

— Ерунду он порет, этот реставратор. Иконопись — наше Возрождение. У нас была своя великая живопись — иконы. К ним так и следует относиться — национальное

искусство. Вера, мне кажется, играла здесь подчиненную роль. В ту пору национальная идея была духом художников, потому как жили мы под игом. Отсюда, кстати говоря, особая роль русских монастырей. Они отличались от монастырей других стран своей исключительной ролью в сохранении национальной культуры.

— Не обрушивайся в национальный мистицизм, Митя, — снова усмехнулся Славин. — Слушай, кто эта женщина?

Степанов обернулся — высокая, большеглазая девушка стояла возле стойки и, обжигаясь, пила кофе из маленькой чашки, украшенной золотым вензелем «ЦДЛ».

— Не знаю.

— Красива, а?

— Очень.

— Как думаешь, сколько ей лет?

— Сейчас молодые вневозрастны. Это мы, пятидесятилетние, сразу очевидны — брюхо, лысина, усталость в глазах, а эти...

— Завидуешь?

— Да.

— А я — нет. Я горжусь возрастом. Прожить полвека что орден получить, право... Так какая же разница между нашими монастырями и чужими?

— Пространственная. В Италии один монастырь отделен от другого на полста километров — как максимум. Наши — на тысячи удалены друг от друга, но хранили в себе ядро, общенациональной идеи, некое состояние духа.

— По марксизму всегда пятерку получал?

— Всегда.

— Я тоже, только с тобою не согласен.

— Отчего так?

— Состояние — это слишком расплывчато. Состояние какого класса? Региона? Армии? Чиновничества? Крестьянства? Нельзя же все одной «миррой» мазать. Состояние Пугачева, Екатерины, пушкинского Гринева? Единая национальная идея всегда служит во благо какой-то одной группе, Митя, властвующей группе.

— Мы с тобой возвращаемся к проблеме схимы. Властвование, или говоря иначе, ограничение, приложимое к понятию общества, служит гарантом государственности.

— А я разве спорю? Только я спрашиваю — какой государственности? Монархия пала — я имею в виду не только нашу — благодаря собственной слабости, хотя ведь тоже являла собою государственность. Наша свобода ро-

дилась на руинах вековой государственной идеи, замешанной на духе национальной исключительности. Да, да, так именно! Инородцев-то в пух и прах костили. Ты говоришь, иконопись — следствие абсолютного покоя, ясности цели. Это — кризисный период, когда было нашествие, но ведь пики искусства — заметь себе — рождены состоянием переходным, длительным; война порождает блистательное искусство плаката; философия не может родиться под грохот канонады. Война — это желание выжить, чтобы продолжить бой завтра, мир — это когда живут, чтобы думать. Ум — основа индивидуальности, поскольку именно он создает личность. Просто-напросто Россия поры Рублева и Феофана Грека дала миру больше индивидуальностей, чем в последующие времена, видимо, в этом отгадка. И смешно требовать от природы, чтобы она все делила поровну. Я, знаешь, со стороны смотрю на наше кино: все от него требуют шедевров — вынь, не греши! А ведь это смешно! Когда кино было в новинку, родились Чаплин, Эйзенштейн, Клер, Васильевы, Довженко, Хичхок, но ведь потом оно стало бытом, оно же теперь телевизором стало, Митя! Значит, надо ждать нового накопления неведомых качеств — тогда-то и свершится новая революция в кино. И потом: даже в начале кино дало двадцать, ну тридцать шедевров, а ведь сейчас это индустрия, поток, план! Как же от потока требовать качеств Ренессанса? Надо отойти в сторону, поглядеть со стороны, и тогда поймешь, что и сейчас есть Годар, Курасава, Крамер, Феллини, Питер Устинов, Антониони, Абуладзе, Никита Михалков, наконец. И — хватит! Нельзя больше, и так слишком щедро!

— Ты что опровергаешь, понять не могу?

— Ты не можешь понять, оттого что на себя настроен. Слушай, а кто этот старик?

— Наш вахтер, дядя Миня.

— У него лицо Христа.

— А он и есть. Раньше на бегах, кстати, играл.

— Значит, и ты не отчаивайся — путь к святости лежит через грех... Мороженым угостишь?

— Угощу.

Степанов обернулся, поискал глазами официантку Беллочку; в это время в маленький зал, переоборудованный из веранды, заглянул администратор.

— Тут нет товарища Славина? — спросил он. — Срочно зовут к телефону.

— Мороженое не получится, — сказал Славин. — Будь здоров, Митяй.

КОНСТАНТИНОВ

Константинов сострадающе посмотрел на вошедшего Славина и сказал утвердительно:

— Костите за то, что я раскопал вас?

— Конечно.

— Не сердитесь. Вот, почитайте-ка, — Константинов протянул письмо из Луисбурга. — Пришло только что.

— Сигнал о предстоящей высадке инопланетян в район военного объекта? — усмехнулся Славин, доставая очки. — Или данные о похолодании на солнце?

— При вашей приверженности глобальным схемам это сообщение не представляет интереса...

Славин, стремительно прочитав письмо, поднял глаза; кожа на лысой, яйцеобразной голове собралась морщинками на макушке, что бывало в моменты острые, когда надо было принимать немедленное решение.

Посмотрел на Константинова вопрошающе.

— Вслух, — сказал тот. — Давайте-ка я прочитаю еще раз — вслух.

Константинов медленно надел очки в толстой оправе; лицо его — как ни странно — сделалось еще более молодым (когда ему д а л и генерала, ветераны шутили: «Сорок пять лет — не генеральский возраст по нынешнему времени, мальчик еще, это только в наши годы звезду давали в тридцать»); начал читать:

— «В декабре прошлого года в номере «Хилтона» в Луисбурге два американа, один из которых есть Джон, договаривался с русским, как вести работу и передавать сведения про какого-то «соседа». У русского рожа сытая и говорит он хорошо по-португальски и по-английскому, сука е... Пусть погибну за это письмо, но молчать дальше мочи нет».

Константинов посмотрел на Славина — в глазах у него метался смех.

— Ну, — заключил он, — вы готовы к комментарию, Виталий Всеволодович?

— Писал русский — это очевидно.

— В чем вы узрели очевидность?

— Хорошо определена «сука».

— Вы считаете, что ЦРУ — если они затеяли какую-то игру — не могло обратиться за консультацией к филологам?

Славин хмыкнул:

— Те, кто готовит переиздание «Толкового словаря» Даля, избегают контактов: боятся ОБХСС — каждый том

на черном рынке стоит сто рублей. А почему вы так веселитесь?

— Заметно?

— Да.

— Я веселюсь оттого, что решил рискнуть.

— Чем?

Константинов пододвинул лист бумаги, вывел жирную единицу, обвел ее кружком, поднял глаза на Славина:

— Давайте начнем с самого начала... Идут радиопередачи на Москву неустановленному агенту, идут часто, в последнее время — особенно часто. Расшифровке, понятное дело, на поддаются. Предположения нашего Панова так и остаются предположениями, не более того, читать мы их не можем. Спросим, однако, себя: где сейчас наиболее горячая точка в мире?

— Пожалуй, Нагония, нет?

— Согласен. Теперь допустим, что это письмо — не игра, не попытка скомпрометировать кого-то из наших людей, работающих в Луисбурге, тогда зададим себе еще один вопрос: где наиболее сильные позиции ЦРУ в Африке?

— Именно в Луисбурге.

Константинов повторил:

— В Луисбурге, совершенно верно. А в скольких километрах от границы с Нагонией находится Луисбург?

— В семидесяти.

— Так.

Константинов написал цифру «два» и обвел ее еще более жирной чертой.

— Теперь давайте рассмотрим третью позицию, — сказал он. — Допустим, что все убыстряющаяся лихорадочность радиограмм из европейского разведцентра ЦРУ связана с обострением ситуации в Нагонии. Допустим, ладно?

— Допустим, — согласился Славин.

— Значит, если мы решим рискнуть и остановимся на том, что ЦРУ интересует не столько Луисбург, сколько «сосед», то есть Нагония, то, следовательно, они там затевают нечто сугубо серьезное?

— Я пойду на такого рода допуск, хотя согласен, риск в таком умопостроении имеет место быть.

— Уговорились. Рискуем, останавливаемся на версии, что ЦРУ готовит нечто в Нагонии и поэтому так теребит своего агента в Москве. В Нагонии раньше стояли баллистические ракеты с ядерными боеголовками, направленные на нас с вами. Теперь их нет там. Потеря Нагонии для

американцев, таким образом, удар сокрушительный. Они, полагаю, готовы на все, чтобы вернуть Нагонию.

Константинов смотрел на Славина внимательно, выжидающе, и в его глазах улыбки уже не было.

— Теперь надо думать, что же они готовят в Нагонии? — сказал Славин.

— А я поначалу думаю об уровне агента ЦРУ. Вы понимаете, каков его уровень, если он задействован ЦРУ в связи с их внешнеполитической акцией? Вы же понимаете всю серьезность их «африканского удара». Очередная попытка ястребов рассорить американцев с нами, помешать разрядке, создать новый кризис, поставить мир на грань катастрофы. Кому это выгодно? Американцам? Нет. Нам? Тем более. Военным промышленникам? Да. ЦРУ? Бесспорно. Значит, следуя такого рода допуску, автор письма из Луисбурга прав. Значит, ЦРУ начинает свою очередную операцию? Значит, ЦРУ завербовало кого-то из наших в «Хилтоне»? И этот человек имеет доступ к секретным документам? Где?

Константинов достал из кармана пиджака сигару, снял целлофан, медленно, смакуя, раскурил ее и, сделав тяжелую, горько-сладкую затяжку, заключил:

— Следовательно, надобно решить вопрос: на чем мы сможем поймать шпиона? На сборе информации? Или на передаче ее? Работает сеть? Или шпион действует в одиночку?

— Видимо, стоит начать с проверки тех, кто работает в Луисбурге?

— Но если допустить сеть, то следует проверить и тех, кто работал там раньше. А потом отбросить всех, кто не имеет доступа к особо секретным документам. И сосредоточиться на людях, которые много знают — и здесь и там.

— Но радиограммы идут на Москву, Константин Иванович. Какой смысл отправлять сюда радиограммы, если их агент сидит в Луисбурге?

— Значит, вы исключаете версию сети? Допустим, что наметку информации ЦРУ получает в Луисбурге, а подтверждения требует от своего человека в Москве. Такую возможность вы отвергаете?

— Нет, — ответил Славин задумчиво, — не отвергаю.

Константинов снял трубку, набрал номер телефона генерал-лейтенанта Федорова.

— Петр Георгиевич, — сказал он, — мы тут со Славиным сидим над новой радиограммой. И письмом. Занят-

ным письмом. Доложить в понедельник или... Хорошо. Ждем.

Константинов положил трубку:

— «Пэ Гэ» выезжает с дачи. Вызывайте ваших людей, будем готовить предложения. Есть все основания для возбуждения уголовного дела. Согласуйте с прокуратурой. Пока все.

КОНСТАНТИНОВ

За завтраком Лида, жена Константинова, посмотрела на него вопрошающе и чуть обиженно — после того уж, как он созвонился со Славиным и назначил время на корте: семь сорок пять.

Заметив, *как* Лида поднялась со стула, Константинов улыбнулся ей ласково, чуть иронично, с тем изначальным пониманием «что есть что», которое подчас злит, но всегда понуждает относиться друг к другу уважительно, не соскальзывая в бытовщину, убивающую любовь в браке.

Лида принесла кофе, подвинула мужу сыр.

— Хочешь печенья? У нас есть «Овсяное»...

— Ни в коем случае. Сколько в нем калорий? Много. А я не вправе обижать тебя ранним ожирением.

— Ранним? — она улыбнулась. — Что будет с человечеством, когда средняя продолжительность жизни приблизится к двумстам годам?

Константинов допил кофе, отставил чашку; Лида поняла, что он сейчас *собирается* — за двадцать лет, прожитых вместе, человека узнаешь — не по слову даже, а по его *предтече*.

Он, в свою очередь, тоже понял, что она сейчас поднимется, положил поэтому руку на ее пальцы и сказал:

— Я помню. Ты станешь записывать или запомнишь?

— Неужели успел?

— Конечно. Так вот, Лидуша, рукопись никуда не годится. Это — унылая литература, а, как говорили великие, любая литература имеет право на существование, кроме скучной.

— Это азбука, Костя, я обратилась к тебе, чтобы ты помог мне мотивировать отказ.

— А ты вправе отказать ему?

— То есть? Конечно, вправе.

— Это очень плохо, если «конечно». Я, признаться, боюсь такого рода неограниченной власти редактора. А что, коли твой автор повесится? Или ты не разглядела гения?

— Мы же смотрели вдвоем.

— Я — дилетант. Читатель.

— Самая, кстати, трудная профессия. И потом, нынешний читатель куда честнее некоторых критиков. Те пытаются угадать, кого похвалить, а кого лягнуть, но угадывают не в читальных залах и книжных магазинах, а...

— Очень плохо.

— Костя, родной, я лучше тебя знаю, как это плохо, поэтому и попросила тебя прочесть эту рукопись.

Константинов пожал плечами:

— Каноническая схема, а не литература; плохой директор, хороший парторг; новатор, которого поначалу затюкали, а потом орден дали, один пьяница на весь цех... Зачем врать-то? Будь в каждом цеху только один пьяница, я бы в церкви свечки ставил. Всякое желание понравиться — кому бы то ни было — есть форма неискренности. А потом спохватимся, начнем ахать: «Откуда появились новые лакировщики?!» Разве кто-либо понуждал твоего автора писать ложь? Расталкивает локтями, к литературному пирогу лезет — нельзя же так спекулировать, право... Настоящая литература — это когда человек изливает душу; а если так — то и работы его не видно. А здесь какая-то эклектика: и драматург, и спорщик, и рассказчик, и оратор. И к каждому этому профессиональному качеству можно приложить одно лишь определение — «посредственный». В наш век информационного взрыва нельзя быть эгоцентриком, идеи в воздухе носятся, или уж быть надобно гениальным эгоцентриком.

— Ты пролистал рецензии мэтров на его рукопись?

— Прочитал. Ну и что? Эти меценаты потом, глядишь, и в газетах выступят, а книгу отправят на макулатуру, но и это полбеды; главная беда в том, что может появиться некая девальвация литературной правды, а сие — тревожно. Мне так, во всяком случае, кажется.

— Про такое заключение мне бы сказали: «разнос», Костя.

— Правильно. Зачем же литературу превращать в парламент: «Ты — мне; я — тебе, наша коалиция сильней». Не надо так, это же самопожирание литературного процесса.

— У меня появится много врагов, если выступлю так резко.

— Что ж, свою позицию надо уметь отстаивать. Я бы на компромисс не шел. Еще вопросы есть? — он улыбнулся. — Спасибо, я поехал проигрывать Славину.

...Славин опоздал на пять минут; Константинов, тренируясь у стенки, заметил:

— Точность — вежливость королей, Виталий Всеволодович.

— Так я ж не король, Константин Иванович, я всего лишь полковник, мне и опоздать можно... Затор был на Кутузовском.

Когда они менялись местами на корте, Славин задумчиво сказал:

— Знаете, на какие мысли навел меня этот затор?

— Вы хотите меня заговорить, чтобы обыграть всухую?

— Конечно. Но думал я, действительно, о том, как скорость века меняет психологию. Раньше-то наш ОРУД незамедлительно реагировал на минимальное превышение скорости, как матадор реагировал, а сейчас гонят шоферов: «Проезжай!», на осевую пускают, только б не затор, то есть потеря времени. Мне это очень нравится. А вам?

— В часы пик гонят, а попробуйте-ка превысить скорость днем — матадорская хватка осталась прежней. До изменения психологии семь верст до небес и все лесом. Подавайте!

— Итак, подытоживаю. — Константинов спрятал очки в карман и, откинувшись на спинку кресла, оглядел контрразведчиков, вызванных им на совещание, — Славина, Гмырю, Трухина, Проскурина, Коновалова. — Работу по выявлению агента будем вести по следующим направлениям. Первое — отдел Проскурина устанавливает все те организации, которые связаны с поставками в Нагонию сельскохозяйственной техники, лекарств, оборудования для электростанций. Второе: подразделение Коновалова наблюдает за выявленными разведчиками ЦРУ в посольстве — все их контакты, маршруты поездок должны быть проанализированы с учетом данных, которые мы получим, реализовав первую позицию. Третье: Виталий Всеволодович передает руководство своим отделом Гмыре и вылетает в Луисбург. Товарищу Славину предстоит выяснить ситуацию на границах с Нагонией, в какой мере силен Огано, и установить, кто автор письма. После этого...

— Если получится, — заметил Славин.

— После этого, — словно бы не слышав его, продолжал Константинов, — в случае, если Славин будет убежден, что имеет дело не с подставой, а с искренним человеком, знакомит нашего неизвестного корреспондента с фотографиями членов советской колонии.

— Номер в «Хилтоне» стоит сорок долларов, — сказал Славин, — а жить надо там, обязательно там, потому что

мне сдается, наш корреспондент, если только это не игры, в «Хилтоне» работает, скорее всего в кафе или ресторане.

— Довольно умозрительно, — заметил Константинов.

— Значит, лаборатория страдает умозрительностью, — сказал Славин. — Они мне заключение по письму прислали: есть следы масла и сохранился запах дешевого сыра...

— А если письмо сочиняли за завтраком? — поинтересовался Константинов. — В номере?

— Тогда был бы запах клубничного джема, — победно улыбнулся Славин. — Сыр на завтрак дают редко, да и потом, если бы это дело варганили ребята из ЦРУ, они бы заказали «хэм энд эггс». Дешевый сыр дают в барах «макдоналдс», они сейчас по всему миру разбросаны.

...В Шереметьево Константинов и Славин приехали ночью; пахло полынью; казалось, что вот-вот затрещат цикады.

— Выпьем кофе? — спросил Константинов.

— С удовольствием.

Они сели за столик; народа было немного; две молоденькие официантки говорили о том, что ехать на Рижское взморье рано еще, дождит, и море холодное, хотя песок за день прогревается, мягкий, нежный, и можно гулять по пляжу, вдыхая пряный сосновый запах, а загар лучше, чем на юге, дольше держится...

Константинов посмотрел на Славина, улыбнулся, подвинулся к нему, шепнул:

— Занятно, теперь нам с вами предстоит партия в теннис, причем — проигравшего не будет, победителями обязаны стать оба...

— Теннисом вы определяете предстоящие шифротелеграммы? — спросил Славин.

— Именно. И не сердитесь, как обычно, если я что-то стану вам настойчиво не рекомендовать.

— Запрещать, говоря прямо, — уточнил Славин. — Но обижаться все равно буду.

Официантка поставила перед ними кофе, спросила:

— Куда летим?

— В Болгарию, — ответил Славин. — Там море прогрелось.

— Зато песка мало, — сказала официантка, — а теплый песок важнее моря, прогрев дает на всю зиму, тепло хранит... Я в прошлом году в Румынии отдыхала, хорошо, конечно, но только вот с песком плохо, камни...

Константинов посмотрел ей вслед, покачал головой, сказал задумчиво:

— Все-таки время — категория совершенно поразительная, Виталий Всеволодович... Вы ощущаете мирность?

— Теплый песок пляжа и запах сосен, — повторил Славин. — Красиво, но при чем здесь категория времени? Не вижу связи.

— Видите. Впрочем, могу сформулировать, коли желаете.

— Извольте.

— Шестьдесят лет тому назад были невозможны две вещи... Впрочем, не шестьдесят даже... Тридцать лет назад такое тоже было невероятно: официантка, отправлявшаяся на курорт за границу, и ЧК — инструмент разрядки.

— Вы к тому, что тридцать лет назад надо было бандитов ловить и ощериваться на власовцев и бандеровцев?

— А говорили — «не вижу связи»... Именно это и имел в виду. А теперь едет Славин в Луисбург, ловить шпиона, который помогает заговору против тишины, там ведь, говорят, песок горячий, только сосен нет, пальмы... Я гордостность ощущаю постоянно, Виталий Всеволодович, начали-то с нуля, а ныне, защищая свою безопасность, помогаем маленькой Нагонии... Коли не начнут там стрелять — тишина останется первозданной, море и песок.

Голос диктора был сонным, чуть усталым.

— Пассажиров, следующих рейсом на Луисбург, просят пройти на посадку...

— Говорит блондинка двадцати семи лет, голубоглазая, с родинкой на щеке, — сказал Славин, поднимаясь.

— И в голосе ее заключена мирность, — заключил Константинов, — хотя родинка у нее на подбородке, а глаза наверняка зеленые.

СЛАВИН

Коллега Славина в Луисбурге был молод, лет тридцати пяти, звали его Игорем Васильевичем, фамилию свою он произносил округло, как-то по-кондитерски: «Ду-улов».

— Вообще-то пока еще никто не обращался ко мне за помощью, — певуче рассказывал Дулов, изредка поглядывая на острую макушку Славина; они шли по берегу океана; солнце было раскаленно-белым, жгло нещадно, слепило. — Один раз жена коменданта пришла, ей показалось, что за ней следят.

— Креститься надо, когда кажется.

— Мы проверили, тем не менее.

— Ну это понятно. Даллес за нею, надеюсь, не следил?

Дулов переспросил, нахмурившись:

— Даллес?

— Ну да, Аллен Даллес.

Дулов понял, рассмеялся — он смеялся заливисто, чуть откидывая голову налево, словно щегол перед песней. И глаза у него были щегольи, маленькие, пронзительно-черные, чуть навыкате.

— По поводу Парамонова все вскрылось уже после его отъезда домой, — продолжал Дулов. — Пришла повестка в суд, а его уж и след простыл.

— В суде были?

— Да. Те отфутболили в местную автоинспекцию. А там молчат, «ничего не знаем, никого не помним».

— Сам Парамонов ничего об этом не сказал?

— Никому ни слова.

— Чем он занимался?

— Механик гаража. Прекрасный, надо сказать, механик. Поставил на «Волгу» Зотова карбюратор «Фиата» — теперь летает, как спутник, шепотом дает полтораста километров.

— Как? — удивился Славин. — Почему шепотом?

— Тихо, без натуги.

— А что, хорошее определение — шепотом, — согласился Славин, — очень точно передает легкий и ненатужный набор скорости. Так, это — понятно. А по поводу здешних разведчиков ЦРУ вам что-нибудь известно? Ни к кому из наших не подкрадываются?

— Есть тут один занятный персонаж. Джон Глэбб, коммерсант, так сказать. С ним довольно часто видится Зотов.

— Кто?

— Андрей Андреевич Зотов, инженер-корабел, я же говорил вам. Я его предупреждал, что Глэбб, возможно, связан со службами, но он только посмеялся: «Ваша работа такая, в каждом видеть црушника».

— Правильно посмеялся. А как человек? Претензий у вас к нему нет?

— Нет. Рубит с плеча, бранится, но — убежден — честен.

— Бранится по поводу чего?

— По поводу того, что мы все браним — с разной только мерой громкости: и разгильдяйство наше, и перестраховку, и леность, и раздутые штаты, и бюрократство.

— Правдолюбец? — вспомнив Дмитрия Степанова, усмехнулся Славин.

— Вы вкладываете в это слово негативный смысл?

— А можно? — удивился Славин. — Кстати, кто следит за своевременностью поставок в Нагонию?

— Зотов. Здесь, в Луисбурге, наши суда, следующие в Нагонию, запасаются на весь рейс: там же ничего нет, порты, практически, демонтированы колонизаторами.

— Он давно здесь?

— Третий год. Последние семь месяцев один живет. Жена улетела в Москву. Недавно сам летал в Москву.

— Она что, здешний климат не выдержала?

— Нет, не в этом дело... Что-то у них сломалось, кажется.

— Как бы установить, с каким рейсом Зотов вернулся?

— Проще простого. Два рейса в неделю, пятница и вторник...

— А почему не вторник и пятница? — поинтересовался Славин. Он любил тесты, это помогало ему понять реакцию собеседника: иному толкуешь битый час, а он — как дерево, а на другого стоит только посмотреть, и по-глазам видно — понял.

— Потому что пятница более верная точка отсчета, — ответил Дулов, — за нею идут дни отдыха.

— Теннисные корты, кстати, у вас есть?

— В «Хилтоне».

— А где же там? Я что-то и не заметил.

— В подвале. Там кондиционер, прекрасное покрытие.

— Играете?

— Болею.

— За кого?

— Сейчас за польского консула, а раньше болел за жену Зотова — она играла мастерски.

— Скажите, а Зотов давно встречается с Глэббом?

— Давно. Они познакомились месяца через три после того, как Зотов приехал. Да, видимо, года два с половиной, не меньше. Глэбб не пропускает ни одного нашего приема, его у нас многие знают.

— Зотов говорит по-английски?

— И по-испански, и по-португальски — образованный мужик.

— Он вам нравится, — полуутверждающе заметил Славин.

Дулов, понимая, что вопрос о Зотове поднят неспроста,

тем не менее откинул — по-щегольи — голову, уставился на Славина глазами-бусинками и ответил:

— Да, он мне нравится.

— Хорошо, что вы не сказали: «У нас к нему нет претензий», молодчага. Зотов — пьющий?

— Нет, но он умеет пить.

— То есть пьющий? — повторил Славин.

— Нет. Он умеет пить, — упрямо повторил Дулов. — Он может много выпить, но никогда не бывает пьяным. Конечно, он не тихушник какой, я сужу только по тому, как он пьет на приемах.

— Любовницу не завел, после того как жена уехала?

— Я думаю, вас неверно о нем информировали, Виталий Всеволодович.

— А меня про него только вы информировали, Игорь. Я ничего о нем раньше не знал. Как он проводит досуг?

— Ездит по стране. Собрал интересную библиотеку.

— Наши книги здесь легко купить?

— Теперь — трудно. Все поняли, что в Москве хорошую книгу не найдешь, только тут и покупают. У него много книг по искусству, по здешней живописи.

— Музей, кстати, открыт? Книги по живописи Африки купить можно?

— Музея нет. Книги о художниках Африки издают в Париже и Лондоне. Вы не хотите с ним поговорить?

— Обязательно поговорю. Только не сразу, ладно?

— Конечно, вам видней, Виталий Всеволодович.

— Теперь вот что, Игорь... Никто из наших не встречал в «Хилтоне» русских эмигрантов? Может, к ним кто обращался — ну там водка, сувениры, пластинки...

— В «Хилтоне» всего человек шесть белых работают, Виталий Всеволодович, остальные африканцы. Бармен, я знаю, белый, француз, Жакоб его зовут, шпион, сукин сын, всем служит, невероятного шарма парень, потом там у них есть белый метрдотель, Линдон Уильямс... Больше не знаю, право...

— Вы с Глэббом на приемах раскланиваетесь?

— Конечно.

— Когда у нас предвидится коктейль или прием?

— В субботу.

— Надо бы проследить за тем, чтобы Глэббу отправили приглашение.

— Хорошо. Вы об этом попросите?

— Зачем? Я тряхнул стариной, приехал, ибо на фронте

был военкором... Вы уж этим озаботьтесь, ладно? И познакомьте меня с Глэббом.

— Но он же знает, кто я.

— Ну и что? Прекрасно.

— Прекрасно-то прекрасно, но ведь он, думаю, может догадаться о вашей нынешней профессии. Визг в прессе поднимут...

— Пусть не лезут к нашим людям — дома ли, здесь ли, за границей — мне тогда незачем будет сюда ездить, — жестко сказал Славин. — Они же начинают первыми, они — подкрадываются к тем проблемам, которые входят в прерогативу государственной безопасности. Пусть не лезут к нашим, — повторил Славин, — мы тогда будем сидеть в Москве.

— Так прямо и объяснить? — Дулов улыбнулся.

— А что? Зачем темнить? В конспирации тоже следует соблюдать меру.

— Попробуем.

— Парамонов, кстати, никогда на приемах не бывал?

— Нет, Виталий Всеволодович, он же не дипломат...

— Случайность исключается?

— Исключается, — убежденно ответил Дулов и вздохнул. — Особенно при нашей смете, каждая бутылка на счету.

...Вопросы Славина, правду сказать, Дулову не понравились — лобовые вопросы, без игры, несколько отдают схемой.

Ответы Дулова, однако, Славину понравились; он любил людей, которые умели отстаивать собственную точку зрения, несмотря на то что — тут от интонации много зависит — лучше бы для него было подстроиться под приезжего, особенно такого звания и уровня.

«Центр.

Что известно о Парамонове? Сообщал ли он кому-либо о факте его задержания полицией? Если сообщал, что именно? Существуют ли в Центре данные о русской эмиграции в Луисбурге? По моим сведениям, здесь проживает около сорока человек.

Славин».

«Славину.

Данные о русской эмиграции весьма незначительны, поскольку в Луисбурге нет клуба эмигрантов. По неподд-

твержденным данным, в Луисбурге живет некто Хренов Виктор Кузьмич (Кириллович), бывший власовец, участвовал в боях за Вроцлав (Бреслау). Точное место проживания неизвестно, однако, по сведениям трехлетней давности, он снимал номер в отеле возле вокзала. Известно также, что одно время в Киле он жил игрою на бильярде, имел кличку «от двух бортов в середину». Поскольку мы не располагаем данными о том, добровольно ли он пошел к Власову или был принужден к этому, соблюдайте максимум осторожности, если запланировали встречу. Сведений о его связях с разведслужбами не имеем, но известно, что в Киле он принимал участие в грабежах.

Центр».

КОНСТАНТИНОВ

Проскурин разложил перед Константиновым на большом, темного ореха, столе десять листов бумаги, на которых были напечатаны наименования министерств и ведомств, так или иначе связанных с поставками в Нагонию.

Константинов бегло проглядел страницы и несколько раздраженно заметил:

— А еще конкретнее можно?

Проскурин пожал плечами:

— Я сделал прикидку. Круг сужается. Остается всего несколько человек.

— А сколько из них имеют доступ к секретным документам?

— Двенадцать.

— Установочные данные подготовлены?

— Да.

— Что-нибудь настораживающее есть?

— У меня ни к одному из них нет претензий.

— Претензий? — переспросил Константинов. — И не может быть претензий к советским людям. Или факты, или — ничего.

— Я исходил из наших сегодняшних критериев.

— А вот что касаемо критериев — так они постоянны. Где материалы об этих людях?

— Трухин перепечатывает.

— Когда закончит?

— Думаю, к обеду.

Константинов вскинул голову на Проскурина и повторил:

— Когда закончит, я спрашиваю?

— К четырнадцати ноль-ноль.

— Спасибо.

Зазвонил один из семи телефонов; Константинов безошибочно угадал который, снял трубку:

— Слушаю. Да. Привет. Ну? Заходите немедленно.

Положив трубку, Константинов задумчиво посмотрел на телефонный аппарат, потом обернулся к Проскурину:

— По вашим спискам Парамонов проходил?

— Тот, о котором сообщил Виталий Всеволодович?

— Именно.

— Да.

— Но в суженный круг он не включен?

— Нет. Вы же сказали, что агента вероятнее всего просят передавать данные политического характера.

— Верно. Но Парамонов может быть передатчиком информации. Где он сейчас работает?

— В «Межсудремонте».

— Кем?

— Заведующим автобазой.

— Чем занимается «Межсудремонт»?

— Этого я еще не установил.

— Приблизительный ответ можно дать, нет?

Проскурин пожал плечами:

— Я не решаюсь, ибо знаю ваше отношение к приблизительным ответам.

— В общем-то, верно. Пожалуйста, попробуйте выяснить это срочно, потому что наблюдение — после сообщения Славина — получило весьма тревожные сигналы на Парамонова, они ко мне с докладом идут. За четверть часа выясните?

— Я постараюсь, но лучше бы — за полчаса.

— Хорошо. Но тогда, пожалуйста, установите, не помогает ли Парамонов кому-то из начальства с машиной — в личном, как говорится, плане. Кому карбюратор поменял, кому кольца перебрал, понятно? Славин ухватил деталь, проанализируйте ее: за полчаса, как уговорились.

...Михаил Михайлович Парамонов, 1929 года рождения, русский, женатый, не имеющий родственников за границей, вышел в 12.47 из «Межсудремонта», около остановки автобуса проверился, имитируя, что завязывает шнурок бо-

тинка, дождался, пока в автобус сели все пассажиры, и вскочил туда последним, перед тем как закрылись двери. Он проехал две остановки, вышел, снова проверился, остановившись около витрины магазина «Минеральные воды» и вбежал туда за минуту перед тем, как продавец вывесил табличку «Перерыв на обед». Ни с кем, кроме продавца, в контакт не входил, выпил лишь стакан минеральной воды. Сев на автобус без проверки, Парамонов вернулся в «Межсудремонт» и провел в гараже все время до окончания работы, перекрашивая в серебристый цвет «Жигули», государственный номерной знак «72-21».

Константинов поднял глаза на полковника Коновалова. Тот, словно ожидая этого взгляда, сразу же достал из папки второй лист бумаги с текстом, отпечатанным почти без полей, и молча протянул генералу.

Константинов углубился в чтение:

«Продавец магазина «Минеральные воды» Свердловского райпищеторга Цизин Григорий Григорьевич, 1935 года рождения, русский, беспартийный, женат, имеет родственников за границей по линии матери, привлекался к суду за халатность, осужден к году исправительно-трудовых работ по месту работы».

— Где родственники живут? — поинтересовался Константинов, полагая, что Коновалов еще не сможет ответить — мал срок, просто для подсказки спросил, такого рода подсказка — уважительна, никак не обижает.

Однако Коновалов, седенький, кругленький, чуть склоненный вперед, факирским жестом вытащил следующий листок и зачитал:

— Дядя, Цизин Марк Федорович, живет в Оттаве, работает грузчиком на бойне, а тетя, Цизина Марта Генриховна, уборщица в отеле.

— Как они туда попали?

— После войны; их немец угнал.

«Фраза участника войны, — сразу же отметил Константинов. — Мы бы сказали иначе: «Угнали фашисты». И в этой филологической мелочи — сокрыт огромный смысл».

— Еще одна справочка, ознакомьтесь, пожалуйста, товарищ генерал.

— Когда вы успели? Времени-то было в обрез.

— Ах, Константин Иванович, меня за то и оттирают на пенсию, что молодых, говорят, слишком гоняю.

— Вместе на пенсию пойдем, — пообещал Константинов и споткнулся на первой же фразе справки:

«Жигули», государственный знак «72-21», принадлежит гражданке Винтер Ольге Викторовне, 1942 года рождения, еврейке, беспартийной, детей не имеет, муж, Зотов Андрей Андреевич, работает в Луисбурге».

Константинов быстро поднялся из-за письменного стола, открыл сейф, перебрал листочки, оставленные Проскуриным, отложил один, склонился над ним, пыхнул потухшей сигарой, снова раскурил ее, не заметив даже, как пламя зажигалки сожгло коричневые листья с левой стороны, и спросил Коновалова:

— У вас по Винтер больше ничего нет?

— Никак нет, товарищ генерал.

— Спасибо, Трофим Павлович.

— Разрешите быть свободным?

— Да, пожалуйста. Винтер будем иметь в виду.

Основания к этому были: старший научный сотрудник конъюнктурного института Ольга Викторовна Винтер имела доступ к секретным документам, связанным, в частности, с положением в Нагонии, ибо тема ее кандидатской диссертации посвящена проблеме проникновения на африканский континент многонациональных монополий.

— И, коли вас не затруднит, — попросил Константинов, — попробуйте раздобыть для меня ее диссертацию.

...Через полчаса вернулся Проскурин.

Константинов глянул на него из-под очков.

— «Межсудремонт» занимается переговорами о ремонте наших торговых кораблей, которые выполняют международные рейсы. Поддерживают деловые связи с ГДР, Великобританией, ФРГ, Югославией и Францией. Директор конторы, Ерохин, автомобиля в личном пользовании не имеет, однако заместитель директора, занимающийся африканскими рейсами, Шаргин Евгений Никифорович имеет «Волгу». Парамонов следит за ней лично, делает профилактику, достал новые покрышки, кажется, зашипованные.

— Все?

— Нет. Не все. Шаргин, хотя и не имеет доступа к секретной информации, тем не менее часто бывает в Министерстве внешней торговли. Его брат, Шаргин Леопольд Никифорович, занимается закупками техники, неоднократно выезжал за рубеж, в Луисбург летал три раза. Среди партнеров на переговорах был Джон Глэбб, которым вы интересуетесь.

— Мы, — поправил его Константинов. — Мы им интересуемся. Вы в том числе. Наблюдение за Парамоновым, я думаю, надо усилить. Поведение Цизина следует проанализировать. Кто сможет им заняться?

— Думаю — Гречаев.

— Почему?

— У вас есть возражения против его кандидатуры?

— Нет. Пусть посмотрит. Но, понятно, в высшей мере аккуратно.

— Хорошо.

— Ольга Винтер входит в «суженный круг»?

— Да. Но я намерен ее исключить, Константин Иванович. Женщина она языкатая, резкая, но, по отзывам всех ее знающих, отменно хорошая.

— А что вы можете сказать о ее муже?

— Мужем мои люди не занимались.

— Видите ли, муж-то ее — Зотов. Сидит в Луисбурге. И занимается, в частности, вопросом поставок в Нагонию.

— Вот так дело... Значит, сеть? Зотов — Винтер — Парамонов?

— Зотов — там, Винтер — здесь, а Парамонов — передает информацию? Вы так мыслите себе эту сеть?

— Теоретически такая сеть вполне допустима... Элегантна даже, сказал бы я... Но Стрельцов уже присматривался к Винтер, говорил о ней со знакомыми — все в один голос твердят: хороший человек. Неужели так ловко маскируется, а? Впрочем, если с е т ь существует, она должна играть, обязана, точнее говоря...

Константинов слушал Проскурина задумчиво, вертел в пальцах карандаш, а потом спросил:

— Винтер по-прежнему ездит на корт? Славин сообщил, что она увлекалась теннисом в Луисбурге. Корт — прекрасное место для встреч с самыми разными людьми...

— Про теннис мы не устанавливали, Константин Иванович.

— Не сочтите за труд выяснить это, а? И еще — где она играет? В каком обществе? «Спартак», ЦСКА, «Динамо»? С кем играет — тоже любопытно.

Через два часа Проскурин доложил, что Ольга Винтер играет на кортах ЦСКА. Среди ее партнеров был заместитель начальника управления МИДа, генерал из инженерного управления, ответственный работник Госплана и Леопольд Шаргин, из Министерства внешней торговли.

«Славину.

Сообщите все, что у вас есть по Ольге Винтер, жене Зотова — контакты, интересы, моральный облик. Выясните, с кем она играла в теннис, где? Были ли у нее постоянные партнеры, и если да, то кто именно. Кто помогал ей в сборе материалов для диссертации.

Центр».

«Центр.

По отзывам людей, знавших Винтер, она проявляла большой интерес к американскому проникновению на африканский континент. Материалы к диссертации собирала в библиотеке парламента, а также в пресс-центре посольства США. Кто именно помогал ей в пресс-центре, выяснить пока что не удалось. В теннисе у нее не было постоянных партнеров. Несколько раз она играла на кортах «Хилтона» с женой британского консула Кэролайн Тизл, примерно тридцати лет, дочь генерала Гэймлорда, работавшего по связи между МИ-6 и ЦРУ в 1949-1951 годах; играла также с Робертом Лоренсом, представителем «Интернэйшнл телефоник». Считают, что Винтер уехала в Москву в связи с ее увлечением Дубовым, кандидатом экономических наук, срок командировки которого истек полтора года назад.

Славин».

«Славину.

Установите полное имя Роберта Лоренса, возраст, приметы. Что известно о Кэролайн Тизл?

Центр».

«Центр.

Кэролайн Тизл отличается радикализмом, резко отзывается о ситуации на Западе, выступает со статьями в левой прессе об африканцах, напечатала два памфлета о режиме Яна Смита и один комментарий о тайных операциях ЦРУ в Англии. Западные дипломаты ее сторонятся. По сведениям, полученным из проверенных источников, с разведслужбами не связана. Данные на Лоренса устанавливаю.

Славин».

«Центр.

Игравший на кортах «Хилтона» с Ольгой Винтер американец Роберт Уильям Лоренс, 1920 года рождения, приехал в Луисбург через месяц после свержения колониализма в Нагонии. Работал в Чили, также представителем «Интернэйшнл телефоник».

Славин».

«Славину.

По нашим сведениям, Роберт Уильям Пол Лоренс, 1922 года рождения, женат, имеет двух детей, проживающих в Нью-Йорке, предположительно является резидентом ЦРУ в Луисбурге. Выявите его овязи. Сколько раз он играл в теннис с Винтер? Был ли кто-нибудь из наших во время игр с ним? Если был, выясните, какие вопросы они поднимали в беседе, если были свидетелями таковой? Каковы их отношения?

Центр».

«Центр.

Прошу дать санкцию на встречу с Лоренсом

Славин».

«Славину.

От встречи с Лоренсом воздержитесь.

Центр».

«Центр.

Считаю необходимой встречу с Лоренсом.

Славин».

«Славину.

Повторяю, от встреч с Лоренсом воздержитесь. Выясните характер взаимоотношений Лоренса с Джоном Глэббом.

Центр».

«Центр.

Глэбб и Лоренс плавают по утрам в бассейне «Хилтона». Отношения самые дружеские. Номер, в котором живет Ло-

ренс, в отеле не называют, однако официанты полагают, что апартаменты, где работает ЦРУ, размещены на пятнадцатом этаже.

Славин»

СЛАВИН

Садовник советского посольства Архипкин просыпался рано, часов в пять; дело шло к пенсии, в Луисбурге досиживал последние месяцы, считал дни, когда вернется домой.

Он выходил в сад, когда еще никто из дипломатов не приезжал; посол и поверенный, которые жили здесь же, спали; тихо было в парке, и солнце, пробивавшее стрельчатую, диковинную листву, казалось бесцветным, зато трава обретала свой истинный цвет, какой-то совершенно особый, возможный только здесь, в Африке.

Архипкин знал, что в шесть полицейские, дежурившие у входа в посольство, будут меняться; при этом они долго разговаривают, иногда негромко поют, особенно когда день обещал быть с ветром, не таким душным; казалось, они чувствовали погоду без барометра.

Подъехал полицейский джип, из кузова выпрыгнули три парня, поправили автоматы, засмеялись чему-то, начали тихо переговариваться, и в это как раз время Архипкин услыхал — где-то совсем поблизости — тихий, задыхающийся голос:

— Мужчина, да помоги же!

Странность обращения, легкий акцент испугали Архипкина, он даже присел возле забора; оглянувшись, увидел человека, который пытался дотянуться до острой пики — забор посольства состоял из металлических панелей и пик, колониальный стиль, остался от испанцев; на пике раскачивался маленький сверток; для тяжести к свертку был привязан камень.

— Помоги же! — судорожно повторил мужчина, стоявший на улице, и оглянулся на полицейских.

Те, видимо, заметили его.

Архипкин услыхал, как один из полицейских крикнул что-то мужчине за оградой, потом все они побежали; рванул с места джип. Архипкин подцепил граблями сверток, перебросил его на с о в е т с к у ю территорию; мужчина счастливо улыбнулся и бросился в узенький переулок; джип скрипуче затормозил — улочка как тропинка, там два велосипедиста с трудом разъедутся.

Прогрохотала автоматная очередь. Архипкин, подхватив сверток, бросился к посольству. Автомат ударил еще раз, потом настала тишина.

Славин перечитал листок из свертка:

«Я отправлял вам письмо про то, как американы вербовали нашего гада в «Хилтоне». Отправил по почте. Дошло ли? Не ведаю. Американов тех я снова видал в «Хилтоне», а гада нет. Ладно, я старый, меня война поломала, апосля нее намыкался, поскитался, поплакал в подушки готелей, а он-то чего? С сытой рожей и молодой? Коли то мое письмо не дожло, знайтя, вербанули американы нашего».

— А что за письмо он отправил? — спросил Дулов.

— После войны работал в Германии, — не ответив на вопрос, заметил Славин. — «Готель» пишут те, кто долго жил в Германии.

— И украинцы говорят «готель», — возразил Дулов.

— Верно. Но русские, которые жили в Германии, все, как один, говорят так же. Я работал с перемещенными в конце войны, знаю. Ну, где садовник?

Архипкин вошел в кабинет боком, остановился у двери и, как показалось Славину, хотел щелкнуть каблуками.

«Из сержантов, наверное, — подумал Славин. — Помкомвзвода был, не иначе».

— Садитесь, Олег Карпович, — сказал Славин. — Чайку попьем?

— Спасибо, от чая не откажусь.

— Он у нас ивановский, — пояснил Дулов. — Ивановские водохлебы...

— Я слыхал, что главные водохлебы в Шуе жили, — сказал Славин, — или неверно, Олег Карпович?

— Шуйские всегда поболее ивановских хлебали, стаканов по десять — пятнадцать...

— Неужели? Пятнадцать стаканов! Возможно ли?!

— Ставьте самовар — покажу, — улыбнулся наконец Архипкин; напряженность, которая просматривалась в нем с самого начала разговора, перестала быть столь явной.

— А шуйские чем-то от ивановских отличаются? — медленно гнул свое Славин. — Или вы все на одно лицо? Я, например, рязанцев от курян легко отличаю.

— Так то понятно, — согласился Архипкин. — Курянин — южный, у него глаза с черным отливом, а рязанец косопузый, ближе к нам, блондинистый...

— А тот мужчина, что сверток перебрасывал, он, по-вашему, из какой области?

— Да я его и не разглядел толком.

— Черноглазый?

— Ей-богу, не понял, а особливо, когда палить начали, у меня и вовсе память отшибло: войны нет, а с автоматов шмаляют, как в ту пору, от живота.

— Вы видели, что полицейские стреляли от живота?

— Может, и не видел, может, показалось мне так...

— Пошли в парк, постоим на том месте, где все произошло, повспоминаем, а?

— Пошли, — согласился Архипкин, страдающе посмотрев на Дулова. — Только я не помню ничего, говорю ж, от страха занемел даже.

...В парке Архипкин остановился в том месте, где неизвестный бросил сверток, кивнул на пику:

— Вот тут он повис.

Славин подошел к забору: виден узенький переулок, идет под гору.

— Когда стрелять начали, он бежал, петляя? — спросил Славин.

— Не, он петлять начал, когда на велосипед прыгнул.

— Ах, у него там велосипед стоял?

— Ну да. К стене прислонен был. Дамский.

— Переулок в улицу упирается... Он куда повернул — направо или налево?

— Ясное дело, налево — там под гору идет, убегать сподручней.

— А куда ведет та улица?

— Не знаю, я выхожу с посольства редко, по ихнему-то не понимаю, заплутаешь еще...

— Та улица ведет к вокзалу, — сказал Дулов. — Она вливается в проспект, там трамвай, много машин, там его не возьмешь.

— Вы убеждены, они его не убили? — спросил Славин.

— Я выскочил из квартиры на балкон, мне все видно было... Он ушел, потому что они бежали вниз по переулку и никого перед ними не было. А когда они добежали до конца переулка, стрелять не стали, видимо, он махнул проходными дворами, там их много, — сказал Дулов.

— Проверили?

— Да. Если б они его убили, по радио сообщили непременно: нас лягнуть не преминули бы, — убежденно сказал Дулов. — Наверняка ушел.

— Он седой был? — спросил Славин.

— Да и не поймешь... Пегий, — ответил Архипкин. — А может, блондин, выгорел, может...

— Одет был во что?

— Как во что? — удивился Архипкин. — В костюм.

— Это я понимаю... Какого цвета костюм? Старый или новый? В галстуке? Или нет?

— Вот напасть-то, — вздохнул Архипкин, — ну, ей-бо, как отшибло...

— Шрама на лице не было?

— Шрама не было. Рука у него, правда, беспалая. То ли одного нет пальца, то ли двух — это я заприметил.

— Вот это уже важно. Он вам что-нибудь говорил?

— Ничего не говорил. Только сначала шепнул, мол, мужчина, подмоги...

— Как?! «Мужчина»?

— Или «мужчина», или «человек», точно сказать не могу.

— Если сказал «человек» — значит, украинец, — заметил Дулов.

— Не обязательно, — возразил Славин. — Мой друг, чистокровный русский, воронежец, обычно говорит, обращаясь к друзьям, «человек», «человече»... Голос какой? Испитой? Хриплый? Или нормальный?

— Хриплый голос, это вот точно, хриплый...

— А приметы так и не можете припомнить?

— Ей-бо, не могу, зачем зазря в грех вас вводить?

...Славин вернулся в кабинет, обложился справочниками: он искал бары, где играли в бильярд, особенно в районе вокзала. Нашел четыре: «Веселые козлята», «Неаполь», «Каса бланка» и «Лас Вегас».

Потом снова пригласил Архипкина.

— Олег Карпович, — спросил Славин, — вы в бильярд умеете играть?

— Плохо. С шоферами, бывало, погоняешь, шутки ради...

— Придется вам со мною поиграть.

— Да у нас не стол, а смехота одна.

— Мы в вами не в посольстве будем играть. В городе.

— Так в городе бильярды только в вертепах, нас упреждали...

— Вдвоем не страшно, — сказал Славин, подмигнув Архипкину. — Как, Олег Карпович?

— Если надо, значит, надо, — степенно ответил тот.

— Теперь вот что, — продолжил Славин, — мы с вами будем искать «беспалого». Но, быть может, нам повстречается другой русский, я вам его покажу. Поговорите с ним, ладно?

— Не советский? — спросил Архипкин.

— Эмигрант. Власовец, — ответил Славин.

— Я с таким псом и говорить-то не стану. Душить его надо, я супротив их дрался в Бреслау, ну нелюди, ну зверье...

— Если мы найдем «беспалого», тогда все в порядке, а если надо к нему подкрадываться, тогда, боюсь, придется вам поговорить с тем как раз власовцем, который стоял против нас именно во Вроцлаве... Не судите только всех эмигрантов одним судом, Олег Карпович. Один добровольно продался немцам, сам к Власову пошел, а сотню-то принудили... Все понимаю, вы правы, оправдать такое невозможно, но и среди них есть разные люди.

— Это мне умом понятно, только сердце у меня есть. Во Вроцлаве этом самом моего меньшого братана власовы постреляли...

В «Веселых козлятах» было шумно и многолюдно, играли здесь плохо, больше куражились, ставки были низкие, три доллара, «беспалый» не появлялся. Архипкин проиграл Славину три партии всухую, рука его заметно дрожала, когда он бил по шару; часто мазал, смотрел по сторонам настороженно.

Когда верткий официант, бегавший с подносом между столами, принес пиво, Славин спросил:

— А Хренов когда придет?

— Он теперь у нас не играет, сэр. Он играет в «Лас Вегас» или в баре «Гонконг». Чаще в «Гонконге», китайцы привезли прекрасные столы, там собираются самые лучшие игроки, ставки до ста долларов...

...В «Лас Вегасе», потолкавшись вокруг столов, — игроки были высокого класса, тишина стояла в зале, — Славин пригласил Архипкина к стойке, заказал «хайбл». Рука у Архипкина дрожала по-прежнему, коктейль пил с недоуменным отвращением, то и дело оглядывался.

— По уху врезать сможете? — улыбнулся Славин. — Руки-то вон какие крепкие. Чего ж тогда боитесь?

— Непривычно как-то, — ответил тот, — вертепства не люблю, я ж деревенский, нам это против сердца.

— Слово такое слыхали — «надо»?

— Это я понимаю, а все одно не в своей тарелке.

Славин обратился к бармену:

— А когда придут самые хорошие игроки?

— У нас бывает только один по-настоящему хороший игрок, сэр. Мистер Хренов, «от двух бортов в середину», классный игрок.

— Но он ведь сейчас в «Гонконге»...

— Видимо, там, сэр. Хотя он играет и здесь, довольно часто играет, но в последнее время начал посещать «Гонконг».

— Что, лучше столы?

— Нет, сэр, там дешевле еда. Китайцы продают пищу по бросовым ценам, им же все привозят из Пекина. Мы ничего не можем с ними поделать, они хотят нас разорить. Алкоголь, правда, у них стоит столько же, снабжают бельгийцы, нам приходится снижать цены на коктейли, иначе вылетим в трубу...

...В «Гонконге» бармен сразу же указал Славину на Хренова. Тот играл мастерски, неторопливо, засучив рукава; играл, как настоящий жук, дразнил партнера, говорил по-английски с ужасным акцентом:

— Целься, целься лучше, Джон! Рукой не егози, а то обыграю! Деньги-то приготовил? Или к жене побежишь просить?

Славин сел за бар — Хренов был виден ему в зеркале.

— Наблюдайте за ним, — шепнул он Архипкину. — Потом подойдите, предложите сыграть.

— Ох, господи, — выдохнул Архипкин, — у меня аж все молотит внутри... Может, жахнуть для храбрости?

— «Хайбол»?

— Да нет, водки б лучше.

— У них дрянная водка, «Смирноф», сладкая она. Виски хотите?

— Давайте, сто грамм приму.

Славин заказал двойную порцию, Архипкин выпил, подышал орешком, крякнул, слез с высокого стула и отправился к столу, на котором играл «от двух бортов в середину».

— Слышь, — сказал Архипкин, — сыграем, что ль? На пять рубл... долларов...

Хренов резко обернулся, отступил, сразу же полез за сигаретой.

— Ты — кто? — спросил хрипло.

— Садовник.

— Откуда?

— Посольский...

— Красный, значит?

— Какой же еще... Конечно, красный...

— Меня откуда знаешь?

— А я тебя и не знаю вовсе... Бармен сказал, что ты русский, ну я и подошел, я ж по ихнему-то не умею.

— Погоди, я сейчас этого приложу.

Хренов вернулся к столу и пятью ударами закончил партию — играл профессионально, раньше-то куражился, понял Славин, заманивал партнера, давал шанс. Получил двадцать пять долларов, сунул в карман рубашки:

— Играешь-то хорошо? Или, может, поговорим? Впервые красного вижу, после войны ни разу не встречал.

— Нашкодил небось, вот и шарахался.

— Это было, — мазанув лицо Архипкина цепким взглядом, ответил Хренов. — Пойдем, за столиком посидим, я угощаю.

Они отошли к окну, в закуток, и Славину пришлось пересесть, чтобы видеть их.

Хренов заказал «две водки» — по сорок граммов, так здесь наливают. Архипкин посмотрел на стакан, Хренов понял:

— Соцкую хочешь? Погоди, закажу, они этого не понимают, приставать начнут, «выпей залпом», они ведь глоточками цедят, нелюди...

— Слышь, а где этот-то?..

— Кто?

— Ну, как его...

— Колька?

— Нет, — ответил Архипкин, поиграв пальцами.

— Ванька, что ль? «Беспалый»?

— Да.

— В отеле, где ж еще. Он там посменно дежурит, по двенадцать часов. А зачем он тебе?

— Нужен. По радио про него передавали...

— Бандюга, мол, и власов, да?

— Не, сестра ищет...

— Иди ты! Неужто сестра?! Как же она его выследила?

— У нас в радио пишут, мол, брата ищу, такой-то и такой-то. Как его фамилия-то?

— Слышь, — не ответив, спросил Хренов, — а вот если с повинной прийти, сколько сейчас нашему брату дают?

— Смотря за что...

— Крещеные мы с ним, садовник, крещеные.

— Это как?

— А так. Как забрали из лагеря, с голодухи-то к черту в кровать прыгнешь, привезли в село, каждому в руки винтовку дали и комиссаров выстроили. Ганс, офицеришка, к каждому из нас подходил, парабеллумом своим в затылок упирался и говорил: «Стреляй». Или — ты, или — тебя. А как выстрелил, как повалил комиссара, так они винтовку отбирали и говорили: «Свободен, иди, куда хочешь».

Кровью-то покрестили, куда нам было подаваться? Ну и пошло, «крещеные»... Так-то вот, красный...

— Ты мне скажи, как этого «беспалого» найти? Адрес его знаешь?

— Я все знаю, садовник, я знаю все, да просто так не скажу. Мы — ученые. Может, нет никакой сестры, а тебя НКВД подослало...

— Нужен он НКВД...

— НКВД все нужны, садовник, ты мне вола-то не крути. Сам откуда?

— Ивановский.

— Сосед. Я с Вологды.

— С города?

— Не. Деревня Пряники. Лог кругом стоит — что ты! Синь беспросветная, и ручьи текут. Как поутру выйдешь из избы — тишина... И дятел — тук-тук. Здесь дятла поди найди, какаду одни летают, мать иху так... Тебя как зовут-то?

— Олег Карпович. А тебя?

— Виктор Хрисанфович... И деньга водится, и комнату имею, а все одно сердце рвет, Карпыч, — домой мечтаю... А там четвертак вольют, а мне пятьдесят три... Когда выйду? То-то и оно...

— У нас четвертак теперь не дают. Пятнадцать.

— Ну пятнадцать. Тоже не месяц. Шестьдесят восемь будет, когда отбабахаю. Кому старик нужен? Семье, обратно, позор, у меня ж братья и сестры в Пряниках должны жить... Так — «без вести пропал», а коли вернусь, тогда что? В Сибирь угонят, а чем они виноваты? Я один и есть виноватый, за то с ворами в бильярд и гоняю...

— Слышь, ты мне фамилию «беспалого» скажи.

— Не напирай. Я пока с им не поговорю, фамилии не открою. Думаешь, в Вологде Пряники есть? Так я тебе и назову деревню-то... Тоже, Карпыч, ученые, жизнь извозила, себе-то самому не веришь... Приходи сюда через недельку, может, он и согласится, а закладывать его я не стану, нас тут — раз, два — и обчелся, русак русака бережет, хоть душу по-нашему можно отвести... «Беспалый» — как ты говоришь — угрюм-душа, от всех бежит, бобылем живет... Ну, еще врежем?

Директор криминальной полиции генерал Стау получал от хозяина бара «Гонконг» мистера Чу-Ну запись бесед иностранцев — профилактическая мера, чем черт не шутит, приходится оборудовать вертепы техникой.

Стау позвонил Джону Глэббу.

— Джон, тебя не интересует русский, который работает в отеле?

— Если бы он работал в министерстве иностранных дел, меня бы это заинтересовало, — улыбнулся Глэбб. — Они же здесь лакеи, выше не поднялись, какой прок от лакея, Стау? Как его фамилия?

— Я не начал устанавливать до разговора с тобой. «Беспалый», больше ничего неизвестно.

— Ладно, завтра встретимся, подумаем...

— А говорил о нем садовник русского посольства.

— Да? Уже интересно. В чем дело?

— «Беспалого» сестра разыскивает, садовник сказал, что по радио была передача.

— Вполне может быть, у них есть такая передача...

— А с садовником у наших китайцев был некто Славин. Я на всякий случай установил, живет в отеле «Хилтон».

— В «Хилтоне»? — после паузы переспросил Глэбб. — Что ж, спасибо, Стау. Дай мне день, я свяжусь с тобой.

...Нырнув в кондиционированный вестибюль «Хилтона», Славин почувствовал, как он вспотел — рубашка была мокрой, лицо, после пляжных гуляний, горело, крем не спас.

Он подошел к портье, попросил ключ от своего номера, купил все газеты и пошел к лифту. Здесь его и окликнули. Он обернулся: около бара стоял расплывшийся, неряшливо одетый мужчина, а рядом с ним — улыбающийся, источающий само дружелюбие, поджарый, седоволосый, невероятно красивый Джон Глэбб.

— Хэлло, Иван! — снова прокричал мужчина, капнув пивом на рубашку цвета хаки. — Неужели вы не узнали меня, стаина?!

КОНСТАНТИНОВ

«Совершенно секретно.
Генерал-майору Константинову К. И.

В ответ на ваш запрос сообщаем, что вчера с 21.00 до 21.30, в то время, когда шла радиопередача центра ЦРУ из Афин на СССР, из интересующих вас лиц лишь Винтер О. В. находилась дома и, таким образом, могла — предположительно — принимать зашифрованную передачу.

Майор Суханов».

«Совершенно секретно.
Генерал-майору Константинову К. И.

В ответ на ваш запрос сообщаем, что передачи афинского разведцентра ЦРУ можно принимать лишь на сверхмощных радиоприемниках типа «Филипс», «Панасоник», «Сони». Однако в каждом конкретном случае определенный ответ можно дать лишь после ознакомления с аппаратом или же с его схемой и подробным описанием.

Капитан Шарипов».

«Совершенно секретно.
Генерал-майору Константинову К. И.

По данным, полученным после опроса знакомых Винтер и Шаргина, установлено, что у них дома есть сверхмощные приемники типа «Панасоник де люкс», 1976 года выпуска.

Капитан Гречаев».

...К вечеру подразделение Коновалова, изучавшее тех работников ЦРУ, которые были выявлены контрразведкой, установило, что прошлой ночью второй секретарь посольства Лунс выехал из дома на Ленинском проспекте и, запутав чекистов, следовавших за ним, оторвался от наблюдения в 23.40, свернув с Можайского шоссе в Парк Победы.

— В парке Лунс проехал по узенькому шоссе, — докладывал Коновалов, — остановился на несколько секунд, вышел из машины, стукнул ногой по баллону, закурил и уехал. В контакт ни с кем не входил. Оттуда, из Парка Победы, на очень большой скорости поехал в посольство, пробыл там до трех утра, вернулся домой — опять-таки через Парк Победы, но там больше не притормаживал и не останавливался. Однако на этот раз из парка вышел мужчина, который сидел под дождем на скамейке, — по маршруту следования Лунса. Поскольку автобусы и троллейбусы уже не ходили, мужчина отправился домой пешком. Живет он на улице 1812 года, Шебеко Роман Григорьевич, генерал-лейтенант в отставке...

«Центр.

Есть ли данные на эмигранта, примерно пятидесяти лет, беспалый (отсутствуют два пальца на левой руке), блондин, по моим предположениям, долго жил в Германии. Возможно, что по национальности «беспалый» украинец. Прошу про-

верить все контакты Хренова на местах его прошлого проживания, не было ли там «беспалого». Возможно ли выяснить через администрацию «Хилтона» фамилии всех русских, работающих в их системе на африканском континенте?

Славин».

«Славину.

Среди контактов Хренова в Киле «беспалого» установить не удалось. Он дружил с невозвращенцем Портновым Михаилом Исаевичем, инженером, командированным в Киль для закупки оборудования. Портнов повесился, оставив записку, в которой проклинал тех, кто уговорил его остаться. Именно после этого эпизода Хренов уехал в Африку, будучи травмирован гибелью друга. По возможности установим фамилии лиц русского происхождения, работающих в системе «Хилтона». Следующую встречу с Хреновым проводите, соблюдая максимум осторожности.

Центр».

...Начальник управления генерал Федоров, выслушав доклад Константинова, сказал:

— Начало операции мне обычно представляется ремонтом в квартире. Все было тихо и спокойно, кое-где трещины пошли, обновить, кажется, краску — и все, а как навезут строители материала, как застелят газетами пол, как начнут все крушить и корежить, так, думаешь, прощай, покой...

— Это хорошо, что они у вас застилали пол газетами, — заметил Константинов. — Образцово-показательные, видно, были строители. У меня они норовили ходить по паркету чуть не в шипованных бутсах.

— Это понятно, — ответил Федоров. — Утеря профессионализма. Я это объясняю тем, что войну выстрадали наши бабоньки — у станков-то они стояли, горемыки, и мальчишки по тринадцать лет...

— Мы между станками спали, — улыбнулся Константинов, — до дому не дойдешь, слаб, да и бомбежки, так мы гамаки вешали и в них отдыхали — гудит машина, привычно, успокаивает даже — тогда тишина тревожной была...

— Именно, — после паузы сказал Петр Георгиевич. — Тишина была тревожной... Выколотили двадцать миллионов, а с ними высокий профессионализм поубивали. А что такое профессионализм? Это — тщательность в первую

голову, высокая, аккуратная тщательность. Так что, если ввинтиться в существо проблемы, эти самые шипы на бутсах, которыми шлепают по паркету, — понятны и, увы, объяснимы; трагично — но объяснимы. Чаю хотите? Или кофе?

— Кофе.

— Сердце не сорвете?

— Мне кажется, что какое-то, даже самое пустяковое ЧП у нас с точки зрения стрессовой нагрузки пострашнее, чем тонна кофе, Петр Георгиевич.

— Тоже верно, — согласился тот, — но такого рода позиция демобилизует, не находите?

— Так ведь все время под ружьем — тоже стресс; демобилизация — это расслабление.

— Вам бы в схоласты, хитрец вы невообразимый, почти как Славин.

— Хитрее Славина нет никого на свете, — убежденно возразил Константинов.

...Когда секретарь принес две чашки кофе и сушек, Петр Георгиевич достал большой лист бумаги и начал чертить быструю и точную схему.

— Вам видно? — спросил он.

— Видно.

— Тогда корректируйте, если ошибусь.

— Не ошибетесь.

— Ладно, ладно, не льстите мне. Значит, в поле вашего интереса, особенно после телеграммы Славина, оказался Парамонов, так?

— Так.

— Наблюдение за ним прибавило Ольгу Винтер. А она, оказывается, жена Зотова. Так?

— Именно.

— Я, кстати, запросил Славина, как он относится к отзыву Зотова из Луисбурга. Молчит. Полагаю, у него пока что нет оснований настаивать на этом. Нас не поймут, если мы войдем с таким предложением, фактами не располагаем.

— Дружба Зотова с Глэббом?

— Ну и что? И посол с Глэббом под руку на приемах ходят. Он же не изобличен как сотрудник ЦРУ, одни предположения, он ведь коммерсант, к нам дружески настроенный... Пойдем дальше. Какие здесь возможны комбинации? Парамонов — во время задержания в полиции — завербован на чем-то. На чем? Славин версию не отработал, гадаем на кофейной гуще. Что, однако, дает нашим «коллегам» вербовка Парамонова? Он ведь не располагает ин-

формацией политического характера. Зачем он им? ЦРУ такие не нужны.

— Передаточная инстанция.

— Допустим. Между кем?

— Можно представить такую комбинацию: Зотов в Луисбурге наводит на проблемы; здесь разворачивает Винтер — через нее проходят секретные материалы, она знает много; Парамонов — передатчик информации.

— А если чуть скорректировать? Зотов, действительно, наводчик; Шаргин — главный источник оперативной информации; Винтер — перепроверка данных Шаргина, к ней, в их институт, приходят материалы изо всех практически министерств; Парамонов — согласен — передаточная инстанция. Такое возможно?

— Да. Возможен и третий допуск: Винтер имеет множество знакомых на корте. Ее партнеры — информированные люди. Там, на теннисном корте, она т р о г а е т наиболее сложные политические проблемы, а Шаргин работает на уточнении тех вопросов, которые она перед ним ставит; Парамонов — передает информацию.

— Как передает? Где? Кому? Не генералу же Шебеко...

— Он мемуары пишет, не очень-то получается, — заметил Константинов. — Многие наивно полагают, что литература — легкое дело... Бессонница у старика, мы проверили... Каждую ночь гуляет в Парке Победы...

— Где был Парамонов, когда Лунс туда ездил?

— Дома.

— Винтер?

— Не установлено.

— Шаргин?

— Сидел в ресторане с братом.

— А где все они находились во время последней радиопередачи разведцентра?

— Шаргин был на работе — принимать, следовательно, не мог, Парамонов — дома, но, как установил Гмыря, свой «Панасоник» он продал месяц назад через комиссионный магазин на Садовой. Винтер была дома.

— Надо бы график завести: кто где находится во время передач их центра, — я это практиковал во время драки с Канарисом и «папой Мюллером», давало хорошие результаты...

— Какой приемник у Винтер?

— «Панасоник».

— Славина, кстати, запросите — кто, у кого, когда и

за какую цену покупал эти самые «Панасоники», видимо, все в одной лавке брали, а коли в разных — еще интересней.

— Мы займемся этим делом немедленно.

— Сколько интересующих нас лиц оказалось сейчас в «суженном круге»? — спросил Федоров.

— Вечером отпало еще пять человек — они сейчас в отъезде; двое ушли в докторантуру, остальные кристальны, во всех смыслах кристальны.

— Ну это беллетристика.

— Нет, данные проверки.

Петр Георгиевич отодвинул пустую чашку, и в том, как он ее отодвинул, Константинов угадал раздражение.

Он не ошибся.

— Что же Славин медлит со своей версией? Почему ничего не сообщает?

— Он и сам на иголках, но ведь он не умеет спешить, не умеет — и все тут. Он понимает, что, покажи фото тому, кто писал, все наши гадания кончатся, он прекрасно понимает, как мы ждем от него именно этого сообщения, Петр Георгиевич.

Заглянул помощник:

— Товарищ генерал, Панов со срочным сообщением.

— Звонит?

— Вы просили не соединять, так он пришел.

— Пусть войдет.

Панов положил на стол шесть страниц:

— Сразу три, товарищ генерал. Такого еще не было.[1]

— Каково, а? — спросил Петр Георгиевич. — Впору просить у вас сигару. Такого рода интенсивность работы может быть лишь накануне с о б ы т и й ...

...Генерал-лейтенант Федоров стал чекистом, когда ему исполнился двадцать один год — молодой радиоинженер уехал добровольцем в Испанию, работал там с легендарными дзержинцами-контрразведчиками, учился р е м е с л у у

[1] Радиограмма, не поддававшаяся расшифровке, была передана из разведцентра ЦРУ в Европе. Текст гласил: «Дорогой друг, информация, переданная вами, внесла существенный вклад в борьбу. Самый большой руководитель ознакомлен с вашей точкой зрения и с переданными вами материалами. Мы выполним вашу просьбу и незамедлительно перешлем вам то, о чем вы просили во время очередной тайниковой операции. Места встреч прежние. Очень просим убыстрить обработку документов, находящихся в вашем распоряжении, и передать данные о том, возможно ли наращивание русской помощи Нагонии, когда там начнутся события кризисного порядка. Ваше мнение и суждения ваших знакомых соответствующего уровня были бы для нас крайне ценны. Ваши друзья «Д» и «Л». (*Примеч. автора.*)

Григория Сыроежкина, а когда началась война, стал работать против абвера и гестапо; сотни гитлеровских агентов были схвачены и обезврежены благодаря работе той службы, которую возглавлял Федоров. Потом — борьба с буржуазными националистами, разгром бандеровцев; выявление затаившихся гитлеровских прихвостней; сражение с Даллесом за выдачу фашистских палачей, перебежавших за океан в поисках новых хозяев. Потом началась его работа против шпионов, которых начали засылать американские разведорганы.

Бритвенно мыслящий, стремительный, но при этом спокойный, Федоров спросил задумчиво:

— Вы в теннис играете по-прежнему?

— Когда есть время.

— Найдите время, а? Поглядите на Винтер сами, все-таки, знаете ли, бумага — это бумага, а человек — он и есть человек. Приглядитесь к ней, Константин Иванович. И еще: дело сложное, архисложное, сказал бы я. Поэтому, думаю, следует вам — с вашей-то тщательностью — заняться и мелочами, кажущимися мелочами. При всем при том, поиск шпиона — акция внешнеполитическая, тут надобно проявлять особого рода дотошность.

СЛАВИН

— Нет, Иван, сто раз нет, — упрямо, как только могут упрямствовать постоянно пьющие люди, повторил тот самый неряшливый, толстый мужчина в хаки, что окликнул Славина. — Вы все погубили своими руками, вы, ваш Сталин, он же постоянно угрожал Европе агрессией. Что нам оставалось делать?

— Вы повторяете свое, как заученное, — Славин отхлебнул пива и посмотрел на Глэбба, словно бы ожидая от него поддержки.

— Мистер Славин прав, — сразу же согласился Глэбб. — Трумэн был плохим парнем, Пол. И он действительно не любил красных, зачем закрывать на это глаза?

Пол даже не глянул на Глэбба, попросил себе еще один бокал пива, положил руку на плечо Славина и, странно подмаргивая обоими глазами, словно бы одновременно разговаривал с двумя людьми и с каждым хитрил, сказал — очень медленно, с болью:

— Иван, Иван, вы помните, как в апреле сорок пятого мы ходили всю ночь напролет по Дрездену, и думали о

будущем, и как ликовали потом, в Нюрнберге, когда свиней вытащили на скамью подсудимых? Вы помните?

— Помню. Вы еще тогда не только подмаргивали, но и шеей после контузии дергали, и смеялись над собой очень зло, чтобы другие не имели возможности смеяться первыми, и совсем не пили, даже пива, и были влюблены в немку с нацистским прошлым.

— Контузия прошла; надо мною, неудачником, смеются все, а я лишь обижаюсь; я, как и все ущербные люди, обидчив, Иван, до сердечных колик обидчив, я разучился подшучивать над собой, это — привилегия сильных; пью я теперь с утра и считаю это высшим блаженством; немка с нацистским прошлым, вы не зря ее невзлюбили, родила мне сына, потом бросила, вышла замуж за узника Дахау, сейчас изображает из себя жертву гитлеризма, получает пособие и руководит в Дюссельдорфе комитетом за гуманизм по отношению к животным. Она его создала, кстати, после того, как вы зашвырнули в космос свою Лайку. Я дал отчет о себе. А вы? Что вы делали после Нюрнберга?

— Жил, Пол, жил. Не хотите подняться ко мне? Есть русская водка, икра и черные сухари с солью.

— С удовольствием, — сразу же откликнулся Глэбб, — нет ничего прекрасней русской водки, наше виски дерьмо в сравнении с нею.

— Все чиновники администрации ругают свое, — заметил Пол Дик, корреспондент тридцати двух провинциальных газет, лауреат премии Пулитцера в прошлом, супер-репортер отчаянной храбрости, тридцать три года тому назад красавец, поджарый, спортивный, а сейчас потухший, перегарный, старый.

Уже в лифте, как-то отрешенно слушая Глэбба, который рассказывал Славину о том борделе, который царит в Луисбурге, о наглости монополий, лезущих во все поры страны, Пол хмуро продолжил свое:

— Все чиновники администрации, если только не работают на подслух, ругают свою страну, чтобы понравиться иностранцам, — дешевка это, грубятина.

— Сейчас он скажет, что я тайный член компартии, — вздохнул Глэбб, — агент ЦРУ и главарь здешней мафии.

— Что касается здешней мафии — не утверждаю, нет фактов, но ведь в Гонконге ты, говорят, работал; в ЦРУ ты не служишь, Даллес туда набрал умных парней с левым прошлым, вроде Маркузе; в партии ты не состоишь и ей не симпатизируешь, потому что воевал во Вьетнаме.

Глэбб пропустил Славина и Пола Дика, закрыл ладонью

огонек в двери лифта, чтобы не хлопнул, они здесь норовистые, эти лифты, и уже в тихом, застланном зеленым шершавым ковром кондиционированном коридоре заметил:

— Мне нравится, кстати, что мы так зло и бесстрашно пикируемся, это и есть высшее благо свободы.

— Точно, — согласился Славин. — Согласен.

— Слово — не есть свобода, — сказал Пол. — А вы все погубили, Иван, и такие встречи стали исключением из правила, а могли быть правилом, и мне очень обидно, очень, понимаете?

Славин, отпирая дверь номера, заметил:

— Мы, говорите, погубили? А когда Черчилль произнес свою речь в Фултоне? Когда он призвал Запад к единению против России? Ведь тогда еще воронки травой зарасти не успели.

— А что ему было делать? Фултон был для Черчилля последней попыткой спасти престиж Британской империи, рассорив вас с нами. Он же мечтал о роли арбитра — обычная роль Англии. А вы позволили себе рассердиться. А когда наши кретины наделали массу глупостей и когда в мире очень запахло порохом, именно Черчилль призвал к переговорам между бывшими союзниками — снова арбитраж, победа престижа...

— А вы что, помогли нам понять Черчилля? Мы ведь тогда были молодыми политиками. Пол, — ответил Славин, доставая из холодильника бутылку водки и банку икры. — В сорок шестом году, когда Черчилль выступил в Фултоне, моей стране не было тридцати лет, и вы, американцы, только тринадцать лет как признали нас. Вы помогли нам понять Черчилля? Вы ж заулюлюкали: «Ату красных!»

— Вы стали нарушать Потсдам.

— В чем? — неожиданно жестко спросил Славин. — Факты, пожалуйста.

— При чем здесь факты, Иван! Была очевидна тенденция! Вы тогда могли рвануть и в Париж и в Рим — вас там ждали Торез и Тольятти.

— Могли? Или рванули? Это вы, Пол, начали лезть в Польшу, Венгрию, к чехам; это вы начали пугать людей нашим вторжением — мы-то молчали. Мы долго молчали, Пол, и, затянувши пояса потуже — голод был у нас, — страну поднимали из руин. Бесчестно было обвинять нас в агрессивности, когда мы думали об одном лишь: людей из землянок вытащить. А вы нас стали разорять гонкой вооружений. Это же стратегия — не дать нам возможности вложить средства в мирные отрасли, брать на измор. И мы

были вынуждены предпринять встречные меры. Да, порою жесткие. Так кто же нарушал Потсдам, решение Большой тройки, подписанное и Трумэном и Эттли? Кто звал к его ревизии? Мы или вы?

— Ваши люди отвергают факт «жестких мер», — заметил Глэбб, наблюдая за тем, как густо водка из морозилки разливалась по рюмкам. — Они говорят, что это — провокация.

— Кто?

— Ваши посольские, инженеры из торгпредства.

— Откуда вы их знаете? — спросил Славин.

— Он же из торговой миссии, — хмыкнул Пол. — Торгует родиной и — по совместительству — радиоаппаратурой.

— Я горжусь тем, что дружу со многими русскими, — сказал Глэбб. — Очень славные ребята, но как только речь заходит о спорных вопросах, они начинают говорить так, как пишет «Правда».

— Правильно делают. Здоровье Пола. Рад видеть вас, Пол. Раз вы приехали сюда, значит, надо ждать событий.

— Скоро полетим в Нагонию, приветствовать свержение Грисо, — ответил Пол и опрокинул водку — без глотка даже — в рот, который показался Славину печью: так он был огнедышаще раскрыт и красен.

— Не надо выдавать желаемое за действительное, — сказал Глэбб. — Чтобы свалить Грисо, нужны люди и деньги, а этого нет у его противников.

— Не лгите, — отмахнулся Пол. — Есть деньги, есть люди.

— Значит, вы знаете больше, чем я, — Глэбб пожал плечами и показал глазами на бутылку.

«Он хочет, чтобы Пол поскорее напился и начал пороть чепуху, и тогда все его слова покажутся собеседнику бредом», — понял Славин.

Славин разлил водку еще раз.

— За прекрасных русских парней, — предложил Глэбб, — за то, чтобы мы научились понимать друг друга и относиться с доверием! В конечном счете, мы живем в одном мире, над нами одно небо, и разделяет нас один океан, через который можно и нужно перебросить мост.

— Я — за, — согласился Славин, чокнулся с Глэббом, выпил, поднялся и пошел к телефону. — Какой номер здешнего сервиса?

— Наберите «пятнадцать», — ответил Глэбб. — Это если вы хотите заказать сандвич или орешки. У них здесь

отменные орешки, они их с солью жарят, очень вкусно и дешево, прекрасная закуска.

— А если я хочу угостить гостей?

— Тогда наберите «двадцать два». Это здешний ресторан, кухня хороша, но все довольно дорого.

— Алло, это шестьсот седьмой номер, добрый вечер. Что бы вы могли нам порекомендовать на ужин? Нас трое. Икра? Спасибо, у нас есть русская. Рыба? Какая? Асау?

Пол Дик начал осовело раскачиваться, пытаясь дотянуться до бутылки. Глэбб посмотрел на Славина, отрицательно покачал головой, шепнув:

— Это слишком дорого, не надо, попросите мерлузу, вполне пристойно по цене и очень вкусно.

— Мерлузу, пожалуйста, салаты и кофе. Да, спасибо. Мороженое? — Славин закрыл трубку рукой. — Мороженое у них очень дорогое?

— Как у вас — очень дешевое, — рассмеялся Глэбб, — но невкусное.

— И три мороженых. Да, фруктовых. Спасибо. Ждем.

Пол все-таки налил себе водки, снова заглотал рюмку и, трезво посмотрев на Глэбба, сказал:

— Знаете, ребята, о чем я мечтаю? Я мечтаю заболеть раком. Анализы должны показать, что у меня рак. Но болей еще не должно быть. Это очень важно, чтобы не было болей. Тогда бы я начал гулять. Я бы гулял, пока не свалился, гулял так, как никогда не мог позволить себе из-за проклятой работы, я бы гулял так, как об этом мечтает каждый: без страха за завтрашнее похмелье. Это был бы настоящий праздник, полное высвобождение...

— Ну вас к черту, — сказал Славин и снова плеснул водку по рюмкам. — Вы нарисовали жуткую картину, и я хочу поскорее напиться, чтобы забыть ваши слова. А почему вы не пьете, мистер Глэбб?

— Я пью! Что вы, я пью, как лошадь!

«Ты — хитрован, а не лошадь, Глэбб. Лошадь — умное животное, оно бы не стало так жадно наблюдать за тем, как я пью, и не ловило бы так алчно признаки опьянения. Я сейчас наиграю опьянение, ты не гони картину, не надо так торопиться, хоть время, действительно, деньги, но ты же проигрываешь со своей заинтересованной торопливостью. Тебе бы лениться, Глэбб, тебе бы напиться первому, сблевать, уснуть в кресле — тогда бы все было путем, тогда бы я до конца поверил в то, что ты, действительно, из торговой миссии, продаешь радиоаппаратуру и что-то там еще, родину, кажется, говорил Пол».

Тяжело открыв глаза — набрякшие веки свинцовы, — Пол плавающе потянулся к Славину:

— И сейчас вы виноваты, Иван. Здесь, в Африке, во всем виноваты вы. Мы влезаем только для того, чтобы не пустить вас.

— Вас бы устроило, — Славин снова налил себе и Глэббу, капнул водкой на брюки Полу, не извинился даже, воистину пьян, в такой жаре быстро пьянеют, — если бы в Нагонию влезли люди Мао? Вас бы устроило, чтобы бедной Европе уперлись пистолетом в подбрюшье? Она бы стала такой сговорчивой, эта прекрасная старушка... Или вы понимаете эту угрозу и решили помочь Европе?

— Китайцы — насекомые, Иван. Саранча. Они бессильны, они не могут нагнать — ни нас, ни вас.

— Нельзя так говорить о великом народе, Пол, — отрезал Славин, — это бесчестно. Китайцы — прекрасные, умные и добрые люди.

— Давайте выпьем за женщин, — сказал Глэбб. — Ну вас к черту с вашей политикой.

«Он сейчас предложит пригласить женщину, — понял Славин. — Он закажет виски и позовет подругу. Или скажет, что здесь хороший стриптиз».

— Поддерживаю, — сказал Славин. — В наше стремительное время лишь женщина остается символом надежности, то есть красоты.

— Это — ничего, — ухмыльнулся Пол. — Продайте, Иван. Красота — как символ надежности. Десять долларов. Даже пятнадцать. Я начну репортаж для наших свинопасов: «Красота — как символ надежности, об этом подумал я, когда вертолет доставил меня в джунгли, на берег океана, к двухметроворостому мистеру Огано, трибуну и борцу, который обещает вернуть народу Нагонии свободу, попранную кремлевскими марионетками Грисо». Ничего, да?

— Ничего. Давайте пятнадцать долларов. Или возьмите с собою к Огано.

— Вас посадит КГБ, — ответил Пол. — Огано ваш враг, вы не имеете права говорить с ним, я же все про вас знаю, Иван, я старый, а потому умный.

— Хватит вам пикироваться, ребята, — сказал Глэбб. — По-моему, ужин наконец везут — слышите, что-то трезвонит в коридоре.

— Да ничего там не трезвонит, — возразил Славин, — это у вас слуховые галлюцинации.

И тут в дверь постучали.

— Да, — ответили все трое: двое — по-английски, один — по-русски.

На пороге стоял негр, подталкивая тележку, уставленную тарелками с рыбой; шальная мысль, метнувшаяся в голове Славина — придет белый официант, обязательно русский, — так и оказалась шальной мыслью.

...Пол Дик ковырнул вилкой мерлузу, попробовал ее, сплюнул:

— Африканцы не умеют готовить. Отказавшись от французов и бельгийцев, гурманов мира, они обрекли себя на закабаление нашими «макдоналдсами» — сосиски, кофе и бутерброд с сыром, очень удобно, а главное, дешево, всем по карману.

«Бутерброд с сыром, — повторил про себя Славин, — очень дешево, бары фирмы «Макдоналдс». Кем же «беспалый» работает в «Хилтоне»? В ресторане? Официантов здесь не кормят, это не Россия, почему бы ему не питаться в «макдоналдсе»?

— Кстати, «макдоналдсы» сюда уже влезли? — спросил он, подвигая Глэббу салат. — В здешнем ресторане действительно вылетишь в трубу, а перехватить среди дня тоже не мешает.

— Они не могут не влезть, — ответил Глэбб, сожалеюще поглядев на пустую водочную бутылку. — Но их не пускают в центр. Они подкрадываются к президентскому дворцу с самых нищих окраин. Молодцы, пристроили к барам бильярдные, черные проводят там свое свободное время: бильярд — в семь раз дешевле кино...

— А телевизор?

— Вы с ума сошли! Кто из них может купить телевизор?! — Глэбб снова посмотрел на пустую бутылку. Пол наконец заметил его взгляд, поднялся, отошел к телефону, набрал цифру «пятнадцать» («Пьян, пьян, а все помнит, — отметил Славин, — особенно, если дело касается бутылки») и попросил:

— Две бутылки виски в номер...

— Шестьсот семь, — подсказал Глэбб.

— В шестьсот седьмой номер. Счет на эти две бутылки перешлите в номер девятьсот пятый, Полу Дику. Быстро!

«Зачем так щеголять своей памятью? — неторопливо думал Славин, согласно кивая собеседнику, который рассказывал о том, как «макдоналдсы» мухлюют с кофе, вступив в сделку с филиалом фирмы «Нестле». — Нормальный

человек ни за что бы не запомнил номер и не держал его в голове так цепко, как ты, и не слушал бы всех одновременно: и меня, и Пола. «Беспалый, — сказал Хренов, — дежурит по двенадцать часов». Надо будет выяснить, сколько времени работают официанты. Отчего я так уперся в официанта? И отчего в меня так уперся Глэбб? А ведь он уперся. Не мог же он узнать о встрече с Хреновым — слишком рано; даже если допустить, что он из ЦРУ и отладил контакты со здешней полицией. Нет, я сам себя пугаю, ему бы не успели сообщить».

— Мистер Славин, вы собираетесь писать о ситуации в Луисбурге? — спросил Глэбб.

— Меня, признаться, больше интересует Нагония.

— Тогда отчего вы не поехали туда? Или поддерживаете вашу официальную версию, что в Луисбурге штаб заговорщиков?

— Поддерживаю, конечно, я себя от Москвы не отделяю, но там сидит мой коллега...

— Мистер Степанов? Мы читали книги этого писателя, не только его статьи в газете. Здесь на него многие сердиты — он слишком резок.

— Так опровергайте. Если врет — опровергайте, а сердиться не стоит, это не демократично.

— Степанов пишет хорошо, даже если врет, — сказал Пол и сцедил по спичке всю водку себе в рюмку — тридцать одну каплю, отметил Славин. — И журналистика и литература — это ложь; она тем талантливее, чем больше похожа на правду. Надо правдиво врать — тогда это искусство. Надо уметь написать свою жизнь, вымышленную, не такую скучную, какой живут люди, и тогда вы станете Толстым или Хемингуэем.

— Кем? — спросил Глэбб. — Хемингуэем? Но ведь он умер...

— А Толстой переселился из Миннесоты в Майами и сейчас ловит рыбу в проливе, — озлился Пол. — Хотя, — он посмотрел на Славина, — Хемингуэй сейчас, действительно, забыт у нас. Если бы он родился в прошлом веке, тогда другое дело, а так — наш современник. Мы же видали его, и пили с ним, и бабы рассказывали нам, какой он слабый, и несли его по кочкам, и слуги давали интервью, что, мол, жадный он... Классиков двадцатого века нет и быть не может из-за того, что средства массовой информации набрали силу. Во времена Толстого были сплетни, а теперь все оформляется на газетных полосах броскими шапками, пойди, создай авторитет, пойди, не поверь всему тому дерь-

му, которое мы печатаем... И потом, телефон... Общение между людьми упростилось до безобразия. Попробуй раньше-то позвони в Ясную Поляну, возьми интервью — черта с два! Надо было ехать, попросив разрешение. А это уже обязывало, проводило черту между им и нами... А теперь звонок по телефону: «Граф, прокомментируйте «Войну и мир»...

— Верно, — согласился Славин. — Вы сказали верно, Пол. Очень безжалостно, но верно. Значит, получается, что мы сами лишаем себя классиков? Двадцатый век хочет уйти в небытие без классики? Не ведаем, что творим?

— Почему? Ведаем.

— Слишком высок культурный уровень? Все грамотны? Слишком много поэтому вкусовщины? Личных симпатий?

— Скорее — антипатий. Про уровень вы правы лишь отчасти, вы проецируете культуру России на мир — это ошибка.

— Друзья, а не пора ли нам подумать о женщинах? — сказал Глэбб. — Я, конечно, понимаю, интеллектуалы, культура, но ведь вы — не бесполы, я надеюсь. Или мистер Славин опасается последствий? Насколько мне известно, вашим людям запрещены такого рода общения...

«А вот и птички, — подумал Славин. — Все по плану. Старо, как мир, но ведь действует, черт возьми. Что ж, посмотрим его клиентуру».

Славин заметил:

— Вашим тоже, как я слыхал, такого рода общения не рекомендованы.

Глэбб посмотрел в глаза Славина, куда-то даже в надбровья, лицо его на мгновенье сделалось тяжелым, мертвым, но это был один миг всего лишь, потом он отошел к телефону, легко упал в кресло, достал из заднего кармана брюк потрепанную записную книжку, заученно открыл страницу, глянул на Славина, страницу закрыл и начал копаться, изображая лицом деда-мороза, затевающего веселую игру, которая кончится прекрасным подарком.

— Вам кого, белую или черную? — спросил он, по-прежнему листая книжку.

— А я дальтоник, — ответил Славин.

Пол Дик расхохотался.

— О, какой хитрый мистер Славин! — сказал Глэбб. — Вы все время уходите от точного ответа...

— Точных ответов требует суд.

— Вам хорошо известна работа суда?

— Конечно.

Пол сказал:

— Лучше, чем тебе, Джон. Он просидел вместе со мною весь Нюрнбергский процесс — от звонка до звонка.

— То была политика, Пол, а сейчас мистер Славин отвечает мне по поводу женщин, как опытный тактик: ни да, ни нет, и во всех случаях он чист перед инструкцией.

— Какой именно? — спросил Славин. — Какую инструкцию вы имеете в виду?

Глэбба спасло то, что пришел официант из бара с бутылками виски и льдом; Славин понял, что Глэбб не сможет вывернуться — действительно, как коммерсанту объяснить знакомство с инструкцией?

Пол сразу же выпил, налил Славину и Глэббу.

— Сейчас, — откликнулся Глэбб, набирая номер, — одну минуту, Пол.

Он долго слушал гудки, вздохнул, дал отбой, набрал следующий номер.

— Твои девки уже залезли в ванны в других номерах, — сказал Пол, — ну их к черту, шлюхи.

— Фу, какая гнусность, — сказал Глэбб. — Нельзя быть таким циником, Пол. Просто тебе не попадались женщины-друзья, у тебя были одни потаскухи.

— Лучшая женщина-друг — бесстыдная потаскуха, с которой не надо говорить о Брамсе и притворяться, что понимаешь Стравинского.

— Алло, Пилар, — сказал Глэбб, набрав номер. — Я сижу в обществе двух умнейших людей. Ты не хотела бы присоединиться к нам? Почему? Ты меня огорчаешь, Пилар... Ну пожалуйста... Я тебя очень прошу, а? Вот молодец! Шестьсот седьмой номер, Пилар, мы сидим здесь. Ждем!

Пилар, действительно, была хороша: высокая, хлысткая испанка с громадными глазами, улыбка — само обаяние; она мило поздоровалась с Полом и Славиным, поцеловала Глэбба — дружески, целомудренно, в висок, по-хозяйски включила радио; «Хилтон» передавал свою джазовую программу, и она не ошиблась, нажала нужную кнопку; приняла от Славина виски, чуть пригубила и, заметив его взгляд, объяснила:

— Не сердитесь, все же я испанка, мы пьем вино, но пьянеем не от него, а от умных собеседников.

«А я сейчас предложу ей беседу, — похолодев от волнения, стремительно подумал Славин. — И собеседника, прекрасного собеседника».

Все эти часы и дни, начиная еще с первой беседы в кабинете Константинова, он жил версией: русский, при-

славший письмо, наверняка один из тех бедолаг-эмигрантов, которые влачат горькую судьбину, работая в сфере услужливого рабства. За это платят, а в «Хилтоне» — вполне пристойно.

Однако сейчас, в течение всего этого долгого разговора, Славин не мог даже предположить, что оперативное решение придет к нему столь неожиданно. Видимо, впрочем, извечный закон о переходе количества (в данном случае раздумий, прикидок, поисков оптимального решения) в качество привел Славина к действию, на первый лишь взгляд странному, а в сути своей единственно — в данной ситуации — разумному.

— Минутку, — сказал Славин, поднявшись, — я сейчас вернусь.

— Что случилось? — подался вперед Глэбб.

— Кое-что, — ответил Славин.

Он спустился в ресторан, чуть пошатываясь подошел к метрдотелю и спросил:

— Слушайте, у вас тут никого нет из официантов, кто был бы родом из Англии или Германии? Лучше б, конечно, из России, но, видимо, это из области фантазии, нет?

— А в чем дело, сэр? Француз не может вас устроить? Наш бармен француз...

— Это — на крайний случай... Я хочу угостить даму, которая не пьет виски, одним коктейлем, русским коктейлем...

— Погодите, погодите, у нас в подвале работает Белью, он, кажется, родом из Восточной Европы... Когда бастовали наши черные лакеи, мы брали его на номера... Одна минута, сэр...

Метрдотель снял трубку телефона, набрал цифру «три», спросил:

— Луиш, скажите, Белью уже кончил работать? Им интересуется гость из...

— Шестьсот седьмого, — подсказал Славин, расслабившись, чтобы не так чувствовалась его устремленная напряженность.

— Из шестьсот седьмого. Понятно, Луиш. А когда он заступает на смену? В восемь? Спасибо.

Метр положил трубку:

— Этот Белью заступит на работу в восемь утра, сэр, очень сожалею...

— Тогда я попрошу вас поднять ко мне бутылку шампанского...

— Какой сорт? Сладкое? Или «брют»?

— Все равно, только — русское.

— Но с американской этикеткой, если позволите, сэр; красные делают «брют» для Штатов.

— Жаль, что с американской этикеткой...

— Я попробую поискать в наших погребах, сэр. Русские сменили этикетку, они теперь называют свое шампанское как-то иначе, не хотят ссориться с французами. Я сам спущусь в погреб, сэр...

— Благодарю, это очень любезно с вашей стороны... И, пожалуйста, отправьте наверх бутылку русской водки.

— Да, сэр. «Смирноф»?

— Нет, именно русской.

— «Столичная» или «Казачок»?

— «Казачок»? Я не знаю такой водки. Видимо, «Кубанская»?

— Вы прекрасно разбираетесь в русских водках, сэр, именно «Кубанская»! Я пришлю к вам боя через десять минут.

«А вот теперь надо замотивировать поездку, — стремительно думал Славин, поднимаясь в номер. — Я стану флиртовать с Пилар и повезу ее домой. А потом заеду в посольство и возьму фотографии. И в восемь часов встречу Белью. Ей-богу, это он писал. Я запрошу Москву сегодня же, что им известно об этом Белью. Дай бог, чтобы они там знали о нем хоть самую малость. И если этот Белью говорит по-русски, и если это он писал нам, и если он опознает по фото того, кого американцы вербовали в номере, я завтра днем улечу в Москву и все будет кончено».

КОНСТАНТИНОВ

С заведующим отделом МИДа Ереминым было условлено встретиться в полдень, в Новоарбатском ресторане.

В свое время Константинов оппонировал Ивану Яковлевичу на защите кандидатской диссертации по теме «Национально-освободительное движение на Африканском континенте и акции стран НАТО». Юрист-международник, Константинов, с присущей ему дотошностью, поставил перед Ереминым сорок семь вопросов: он привык требовать точности и от себя и от окружающих во всем, мелочей для него не существовало. На этом они и сдружились; Еремин отложил защиту на месяц, но прошел зато блестяще — ни одного черного шара.

...Константинов приехал в ресторан на десять минут раньше, заказал два бульона с пирожками, узнал, хороши ли сегодня котлеты по-киевски, и сказал, чтобы кофе заварили двойной.

— А что из напитков? — спросил официант. — Коньячок? Или водочки выпьем, есть «посольская».

— Из напитков будем пить «Боржоми», — ответил Константинов.

Официант обиделся, пожал плечами и оправил скатерть так резко, что Константинову пришлось подхватить фужер — наверняка разбился бы.

Еремин опоздал на пять минут:

— Извини, Константин Иванович, не рассчитал время, решил совместить приятное с полезным — пешком отправился.

— По дипломатическому протоколу пятиминутное опоздание допустимо, — улыбнулся Константинов. — А за сорок минут, я думаю, мы управимся: и с разговором, и с обедом. Я бульон заказал.

— Ты — гений, — сказал Еремин. — Добрый гений. Ну рассказывай, что стряслось?

— Ровным счетом ничего. Просто хотел посидеть с тобою, по телефону говорить — глаз не видеть, а мне хочется смотреть в твои глаза, потому как и ты и Славин невероятные хитрецы и я понимаю вас обоих лучше, когда вы молчите.

— Это комплимент?

— Бесспорно. Хитрость — необходимая градиента ума, она противна коварству и бесчестности. Я специально, знаешь ли, перечитал главу в занятной книге прошлого века «Об искусстве военной хитрости».

Еремин посмеялся:

— Есть аналогичная книга, издана в Париже, в восемьсот тридцать девятом году; «Изящество дипломатической хитрости».

— Значит, комплимент?

— Воистину так. Ну рассказывай, зачем я тебе понадобился?

— Понимаешь, Иван Яковлевич, штука заключается в том, что, по нашим последним данным, в Нагонии вот-вот прольется кровь...

— По твоим данным, нагнетание — не есть чистой воды демонстрация, проба сил?

— По моим данным, там готовится резня. А по твоим?

— Нам кажется, что они не решатся на открытую аг-

рессию. Я согласен, ястребы решили избрать полем нового противоборства Африку, но они не готовы к серьезной драке, слишком свежо воспоминание о Вьетнаме. Видимо, дело ограничится пропагандистской шумихой, рыхлят почву, хотят поторговаться на переговорах о разоружении, поэтому тащат нас к грани кризиса, именно к грани.

— Мне сдается, ты не прав.

— Это твое личное мнение?

— Да. Но оно базируется на фактах.

— Бульон — отменен. Только присолить надо малость.

— Все солееды — гипертоники.

— А я он и есть, — ответил Еремин, — давление скачет постоянно... Вкусный бульон, хорошо делают, молодцы... Вообще-то странно, что ты настаиваешь на возможности агрессии. Давай взвешивать. Луисбург, дружбой с которым похваляется Огано, далеко не так монолитен, как кажется. Хотя проамериканские тенденции там сильны, но единства в правительстве нет. Отнюдь не все члены кабинета солидарны с идеей безоговорочной поддержки Огано — слишком одиозен. Потом — проснувшееся национальное самосознание, люди не хотят ползти в фарватере американской политики, те слишком много портачат, глупят сплошь и рядом, пришивого торгашества много, а мир вступил в пору особого отношения к самому понятию д о с т о и н с т в о.

— Министр обороны Луисбурга, однако, заявил о своей симпатии Огано...

— Да, но при этом отказался передать ему партию автоматов, закупленных в Израиле.

— Зачем Огано новая партия оружия? Он получает поставки прямиком из Штатов и из Пекина.

— А п р и в я з ы в а н и е? Он просил у Луисбурга оружие для того, чтобы надежнее привязать к себе соседей. А ему отказали. Это — симптом. Мне кажется, что и президент понимает сложность положения, потому-то он и обращался к Грисо и Огано с предложениями о посредничестве...

— И?

— Пока Огано отказывается, но, я полагаю, в последний момент он должен будет пойти на диалог.

— С какой программой? Разве у него есть конструктивная программа? Он крови жаждет...

— Обломается, Константин Иванович, обломается...

— С санкции хозяев?

— Пекин, конечно, будет категорически против переговоров с Грисо, Пекину выгодно открытое столкновение. А Вашингтон, мне сдается, в растерянности. Понятно, мо-

нополии давят, потеряли рынок, все ясно, но ведь решиться сегодня на драку — сложное дело, тем более что наша позиция совершенно определенна: Нагонии будем помогать, как стране, с которой связаны договором.

— Я утром просмотрел выступления американского посла по особым поручениям...

— Что ты от него хочешь, Константин Иванович?! Он человек Нелсона Грина, он обязан говорить то, что тот думает! Но ведь над ним — правительство и администрация, а там тоже далеко не все так едины, как кажется.

— В данном случае я шел по пути аналогий — британское право... Перед началом войны во Вьетнаме выступления американской дипломатии были такими же. Сценарий нагнетания у них разработан точный, я бы сказал, элегантный сценарий. Заметь себе, Иван Яковлевич, что ястребы — в африканской проблеме — жмут на Европу, они очень надеются втащить туда партнеров по НАТО.

— Они это слишком нажимисто делают, Константин Иванович, Европа умная стала, здесь политики понимают, что не надо начинать драку в своем доме, пожар войны водою из Янцзы не зальешь. Да и Миссисипи далековато.

— Кого из крупных бизнесменов твои коллеги считают серьезными людьми в Луисбурге? Я имею в виду западных коммерсантов.

— Немцы лихо работают, молодцы. Ханзен очень крепок, это железные дороги, Кирхгоф и Больц — текстиль, автомобили, цемент. Из американцев, пожалуй, наиболее компетентны Чиккерс, Лэндом и Саусер — они представляют Рокфеллера, практически всеохватны.

— А Лоренс?

— Этого я что-то не помню.

— «Интернэйшнл телефоник», — подсказал Константинов.

— Ах да, слыхал! Но о нем наши говорят глухо, что-то за ним стоит, какой-то шлейф тянется.

— Глэбб? Такую фамилию не помнишь?

— По-моему, его подозревают в связях с ЦРУ... Коммерция — прикрытие.

— А может, наоборот? — усмехнулся Константинов.

— Верно. Вполне может быть и так.

— Скажи мне, пожалуйста, Иван Яковлевич, утечка информации — по нагонийскому узлу в частности — здорово вам может помешать?

— Об этом я и думать не хочу.

— Мне, к сожалению, приходится.
— Есть сигналы?
— Есть.
— Бесспорные?
— Разбираемся.
— Плохо.
— Да уж хорошего мало.
— Я бы сказал — очень плохо, Константин Иванович.
— Даем противнику возможность рассчитывать встречные ходы?
— Именно.
— Значит, ты полагаешь, что на драку они не пойдут?
— Полагаю,что нет.
— А я думаю, они идут к ней. И начнут. Если только мы им не помешаем. Не обхитрим, говоря иначе. Скажи мне, научно-исследовательские институты от вас получают много материалов?
— Много. Очень много. Иначе нельзя: коли науку держать на голодном пайке информации — толку от нее не будет. А может, провокация? Ошибка исключена?
— Не исключена. Мы этим как раз и занимаемся...
...Константинов завез Еремина в МИД, заехал к себе, просмотрел последние телеграммы и отправился на корт — Трухин устроил ему партию с Винтер.

— Я еще только учусь искусству тенниса, — сказал Константинов, — так что не взыщите, ладно? Вы привыкли, видимо, к хорошим партнерам?
— Ничего, — улыбнулась Ольга, и лицо ее сразу же изменилось, стало юным. — «Цирюльник учится своему искусству на голове сироты».
— Как, как? «На голове сироты»? Откуда это?
— Афганская пословица. Вас гонять, или хотите поработать над ударом?
— Я готов ко всему. Только особенно не унижайте.
— Я совершенно не азартна, игра дает великолепную зарядку на неделю, работается вхруст.
— «Вхруст»? — переспросил Константинов.
— Не помните? «Одну сонату вечную, заученную вхруст»...
— Мандельштам?
— Вы кто по профессии?
— Юрист.
— Тогда вы мне непонятны. Сейчас поэзию знают только

физики; гуманитарии все больше выступают в разговорном жанре. Ну поехали?

— С богом!

Играла Ольга Винтер действительно прекрасно. Иногда бывает так, что человек, сильный в том деле, где он, как говорят, *купается*, норовит выказать окружающим свою — определенного рода — исключительность. Это ломает партнеров, принижает их; отсюда — зависть, недоброжелательство, грех, одним словом. Редки люди иного склада: *умение* делает их особо открытыми, идущими навстречу; свое знание они легко отдают людям, испытывая при этом видимую радость, особенно когда заметны результаты такого рода *отдавания*. С такими людьми общение приятно, оно — обогащающе; воистину, всякого рода *отдача* неминуемо оборачивается бумерангом: разбудив в другом талант, ты получишь во сто крат больше, иными гранями, а от них, от разности граней, и твой талант становится богаче, высверкивает всеми оттенками — талантливость, если она истинна, всегда *оттеночна*, только посредственность однозначна.

Ольга Винтер давала Константинову шанс, играла аккуратно, без той, подчас смешной на любительском корте агрессивности, которая (так отчего-то считается) необходима и неизбежна даже.

— Я вас не загоняла? — спросила она после первой игры. — Вы меня одергивайте.

— Нет, вы, по-моему, даже слишком снисходительны.

— Я не умею быть снисходительной, — ответила женщина, — это очень обидно — снисходительность: в любви, спорте, в науке.

— Я обратил внимание на эту мысль в вашей диссертации...

— Диссертация — это вчерашний день, — сказала Ольга, и снова лицо ее стало совсем юным. — Нет, правда, я не хвастаюсь, просто когда дело сделано, отчетливо видишь дыры и пустоты.

— Я пустот не заметил, вы очень густо все написали.

— Знаете, густо замешать не трудно, когда два года прожил в стране. Обидно, что наши институты не дают возможность молодым ученым не просто съездить в двухнедельную командировку, это ерунда, а пожить, повкалывать там в поте лица — тогда только будут результаты...

— Накладно, видимо, для государства — я имею в виду валюту.

— Ерунда. Можно работать в библиотеках уборщицами;

машину, конечно, не купишь, магнитофон — тоже, но на койку хватит и на кофе с сыром. И прелести западного мира тогда поймешь не со стороны, а изнутри. «Голоса» работают лихо, раньше хвастались, а сейчас поумнели, самокритикой занимаются, себя бранят. Ладно, а то разозлюсь и стану вас гонять — к сетке!

Константинов был хорошим партнером в разговоре потому еще, что умел слушать. Причем он не просто слушал, он жил мыслью собеседника, и в глазах у него был постоянный, умный интерес — такого рода интерес куда как более действенный стимул к беседе, чем словесная пикировка.

— А почему вы остановились на многонациональных компаниях в Луисбурге? — спросил Константинов, когда они садились в его «жигуленок». — Там же, по-моему, американцы лезут с о л ь н о?

— Это в первых строках моего письма, — ответила Ольга. — Они берут плацдарм, оседают, работают вглубь. Мы-то — вширь, мы — щедрые, обидеть боимся, не требуем гарантий, верим, а дядя Сэм аккуратист, он без бумажки и векселя ни цента не даст, умеет считать деньги. Сначала оседает он, а за ним уже идут многонациональные гангстеры.

...Советуя Константинову лично присмотреться к Винтер — дело-то вырисовывалось необычайной важности, — Федоров преследовал еще одну цель, понятную лишь тем, кто ответственно думал о преемственности поколений.

Федоров конечно же прекрасно знал, что в аппарате бытовали разные точки зрения на роль руководителя высокого уровня в той или иной операции. Одни считали, что генералу незачем заниматься д е т а л я м и, есть высококвалифицированные сотрудники, растущие молодые чекисты — они бы, видимо, и сами смогли сделать то, чем сейчас занимался на корте Константинов.

Но, полагал Федоров, в каждом конкретном случае следует точно выверять рубеж между понятиями: р у к о в о д с т в о и непосредственное у ч а с т и е в деле. Точное осознание такого рода рубежа и есть стратегия отношений с коллективом.

«Петр рубил корабли, — говаривал Федоров, — так отчего бы генералам не участвовать в оперативных мероприятиях, которые бог знает по какому чиновному табелю о рангах оказались исключенными из сферы их деятельности. И молодежь на них в деле посмотрит: наташка — хорошее слово, тургеневское, стоит ли от него отказываться?»

— Я, быть может, поеду в Луисбург... Согласитесь порассказать — что посмотреть, с кем повидаться?

— Конечно. Вы по какой линии?

— Мы в их портах разгружаем часть товаров для Нагонии, они здорово нарушают срок, а это — подсудное дело.

— Ничего у вас не выйдет. Порты куплены американцами. — Ольга снова оживилась. — Мне кажется, они работают там через мафию. Очень уж похоже. Бары, «макдоналдсы» например, служат американцам впрямую, а их натыкано вокруг порта, вокзала, аэродрома немыслимое количество. Зотов рассказывал, что мафия в Сицилии царствует потому, что держит порты и аэродромы...

— Зотов — это кто?

— Это человек, которого я любила... Он был... Он мой... Словом, это очень умный и хороший человек. Вам стоит с ним поговорить, он — светлая голова, щедрейший, добрейший Зотов...

— Вы были в Луисбурге в научной командировке?

— Нет, с мужем... С Зотовым. Подбросьте, если располагаете временем, до центра, а?

— С удовольствием. Вы будете самым молодым доктором?

— Ну и что? Не хлебом единым сыт человек.

— Зачем бога гневите?

— Вообще-то верно, не следует.

— А с кем — кроме вас, понятно, — стоит повстречаться перед отъездом? — спросил Константинов. — Кто в Москве подобен Зотову?

— Таких, как Зотов, больше нет, — ответила Ольга. — Нет и не будет.

— Зотов защитился?

— Нет. Практик. Работал всю жизнь. Да он любому доктору наук сто очков вперед даст, — так он чувствует и знает Африку. Но он рубит сплеча, а это не всем нравится.

— Смотря что рубить сплеча...

— Идеи, — усмехнулась Ольга.

— Опять-таки, смотря какие идеи.

— Долго объяснять, вы ж не были в Луисбурге...

— А с кем из иностранцев стоит побеседовать там?

— В МИДе у них неинтересные люди... Разве что министерство образования... Много молодых, они широко думают.

— А из коммерсантов? Там ведь есть немецкие и американские коммерсанты, которые давно работают и много знают. Я имею в виду крупных бизнесменов, тех, кто заключают серьезные сделки и связаны — поэтому — с серьезными юристами.

— Немцы? — переспросила Винтер. — Я ж не знаю немецкого.

— Там есть Кирхгоф, Больц, Ханзен...

— Верно, я слыхала, но меня они как-то не интересовали.

— А кто из американцев? Саусер, Лоренс, Чиккерс, Глэбб, Лэнсдом?

Винтер посмотрела на Константинова с озадаченным интересом:

— И вы еще просите у меня помощи?! Да вы ж прекрасно подготовились к поездке! Вы назвали имена серьезных американцев, я их знаю... Чиккерс и Глэбб занятные люди, только наши считают их крушниками, но я отношу это за счет атавизма шпиономании.

— Почему?

— Да ну... Шпион, по-моему, должен быть очень умным человеком. А Глэбб льстит, ахает: «О, Советский Союз, какая прекрасная страна, вы нас ошеломляете». Ля-ля это... Не верю людям, которые хвалят в глаза.

— Хуже, когда ругают за глаза.

— Лучше. Если льстят в глаза, чувствуешь себя полнейшей дурой, не знаешь, как вести.

— А вы говорите, что он — глупый человек. Вы же испытываете замешательство, следовательно, ведете себя неестественно, а когда человек вынужден вести себя неестественно, он и говорит не то и поступает не так.

— Ладно, бог с ним, с этим Глэббом... Запишите телефон... Я поговорю с моим другом, быть может, он согласится порассказать вам кое-что.

Вернувшись к себе, Константинов сразу же взял папку с корреспонденцией. Особо срочной была помечена телеграмма от Славина:

«Есть ли сведения о Белью, предположительно русского происхождения, работает грузчиком в электросети отеля «Хилтон», приблизительно шестидесяти лет. Имеются ли сведения на Джона Грегори Глэбба, рожден в Цинцинатти, воевал во Вьетнаме, до этого работал в Гонконге, откуда был отозван после скандала с транспортировкой наркотиков».

Константинов спросил секретаря:

— Ответ в Луисбург ушел?

— По первой позиции отрицательный, Константин Иванович.

— Так-таки ничего?

— Совершенно.

— Белью, Белью... Надо смотреть по Беллоу; Белоф, если предположить русского немца, Белю, допусти мы украинское происхождение, Белов, наконец. Так — широко — смотрели?

— Так — нет.

— Пусть смотрят. Немедленно. А что со второй позицией?

— У нас проходят четыре Глэбба, связанных с ЦРУ. Ричард Пол, тридцать седьмого года рождения, но он не работал в Гонконге, потом...

— Славина интересуют те Глэббы, которые в Гонконге работали.

— Таких двое: Джон и Питер. Но Питер не воевал во Вьетнаме. Следовательно, остается Джон Глэбб. Что касается скандала, в котором он был замешан, то есть лишь ссылка на «Чайша аналисиз» и «Фар истерн икономик ревю». Некий Глэбб был задержан полицией в авиапорту в 1966 году, когда британская полиция арестовала людей Лао с чемоданом героина, оцененным в миллион долларов.

— Чемодан — это, как минимум, три миллиона. Дальше?

— Это было в первом сообщении. Потом имя Глэбба не упоминалось ни разу.

— Когда он попал во Вьетнам?

— В начале шестьдесят седьмого.

Константинов усмехнулся:

— Вьетнам для него был словно Восточный фронт для проштрафившихся немцев. По-моему, сходится, нет? Отправили материал в Луисбург?

— Ждали вас, Константин Иванович.

— Напрасно. Пусть сейчас же отправят. Какая у нас разница с Луисбургом? Три часа? Значит, сейчас там семь?

Константинов ошибся. Разница во времени с Луисбургом была иной.

ГЛЭББ

...Глэбб проснулся, словно кто-то ударил его. Он еще не понял, отчего он проснулся, в холодном поту, с ощущением какого-то липкого ужаса. Он закрыл глаза, мало ли какая безделица пригрезится в жару, но в тот момент, когда он закрыл глаза, родились черные, зыбкие цифры: «шесть», «ноль», «семь». Он увидел их так точно и близко,

что невольно потер пальцами веки. Открыл глаза, потянулся, посмотрел на часы — без десяти шесть. Он выбросил натренированное тело с кровати, прошлепал вспотевшими пятками по кафельному полу, снял трубку, набрал номер, чувствуя, как трясутся пальцы, дождался, пока на другом конце провода сняли трубку, шепнул еле слышно:

— Роберт, приезжайте в бассейн сейчас же. Нет, не могу, я хочу именно сейчас поплавать, немедленно. Вы понимаете меня? Немедленно.

Он положил трубку, посмотрел на часы: было шесть часов семь минут. Глэбб оделся, ополоснул лицо и бросился к машине. Через десять минут он был в «Хилтоне», в бассейне.

Роберт Лоренс, региональный резидент ЦРУ, сидел в шезлонге сонный; лицо мятое, веки тяжелые, синеватые, как у всякого, страдающего хроническим почечным недугом.

— Что случилось? — спросил Лоренс устало. — Я работал до утра. Что стряслось?

— Не знаю. Может быть, пока еще и не стряслось. Я вчера был с Полом, встреча с русским, о котором сообщил Стау, прошла поэтому естественно. Но сейчас я вдруг подумал: а почему он поселился в шестьсот седьмом номере?

— Потому что других не было... Начался сезон, люди прилетают купаться.

— Почему он снял именно тот номер, в котором мы вербовали «Умного»? — подвинувшись к Лоренсу, тихо спросил Глэбб.

— Потому что это специально оборудованный для русских номер... Ради этого вы меня разбудили?

— Не только ради этого, босс. Кто нас тогда кормил? Кто приносил еду? Ведь тогда была забастовка у макак! Нас кормил белый, никому не известный официант. И он был беспалым! А русские начали искать беспалого, который работает в «Хилтоне».

— Вы сошли с ума.

— Я не сошел с ума. Я очень испугался. Этот Славин, у него дьявольские глаза, он невероятно умен!

— А все остальные русские, по-вашему, идиоты?

— Вы же понимаете, что меня тревожит.

— Ну положим, он из их контрразведки. Положим. И что? Если бы «Умный» был разоблачен ими, центр уже давно почувствовал бы игру. Его же в Москве наши люди видят постоянно. Связан с КГБ? Но «Умный» передает нам такую информацию, которая идет от первоисточника, она — истинна, поэтому наши так с ним носятся.

— Босс, вы не хотите, чтобы я сейчас же выяснил, кто обслуживал нас в шестьсот седьмом номере? Вы меня ругаете за то, что я слаб в изящных искусствах и по-французски не умею, но я ведь умею чувствовать, как баба. Я чувствую, босс, я чувствую.

— У кого вы узнаете, кто сервировал тогда стол?

— Узнаю. Я узнаю это сразу, они же просили нас навести справки о лидерах забастовщиков, помните?

— Ну уж этого я не помню.

— Я помню.

Глэбб бросился к портье, попросил номер телефона шефа ресторана, тот отправил его к смотрителю подвала; через десять минут Глабб вернулся в бассейн. Лоренс плавал в зеленой воде; движения его были осторожными, плавными, женственными.

— Вылезайте, босс! — сказал Глэбб, стоя на бордюре. — И поскорее. Стол сервировал Айвен Белью, перемещенное лицо из Львова, без двух пальцев на левой руке, его разыскивает Славин.

Лоренс — неожиданно для его комплекции — ловко вымахнул из бассейна, накинул халат и сказал озабоченно:

— У кого лежат данные на перемещенных? Почему француз с паспортом перемещенного? Это какая-то путаница, вам не кажется?

— Я был бы очень рад этому, босс.

Они поднялись на пятнадцатый этаж, в апартамент тысяча пятьсот, который снимало ЦРУ уже два года, разбудили Ульца, отвечавшего за работу на опросном пункте; тот, не успев умыться, поднял свою картотеку: Айвен Белью, он же Иван Белый, 1925 года рождения, украинец, из Житомира, ушел с немцами, после войны остался в Бельгии, во время инфляции переехал в Тунис, где работал грузчиком в порту, оттуда перебрался в Луисбург. В Житомире имеет родственников, но переписку с ними не ведет, опасаясь доставить им неприятности. В высказываниях резок, говорит, что жизнь пропала, во всем винит американцев, которые не советовали ему возвращаться в Россию. В связях с русским посольством не замечен. Пьет.

— Ну? — спросил Лоренс. — Что делать? Запросим Лэнгли?

Глэбб, не отвечая ему, набрал номер «607». Он долго слушал гудки: Славина в гостинице не было. Выразительно поглядев на Лоренса, Глэбб набрал другой номер.

— Стау, доброе утро, — сказал он, машинально понизив голос, словно звонил к агенту из автомата. — Ты

можешь выручить меня? Узнай, когда пришел в посольство русских Славин — лысый, плотного телосложения, черноглазый, быстрый в движении. Я думаю, он пришел туда часа в четыре утра... Погоди, я перезвоню к тебе через минуту.

Глэбб, не глядя более на Лоренса, набрал номер Пилар.

— Гвапенья, прости, что звоню так рано. Когда ты рассталась с нашим приятелем?

— Он довез меня до дома, Джон, мы поболтали пять минут в машине... Он отказался подняться — просил найти для него время сегодня. В восемь.

— Когда он ушел, меня интересует?

— Часа в три, а может быть, в...

Глэбб не дослушал Пилар, дал отбой, снова перезвонил генералу Стау.

— Джон, — сказал Стау, — в посольство приходил человек, похожий по приметам на Славина.

— Когда он ушел? — перебил Глэбб.

— Ты же не спрашивал об этом.

— Немедленно выясни. И опроси полицейских из охраны русского посольства — приметы человека, который терся у ограды... Больше всего меня интересует один вопрос: все ли пальцы у него на руке?

Лоренс поставил кофейник на электрическую плитку, вмонтированную в бар, потер толстой пятерней лицо и спросил:

— Что делать?

— Октавио уехал к Огано, Перейра перебрасывает оружие в Нагонию, никого другого из моей группы террора сейчас под рукой нет, босс.

— Почему вы считаете, что надо включать группу террора?

— А что же, по-вашему, говорить с этим самым Белью о преимуществе нашего общества над тоталитаризмом? Где Славин — вот в чем дело!

— Погодите, Джон. Я не понимаю, отчего вы порете горячку, а я вам поддаюсь. Ну что может сказать этот самый Белью?

— Он ничего не может сказать, босс, но он сможет ткнуть пальцем в фотокарточку «Умного», вот что он может. И тогда меня, нас с вами погонят к черту, и правильно сделают — не уберегли самого ценного агента! Того, который выходит на директора!

Зазвонил телефон, и Глэбб заметил, как Лоренс зябко вздрогнул.

— Слушаю тебя, — ответил Глэбб. Он был уверен, что звонит Стау, и он не ошибся.

— Славин вышел из посольства только что, Джон.

— Ты не смотришь за ним?

— Ты же не дал нам никаких указаний, сказал, чтобы я ждал сегодняшнего дня, мне показалось, что он благополучен.

— Спасибо, Стау, ты меня очень выручил. Можешь дать адрес некоего Айвена Белью? Я полагаю, что Славин сейчас пошел к нему.

— Год рождения, место рождения?

— Он приехал сюда с севера, лет десять назад. Сейчас работает в «Хилтоне». Он их человек, понимаешь? Славин пошел к нему, и нам надо установить это.

— Послать наших по адресу? Если, конечно, установим?

— Только после моего сигнала. Понятно? Сечас — ни в коем случае, ты спугнешь дело. Только после сигнала, Стау, после сигнала. Я не вешаю трубки, Стау, мне очень нужен адрес...

— Какое дело вы имеете в виду, Джон? — спросил Лоренс.

— Интересное дело, босс. Мне хочется сделать так, чтобы Славина можно было арестовать как русского шпиона и террориста. Это даст нам много выгод. Трудно даже представить себе, как много это нам даст, особенно перед началом «Факела».

В восемь часов утра Глэбб встретил Славина в подвале. Тот сидел около запертой двери мастерской и вертел в руках ракетку.

— Вит! — прокричал Глэбб. — Доброе утро! Рад вас видеть, зачем вы здесь?

— Натянуть струны, — ответил Славин. — Доброе утро, Джон. Вы, кстати, играете?

— Теннис — игра аристократов, Вит, я из рабочих, мой отец был грузчиком. Я играю в бокс. Люблю драку, особенно с хорошим противником.

— Я — тоже. Можем взять перчатки, если они тут есть, и поработать на ринге. Только я думаю, перчаток нет; дажа струны натянуть некому, порекомендовали найти какого-то умельца — здесь в подвале; он, говорят, может все.

— Кто это?

— Черт его знает.

— Где он?

— А бог его знает... Как я заметил, время здесь не ценят, ваши уроки не идут впрок.

— Думаете, мы умеем ценить время, Вит? Это — пропаганда. Мы чуть-чуть выше здешних тропи, а так... Ладно, когда почините ракетку, поднимайтесь наверх, выпьем кофе перед тем, как пойдете искать партнера.

— Партнера привезет Зотов.

— Кто?

— Один наш инженер.

— Я знаю многих ваших инженеров. Как вы говорите?

— Андрей Зотов.

— Нет, — покачал головой Глэбб. — Зотова не знаю. Хотя, быть может, мне он представился под другой фамилией?

ПОИСК-I
(ТРУХИН, ГРЕЧАЕВ)

Гречаев, отправленный на беседу к продавцу «минеральных вод» Цизину, куда, по данным наблюдения, каждый день, в одно и то же время, тщательно проверяясь, ходил Парамонов, несколько растерялся.

— Да, да, да, — повторил маленький потный Цизин напористо, — и не делайте невинных глаз, словно вы из «Котлонадзора» или «Вторсырья», — работника торговли научили, буквально, бдительности! Давайте в открытую: поступили сигналы? От кого? Приходько написал очередную телегу, что я переплавляю пустые бутылки в мельхиор? Или просигнализировал Дрынов? Этот должен написать, что я реализую пробки из-под «Боржоми» налево, вступив в сговор с Шарудиновым... Хотите посмотреть накладные? Обычную воду вместо «Ессентуков» я уже не продаю — повысился культурный уровень, все думают о циррозе...

— Вы напрасно меня так встречаете, — ответил Гречаев, заранее проигравший все возможные варианты своего поведения. — Я не из ОБХСС.

— А откуда? Из гинекологической клиники? Или с «Мосфильма»?

— Точно. Из второго творческого объединения, — ответил Гречаев. Он решил использовать давнее знакомство с ассистентом режиссера Хариным, школьным еще приятелем, отчисленным из Бауманского за беспробудное пьянство и тягу к публичным скандалам. (Так сформулировали на комсомольском собрании — все-таки «тяга к скандалам», а не скандал, — не хотели портить жизнь парню, смягчили.)

Настала пора удивиться Цизину — как всякий работник торговли, он испытывал особый интерес к деятелям культуры.

— Действительно? И есть подтверждающий документ?

— Вот если бы я был из ОБХСС, документ был бы... А мне зачем? Я ассистент режиссера Бобровского — слыхали?

— Толя? — Цизин пожал плечами. — Что значит — слыхал? Он у меня, буквально, каждую неделю покупает «Славяновскую». Да, я ее прячу от валового покупателя, пусть меня за это бранят, но кишечный тракт художника мне дороже похмельных страданий пьющего элемента.

Бобровский покупал у него воду два раза, обмолвился тремя фразами, но этого было достаточно — ловкие люди довольствуются фактом встречи, чтобы обернуть ее старой дружбой.

— Так вот, у нас к вам просьба...

— Пожалуйста.

— Вы бы не помогли организовать у вас съемку?

— У меня?

— Да. Интересный эпизод, сценарий, если хотите, подошлем.

— Вы и меня будете снимать?

— Будем.

— Нет, правда?

(О, честолюбие людское! Отчего оно устремляется прежде всего к кинематографу? Желание запечатлеть себя навечно?)

— Правда. Бобровский, во всяком случае, этого хочет.

— Так почему бы ему самому не приехать? Скажите, что я получу на днях «Нафтусю», это же нектар, пей — не хочу! Никакое похмелье не страшно, промывает печень и почки, буквально, как стиральным порошком.

— Вас как зовут?

— Григорий Григорьевич, Гриша.

— Да, да, верно, шеф говорил... Так вот, Григорий Григорьевич, мы бы хотели организовать здесь съемку скрытой камерой.

— Скрытой? Это как работал Гриша?

— Какой Гриша?

— Чухрай. Ставит свою бандуру и делает вид, что фотографирует птичек, а на самом деле подглядывает, как парень мнет девку...

— Именно так.

— Нет ничего проще! Просверлим дырку в двери, — он обернулся, — там у меня склад, ставьте аппарат, а я

буду дурить покупателя... Только погодите, но ведь моего лица, буквально, не будет видно: кто меня узнает со спины?!

— А мы поставим две камеры. Посетители станут думать, что мы вас снимаем, а мы будем работать с двух точек.

— Так заднюю точку вы покажете в кино, а переднюю, с моим дурыльником, бросите в мусор, знаю я такие номера.

— Ну об этом вы с Бобровским сами поговорите, если мне не верите.

— Как будто я не знаю, что в наше время все решает не главный, а пятый! Мне неизвестно, какую ступеньку вы занимаете в кино, что такое ассистент и больше ли это помощника, но не надо спорить: что вы ему принесете на стол, то, буквально, и пойдет в кино. Разве у нас не так? Во-первых, начальник райпродторга меня никогда не примет, он для нас как римский папа, и с вопросом к нему нечего лезть. Надо подкраться к секретарше! А у нее все хорошо с кишечным трактом и почки работают, как космические системы, — так что «Нафтуся» ни к чему. Но она мечтает достать колготки-сеточку, а заведующий секцией язвенник, и я оставляю ему «Славяновскую» и «Витаутас» — вот вам колготки-сеточка, вот вам наряд на тару... А что, эта тара нужна мне, да?! Она, буквально, нужна трудящимся. Ну, хорошо, ну я получу четвертак, ах, какой страшный гешефт! Цизин получил четвертак за то, что хорошо обслужил язвенников! Так они ж добрее будут, они не станут пить кровь народа во время рабочего дня, если я отоварю их «Смирновской»! Так о ком я забочусь?! О своей выгоде или общественном благе?! А ведь можно на все плевать! «Нет «Ессентуков», жалуйтесь, мне-то что?!» И это — нравится, с таким — никаких хлопот! Э, не стоит об этом, я завожусь с пол-оборота, ничего не могу с собой поделать.

— Вам надо с кем-нибудь согласовывать нашу съемку, Григорий Григорьевич?

— Если вы хотите сорвать съемку — согласовывайте. Знаете анекдот про то, как один тип пришел к богу и попросил, чтобы у соседа Ивана, буквально, сдохла корова? Все наши магазинщики завалят подарками секретарш, только б они доложили начальству, чтобы съемка прошла у них, все ведь люди, все хотят поработать на советский экран!

— Да, но мы будем снимать днем, а у вас в обеденный перерыв особенно многолюдно...

— Ну и что? Я приглашу тетю Веру, она пенсионерка, дам ей красненькую и выброшу торговать в розлив у витрины! Потом есть еще одна воз...

Дверь за спиной Гречаева хлопнула резко. Он обернулся: на пороге стоял Парамонов, неотрывно глядя на Цизина. Тот улыбнулся и сделал рукой неуловимый, странный жест, спросив при этом:

— Что вам?

— Э... Да нет... Просто я хотел узнать, может, «Саирме» завезли?

— Зайдите, буквально, попозже, не привозили «Саирме», к пяти часам будет.

Гречаев поднял глаза на витрину: прямо перед ним стояло семь бутылок «Саирме».

— Так вот, — продолжал между тем Цизин, — не вздумайте идти в райпищеторг, начнутся интриги, вы утонете. Или уже топайте к самому главному, в районный торг, это — голова, из молодых, он сделает все, если вы скажете, что хотите снимать именно у Цизина.

— Что, тоже язвенник?

Цизин не понял:

— Почему? Совершенно здоровый молодой человек.

— Но почему он сделает для Цизина все?

— Потому что вы об этом попросите, а умные люди, буквально, не отказывают работникам искусств...

— А если в тех бутылках на витрине была обычная вода? — спросил Константинов, оторвавшись от рапорта Гречаева. — Бутафория?

Начальник группы полковник Трухин ответил:

— Может быть, бутафория. Но зачем Парамонову ехать к Цизину за «Саирме», когда — я проверил — у них в буфете продают именно эту воду?

— Что дало дальнейшее наблюдение?

— Парамонов крутился на улице семнадцать минут, то и дело смотрел на часы, потом зашел в будку автомата номер семь тысяч триста девятнадцать и позвонил по телефону с индексом двести сорок четыре, видимо, к Шаргину, Леопольду Никифоровичу...

— Видимо?

— Он закрыл спиной диск и подстраховывался пальцами, так что сотрудники не смогли зафиксировать остальные цифры... Но у Парамонова нет других знакомых на Садово-Сенной, только Шаргин.

— Первый допуск принимаю; скорее всего, действительно, звонил Шаргину, а второй — отвергаю. А что если он звонил к неустановленному вами контакту? Это допустимо?

— Это допустимо только в одном случае.

— В каком именно?

— В том случае, если Парамонов и есть тот агент, которому ЦРУ шлет радиограммы; передаточное звено в сети.

— Что было потом?

— Парамонов снова зашел к Цизину, тот налил ему стакан воды, Парамонов выпил, не уплатил денег и, даже не попрощавшись с ним, побежал на остановку, прыгнул в автобус, через семь минут был в гараже.

— И...

— И продолжал ремонт машины Ольги Винтер.

— Поработайте с Шаргиным. Вы уже выяснили, какие документы попадают к нему из спецхранений?

— Да. Попадают те самые, которыми так интересуется Лэн-гли.

А Шаргин тем временем стоял на перекрестке Арбата и Смоленской, у выхода из «гастронома», нервничал. Заметив машину с дипломатическим номером, он шагнул с тротуара, приветливо помахал рукой человеку, сидевшему за рулем, тот притормозил, они поздоровались, поговорили несколько минут, причем услышать их разговор нельзя было, ибо Шаргин, опершись на дверцу, склонился к водителю.

А потом подъехал — на машине Ольги Винтер — Парамонов и запарковал «Жигули» рядом с дипломатической машиной. Когда иностранец попрощался, Шаргин сел к Парамонову; заехав на Преображенку, в дом семь, они забрали двух девушек, отправились в ресторан «Русь», а оттуда на холостяцкую квартиру Шаргина, где и провели ночь...

КОНСТАНТИНОВ

— Что касается Шаргина, то он разговаривал с Ван Зэгером, представителем «Трэйд корпорэйшн», это его партнер, — сказал Проскурин.

— Что-нибудь тревожное по этому партнеру поступало?

— Чистый торговец. По нашему мнению, он не связан со спецслужбами.

— А что за девицы были с Парамоновым и Шаргиным?

— Кочегары.

Константинов надел очки на кончик носа, посмотрел на подполковника вопрошающе.

— Кочегары, — повторил тот. — Одна кончила текстильный техникум, другая — пищевой, обе из Ростова, перебрались в Москву, в рабочей силе дефицит, хоть черта пропишут временно, и общежитие дадут, этим дали однокомнатную квартиру на двоих. День — дежурство, два — гуляют.

— С кем гуляют? — поинтересовался Константинов.

— Мы только-только их установили, Константин Иванович, начинаем изучать.

— А вам не кажется, что дело разрастается, как снежный ком, и это очень плохо, а?

— Ничего не поделаешь, факты. А факты — упрямая вещь.

— Память у вас хорошая, — заметил Константинов, — но, несмотря на факты, мне это разрастание не по душе. Люди — не снег, «людской ком» — категория страшная, вам не кажется?

...Когда Проскурин, закончив доклад и утвердив план мероприятий, вышел, Константинов набрал номер телефона Ольги Винтер.

— Здравствуйте, чемпион, — сказал он. — Ваш ученик приветствует вас. Боюсь, что завтра опоздаю на корт: у меня «жигуль» забарахлил, ехать в «сервис» — потерять день, а хорошего мастера нет...

— У меня есть. Только он не возьмет у вас денег, если скажете, от кого пришли. Купите ему «Пшеничной», а еще лучше «Джин». Карандаш под рукой?

— Пишу.

— Парамонов Михаил Михайлович. Только по телефону не говорите, что по поводу ремонта...

— Бедный Парамонов боится, — улыбнулся Константинов.

— Их поколение — трехнутое, всего боятся.

— Вы, кстати, поговорили со своими знакомыми африканистами?

— Пока — плохо. Не хотят с вами беседовать, идеи берегут для статеек, сквалыги чертовы. Вы вражеские голоса слушаете?

— Когда как.

— Вчера Лондон передавал занятный комментарий о Нагонии; рубите голову — они готовят десант, очень похоже на Конго, слова почти такие же.

— Они — десант, а мы — нашу помощь, у нас же договор, — сказал Константинов, точно ответив на тот вопрос, который ЦРУ задавало своему агенту в последней шифровке.

На другом конце провода замолчали.

— Вы что, Оля?

— Ничего, прикуривала.

— А вы разве курите?

— Начала.

— Когда?

— Сегодня... Ладно, звоните Парамоше. Я его предупрежу. И приезжайте завтра на корт, мне интересно говорить с вами.

— Мне тоже.

— Не напрашивайтесь на комплимент, вы очень резко мыслите. Если бы я так вот написала: «Они — десант, а мы — нашу помощь», — мне бы руки вывернули.

— Кто?

— Шефы.

— Почему?

— «Нельзя так резко, вы не правительство, противник только и ждет такого признания...»

— А чего ж ему этого ждать, когда такой пункт записан в договоре, а договор опубликован в газетах...

— Мне на это возражают, что договор будет разорван сразу же, как только произойдет путч. Мы тогда не сможем оказать помощь, это будет нарушением международного права...

— Неверно, — сказал Константинов, напряженно обдумывая, стоит ли продолжать разговор или целесообразней подготовиться к нему — во время завтрашней игры на корте. — Неверно, — повторил он, — ибо свержение законного правительства в Нагонии возможно только при участии сил извне: это — главное нарушение международного права. Ладно, спасибо за Парамонова.

Парамонов пожал руку Константинову, вышел с ним во двор гаража, оглядел «жигуленок», поднял крышку капота, потрогал провода:

— Оля сказала, что у вас сложное повреждение... А у вас провод перетерся, поэтому глохнет. Если за границу ездите, купите бошевский набор, отменная штуковина, умеют буржуи облегчать жизнь мастеровому человеку.

— Это могут, — согласился Константинов. — У вас очки есть? Я никак не разгляжу, что там у меня случилось, очки на работе забыл...

— Мои очки в контóрке, — ответил Парамонов, — они мне ни к чему, я теперь линзы ношу...

— Что?

— Контактные линзы — ползарплаты встали за границей, зато никаких забот.

И он рассмеялся, сытно и широко, и пахло от него водкой.

— У вас в буфете будем пить или зайдем в кафе? — спросил Константинов.

— Да не за что пить-то, товарищ дорогой, и потом, у нас сухой закон, директор фирмы гипертоник, сам не пьет и всех держит в черном теле, ефрейтор, а не человек. Когда что серьезное будет — приезжайте, помогу, ради Ольги каштан из огня вытащу. Она мне сказала, вы в Луисбург едете?

— Да. Передать что? Или привезти?

— А вы по какой части?

— По юридической.

— Как понимать?

— Я еду шаргинские поставки узаконивать.

— Знаете Леопольда?

— По фамилии...

— Святой человек. Мцыри. Нет, я почему спросил, от кого едете... Может, подумал, поспособствуете: на полжигуля скопил, надо на вторую половину собрать. Я бы еще годика на два поехал поработать за кордон. Леопольд обещает, но, знаете, человек он маленький, экономист всего лишь, а у вас на лице значение написано.

— Это как?

— А не объяснишь, это только почувствовать можно.

— Давно вернулись из командировки?

— Недавно.

— Страна интересная?

— Ничего. Там что хорошо? Можно радиоаппаратуру по скидке брать, прямиком из Гонконга. Текстиль неплохой. Обувь, правда, дрянь. Говорят, в Испании обувь дешевая, за десять баков[1], говорят, можно классные баретки взять. — Парамонов закрыл капот. — Все, можете спокойно ездить, но бошевские провода все-таки возьмите, горя знать не будете.

---

[1] «Бак» — доллар (*америк. жаргон.*)

— Спасибо за совет. У вас тут воды холодной нет?

— В буфете есть минералка.

— Там какая? Мне только «Славяновскую» можно, язвенник.

— А черт его знает, какая у них. Какую завезут. Олечке привет передавайте, пусть не гоняет только, больно уж лихо ездит...

— Передам. Вы ее учили ездить?

— Нет.

— Муж?

— Он был против. Очень боялся, что она попадет в аварию, там же носятся по-страшному, не то что у нас.

Константинов достал из портфеля бутылку «Джина», протянул Парамонову:

— Спасибо, Михаил Михалыч.

— Да будет вам, — ответил тот, но бутылку, оглянувшись по сторонам, взял.

— Я, по-моему, с Зотовым встречался, — сказал Константинов, садясь в машину. — Он чуть прихрамывает?

— Да.

— Хороший мужик?

— Дерьмо. Правильно Ольга сделала, что ушла от него.

— Почему?

— Зануда. То ему не так, это не так. Я его машину последнее время отказывался смотреть. Придирается, проверяет, словно с каким прохиндеем имеет дело: принюхивается, как орудовец. Так одним стакан мешает, дуреет один со стакана, а другому это колера в глазу прибавляет, работа идет ладней.

— Он сам, по-моему, трезвенником никогда не был.

— Нет, тут напраслину возводить не след, он не пьет, так рюмашку одну тянет. Может, правда, и литр засосать, но ни в одном глазу, и не в радость ему это: там все вместе живут, секретов нет, всё друг про дружку знают...

— Ну уж всё? — хмыкнул Константинов и включил зажигание. — Друг про дружку все знать нельзя. Про самого-то себя человек не все до конца знает. Спасибо еще раз, до встречи.

«Славину.

Найдите возможность посетить то отделение дорожной полиции, куда был доставлен Парамонов. Постарайтесь выяснить причину задержания.

Центр».

СЛАВИН

Славин все понял, когда три полицейских прошли мимо него в сопровождении портье и открыли дверь той комнаты, где работал Белью: комната без окна, над головой проходят трубы кондиционера, душно; на верстаке укреплены тиски, инструмент разложен на кожаном фартуке, причем разложен так, что сразу можно догадаться — русский работал: беспорядок был особый, вдохновенный, что ли, так только наш мастеровой в к а л ы в а е т, забывая о времени, если увлечется; потом схватится, глянет на часы — поздно уже, бросит все, как есть; немец или американец сложит инструмент за пять минут до окончания работы, у него часы в мозг вмонтированы, лишнюю минуту не отдаст, она, как доллар, имеет цену.

— Где же ваш умелец? — спросил Славин портье. — Мне сказали, что только он может помочь мне с ракеткой...

— Умельца убили, — ответил тот, но один из полицейских так стремительно глянул на него, что портье, неловко кашлянув, отвернулся от Славина, отошел в угол, подвинул табурет и сел.

— Поднимитесь, — сказал тот же полицейский, — и ничего не трогайте руками.

Славин ушел к себе в номер, открыл балкон, сел в шезлонг и хрустно вытянулся.

«А я тебя недооценил, Глэбб, — подумал он. — Ты ударил меня. Сильно ударил. Правда, этим ударом ты подтвердил, что вы завербовали в номере кого-то из наших, теперь это бесспорно. Значит, Белью писал правду. Теперь никто не может ткнуть пальцем в одну из тех фотографий, которые лежат у меня в кармане.

Славин сжег в ванной фотографии, которые взял ночью в посольстве, пепел размял в руках, слил водой, попрыскал спреем, чтобы не было запаха горелой бумаги, и вернулся на балкон.

«Нужна точная, выверенная дезинформация, — понял, наконец, Славин. — Я должен успокоить Глэбба, иначе мне не выполнить задачи, все пойдет насмарку, мы не найдем шпиона. И в этом мне сейчас может помочь только один человек — Дик. Я обязан — через него — убедить Глэбба в том, что мой поход в ресторане прошлой ночью был случайностью, пьяной случайностью, Белью я не видел, не мог просто-напросто видеть. Я должен убедить его в

том, что он зря меня испугался. Я смогу это сделать, если открою Полу часть правды. А он поймет, что Глэбб — из ЦРУ, это тоже в мою пользу, — на будущее».

В баре было пусто. Пол Дик пришел хмурый, мятый, руки его тряслись.

— Алкоголизм — болезнь социальная, Иван, — вздохнул он. — Во всяком случае, такого рода версия позволяет мне пить с утра. Вы что-нибудь жахнете?

— Кофе. Хочу погонять на корте... Слушайте, а почему вы меня зовете Иваном?

— Для меня все русские Иваны. Это же замечательно, когда нацию определяют именем. Нас, например, Джоном не называют, а жаль.

— Почему?

— А потому что мы идем враскосяк, каждый за себя, в нас нет общей устремленности. Вы же монолит, как вам скажут, так и поступаете.

— Толстого перечитайте, Пол, Достоевского... Не надо считать нацию сборищем баранов, бессловесно исполняющих приказ. Читайте русскую литературу.

— Литература все врет. Она наводит тень на плетень, Почитай Диккенса, так получится, что британцы самая сентиментальная нация. А они сипаев в это время из пушек расстреливали. Мопассан написал правду про французов: помните, как один братец второму руку оттяпал, только б сеть сохранить, рыбацкую сеть. А мы: «Французская легкость, французская легкость!» Они же самые меркантильные люди на земле, эти французы. А Гете с его «страданиями Вертера»? В Майданеке его соотечественники людей жгли...

Пол обернулся к официанту, который стоял за его спиною, чуть согнувшись, и сказал:

— «Блади мэри» — мне, джентльмену — кофе.

Официант, поклонившись, отошел; Пол Дик закурил, зашелся кашлем, на глазах выступили слезы, лицо сделалось багровым.

— Вы зачем себя губите, Пол? — спросил Славин.

— А я уже погиб, Иван. Так что я просто-напросто тешусь на прощание.

— Подождите гибнуть. Рано еще. Жизнь чертовски интересна...

— Э... Знаете, отчего погиб Стейнбек? Его ведь погубил Хемингуэй. Да, да. Он мучительно завидовал ему: не в литературе — в жизни. Он и во Вьетнам-то полез, чтобы хоть как-то сквитаться с Эрни: лавры военного корреспондента спать не давали, нет сейчас Испании, нет республи-

канцев, так хоть в Азию, но туда, где стреляют, где хоть как-то можно потешить себя опасностью. Меня тоже погубила зависть, я всем завидовал, понимаете? А это испепеляет...

— Хотите, дам сюжет?

— Хочу.

— Дайте слово, что не продадите меня?

Официант принес стакан водки с томатным соком и кофе. Пол Дик выпил, и сразу же на лбу у него показались капли пота.

— Вот теперь я могу с вами говорить. Сынок, принеси-ка мне еще один стакан, только пусть положат побольше льда... Ну даю слово.

— Сегодня ночью из-за меня убили человека.

— Идите к черту.

— Далеко идти.

— Объясните, в чем дело?

— Помните, я вчера ходил в ресторан? Хотел угостить вас коктейлем по-русски?

— Не помню, но это неважно. Дальше?

— И я выяснил, что здесь, в подвале, работает какой-то славянин с американо-французской фамилией. Так вот, из-за того, что я заговорил об этом человеке, из-за того, что ваши службы выяснили это, человека сегодня убили.

— Не порите чепухи.

— Как знаете.

— Наверное, ваш агент?

— Если бы, — усмехнулся Славин. — Это было бы прекрасно, будь он нашим человеком, он ведь знает так много секретов: особенно по устройству кондиционированных машин в вашем «Хилтоне»...

— Как его фамилия?

— Белью. Айвен Белью. И если станете говорить с Глэббом, не ссылайтесь на меня — ладно?

— Почему? Симптом русской болезни — кругом шпионы?

— Все-то вы про нас знаете... Только запомните: как только вы зададите ему вопрос о Белью, он сразу же спросит: «Когда об этом узнал Славин»? То есть не сразу, через полчаса, между делом, но спросит обязательно.

— Пари?

— Бутылка водки.

— Принято. Я вам позвоню.

— Лучше заходите. Вы где сегодня обедаете?

— Не знаю еще.

— Поехали в «макдоналдс», на окраину? Там интересно смотреть людей.

— Хорошо, давайте встретимся в холле. Два часа — вас устраивает?

Девушка в бюро по аренде машин нашла наконец «фиат»: Славин не хотел брать ни «форд» (дорог, бензина жрет по двадцать литров), ни «мерседес»; он полагал, что «фиат» привычен, не надо будет «вживаться» в машину, приноравливать себя к ней, как-никак, «жигулевский» папа, садись себе и жми.

Перед тем как выехать в город, Славин поговорил с механиком гаража.

— Я никогда не ездил в Африке, — сказал он. — Научите меня, как не попасться вашим фараонам.

— Они у нас мирные, сэр. Если, конечно, вы сильно надеретесь — права заберут. С вас, с белого, сдерут долларов сто — тут такая такса в полиции, но обязательно промучают, не научились еще элегантно брать взятки.

— Что еще надо знать белому шоферу?

— Да ничего больше, сдается мне, сэр. Если ночью возьмете девку и решите побаловаться с ней, не разрешайте ей раздеваться. У нас теперь девки стали умными, дают себя раздеть, а потом вопят, что их грабят. За то, чтобы погасить такой скандал, сдерут триста баков, не меньше...

— Спасибо, запомню, — пообещал Славин. — Больше опасаться нечего?

— Нечего. Очки носите?

— Да.

— Не забудьте взять с собой. Заметили, как много у нас людей ходят в очках? Зрение ни к черту, говорят, наши дедушки и бабушки не то лопали, что следует, авитаминоз и все такое прочее, так что полиция и на этом греет руки, правда, берут не дорого, долларов двадцать, для вас это, может, не деньги, а для наших людей страшнее штрафа быть не может.

«Для меня тоже, — подумал Славин. — Спасибо тебе, механик. Сейчас мне надо действовать. Только б не напился Пол. Он не продаст меня Глэббу. Не должен. А если и продаст, то что ж, ничего не попишешь, еще более убыстрится темп нашей партии. А то, что она началась, и началась с нападения Глэбба, — очевидно. Но все-таки не надо было ему искать меня в подвале, не надо ему было так явно торжествовать победу».

Славин выехал на широкую авениду, которая шла по берегу океана, попробовал машину — «фиатик» чувствовал ногу; тормоза мертвые, резкие.

Славин посмотрел в зеркальце: черный «мерседес» шел следом, и было в нем четыре пассажира.

«Ну что ж, — подумал он, — давайте погоняем, ребята. Зря вы только затеяли это. Зря. Лучше бы турнули отсюда Глэбба и его шарагу, тогда бы мне не пришлось прилетать сюда, и искать Айвена Белью, и гонять по городу, чтобы выяснить то, что надо выяснить, и я выясню это, уж обещаю вам, обязательно выясню».

Возле бензозаправочной станции он резко затормозил, свернул скрипуче, шины завизжали. «Мерседес» опоздал с поворотом, пронесся мимо, остановился возле газетного киоска; двери долго не открывались, видимо, луисбургская наружка думала, что Славин развернет машину и поедет в обратном направлении. Лишь когда он попросил залить ему бензин и служитель, открыв пробку, включил счетчик, из «мерседеса» вылез высокий парень, подошел к киоскеру и взял газету.

— Проверьте, пожалуйста, как подкачаны шины, — попросил Славин, пристегиваясь толстым ремнем к сиденью.

— Вполне нормально, — ответил служитель, глянув на колеса.

— Я просил проверить, а не посмотреть, и покачать каждое колесо — хорошо ли креплены болты. — Славин протянул служителю доллар, тот каким-то неуловимым движением взял его и, словно фокусник, обрушился на корточки.

— Эй! — рассмеялся Славин, когда «фиатик» начал ходить ходуном. — Я же не просил вас переворачивать машину!

— Она устойчива, сэр. Я хочу удостовериться на все сто, — ответил служитель. — Правый передний баллон перенакачан, может рвануть, я подспущу до одной девяносто, у вас два сорок.

Славин рассчитал, когда на дальнем перекрестке зажжется зеленый свет и устремится поток машин; врубил скорость, рванул с места и вывернул в обратном направлении; люди в «мерседесе» растерялись — развернуться не было никакой возможности, шел встречный поток; Славин свернул в переулок, заехал во двор маленького отеля, зашел в бар, заказал кофе и только через полчаса сел за руль — на «хвосте» никого не было, его потеряли. «Вы сами виноваты, ребята, — думал о наблюдении Славин, — вините себя. На меня не сердитесь, не надо, я не нагличал, я просто-напросто повернул назад... В сле-

дующий раз оставляйте машину сзади, зачем полезли вперед? Не надо так однолинейно думать о том, за кем вас поставили смотреть...»

...Славин нарушил правила в пятый уже раз, когда наконец полицейский остановил его. Жара была невероятной, солнце раскалило автомобиль, асфальт был расплавлен, казалось, что идешь по весеннему льду на последней рыбалке, когда особенно хорошо клюют щуки возле Завидова, только там ощущаешь холод и запах свежепростиранного белья, а здесь дышать было нечем и пятки жгло через подошвы ботинок, будь этот экватор трижды неладен...

— С какой скоростью вы ехали, сэр? — едва дотянувшись до козырька, спросил потный полицейский.

— С превышенной, — ответил Славин.

— Хорошо, что вы сразу признаете свою вину. Вашу водительскую лицензию, пожалуйста...

Славин похлопал себя по карманам:

— Казните — забыл.

— Казнь отменена в республике, — ответил полицейский.

«А на наших орудовцев такое выражение действует немедленно, — машинально отметил Славин. — Возможность п о м и л о в а т ь угодна национальному характеру, прав Федор Михайлович, высоко прав».

— Что же делать? — спросил Славин.

— Ехать в участок, сэр. Я должен выяснить вашу личность.

Этого-то Славин и добивался.

В участке он с полчаса просидел в темном коридоре; кондиционер не работал, духота была немыслимой; старик полицейский, выполнявший, судя по всему, роль дежурного, с трудом боролся с дремотою.

— У вас всегда приходится так долго ждать? — спросил Славин.

— Отдохните, — ответил старик. — Здесь не так печет солнце.

— Зато воздуха нет.

— Воздух есть всюду, — возразил старик. — Даже в море, как говорит мой внук, тоже есть воздух.

— А если я попрошу офицера ускорить выяснение моего дела, — спросил Славин, — он не рассердится на меня?

— Он на вас не рассердится, потому что врач все равно на обеде.

— Мне не нужен врач, я же не был в аварии.

— Врач нужен всем, сэр, кто попадает к нам. Врач должен выяснить, не пьяны ли вы, не страдаете ли болезнью зрения, не принимали ли вы снотворных лекарств накануне...

Доктором оказалась молоденькая африканка; двигалась она стремительно, но в то же время как-то округло, словно тело ее было скреплено шарнирами, придававшими заданную пластику каждому жесту, даже тому, когда она указала Славину на стул в углу медицинского кабинета, где было еще более душно, оттого что два маленьких окна были зашторены толстой черной материей.

— Пили алкоголь? — осведомилась доктор. — Сколько? Когда?

— Вчера пил виски.

— В какое время?

— Днем.

Врач поглядела на часы:

— Если в два, то анализ крови покажет следы опьянения и я буду вынуждена лишить вас лицензии.

— Вы или офицер полиции?

— Мы неразделимы, сэр.

— А за что еще вы можете лишить меня лицензии?

— За употребление наркотиков, за атеросклероз сетчатки, за косоглазие... Давайте пока что палец...

Доктор вернулась из лаборатории через пять минут, покачала головой сожалеюще:

— Вы пили виски действительно до двух часов, следов алкоголя нет. Садитесь в угол, зажимайте левый глаз, называйте буквы на щите, пожалуйста.

— Без очков я не вижу.

— Какое же вы имели право сесть за руль без очков?

— Не сердитесь.

— Закон не сердится, — отрезала доктор, и слова ее прозвучали диссонансом с той постоянной округлостью движений, которыми Славин так восхищался. — Закон бесстрастен, хотя служители его тоже имеют сердце.

«Сколько же они взяли с Парамонова, если моя догадка верна? — подумал Славин. — Он мог испугаться, что его лишат прав, и он метался по ночному Луисбургу, чтобы собрать денег. В общем-то все сходится, дай бог, чтобы сошлось, — у Никишкина он в ту ночь одолжил пятьдесят долларов, а у Проклова — семьдесят пять. Добавил свои двадцать пять — полтораста долларов вполне могли смягчить сердца бесстрастных служителей закона с человеческими сердцами...»

«Центр.

Прошу выяснить, какое зрение у Парамонова? Не страдает ли астигматизмом? Носит ли очки? Если — да, то какова степень поражения зрения? Хроников здесь лишают прав по суду.

Славин».

«Славину.

Ваша версия правильна. Парамонов отпал.

Центр».

«Мой дорогой!

Рассуждения о том, что разлуки необходимы и являются теми паузами любви, которые позволяют продлевать нежность, заново радоваться встрече, ждать ее, чем дальше, тем меньше кажутся мне истиной в последней инстанции. Это обидно, потому что всякое отступление от обожания — та микротрещна, в которую попадает вода, а зимой ударяет мороз, и вода делается льдом, который взрывает монолит — рано или поздно.

Это не значит, конечно, что я хочу уйти от тебя, впрочем, если следовать духу буквы, то мне не от чего уходить, ибо любовь — не есть брак, ее не надо расторгать, она кончается сама по себе.

Вот.

Я пишу, понимая, что нельзя так писать, что жестоко это, но нахожу себе оправдание — какое там оправдание, щит! — в том, что правда угодна тебе, ты всегда говорил мне об этом, и нечего мне скрывать от тебя то, о чем я думаю.

Вчера я ездила на Москву-реку. Господи, сколько там народа! И все молодые, красивые, с длинными ногами, так, кажется, писал Ильф. По-моему, так. «Хочу быть молодым, стройным и кататься на велосипеде». Вообще-то, надо писать так, как он, — перед смертью, а не я — после пляжа. Но мне там стало страшно, я увидала там в р е м я. Девушки и ребята лет двадцати — сколько же их, и как красивы они, и я в свои тридцать два показалась себе старухой, но я не сразу испугалась этого, я этого испугалась, когда нашла местечко рядом с толстой сорокалетней бабой, а возле нее лежали дети, две девочки и мальчик, и она себя старухой не чувствовала, она была матроной, она не

боялась ни морщин, ни живота, ничего она не боялась — рядом дети.

Вот.

Ухаживают нынешние молодые «по-черному», сразу приглашают на «хазу» слушать музыку. Не обижаются, когда отказываешься. Один, правда, начал читать Гумилева. Читал хорошо, но у него ужасно тонкие пальцы, я такие каждый день вижу под рентгеном, что-то у нас пошел костный туберкулез, очень странно.

Каждый день я просыпаюсь с мыслью, что ты ушел бегать, и первое мое побуждение — ринуться на кухню. Но потом я вспоминаю... Нет, я не вспоминаю... Потом меня ударяет... И снова неверно. Ничего меня не ударяет. Меня просто вдавливает понимание того, что тебя нет рядом, и я спокойно — тебя ведь нет — закуриваю и вспоминаю Алексея Толстого: «Затяжка натощак — чисто русская привычка». Только великие врачи и писатели умеют ставить диагноз в одной строке.

Я очень быстро отвыкаю от тебя. Привычка — вторая натура? Почему вторая? Натура — это набор привычек. Вторая натура, если только она существует, — это дисциплина.

Да, я смотрела прекрасный ансамбль. Молодые люди в модных черных бархатных костюмах пели старинные русские песни. Я заревела. Кокошник, конечно, замечательно, но это уже из сферы декораций, а может и не декораций, а музейных экспонатов. И ничего с этим не поделаешь. А петь русское многоголосье в современных элегантных костюмах — это значит сберечь старинную песню для нашего поколения.

Вчера позвонил Константин Иванович, сказал, что у тебя все хорошо и что скоро ты вернешься. Я ответила, что по голосу слышу — говорит неправду, не все у тебя хорошо, и вернешься ты не скоро. Он очень смеялся, и тогда я решила, что я просто-напросто сама себя накручиваю. Все бабы такие. Истерички чертовы. Так что не вздумай меня бросить из-за того, что я сочиняю тебе унылые письма, — лучше не найдешь, мы все совершенно одинаковы, только некоторые умеют подольше притворяться.

А вы, мужики, очень разные. Не просто разные, у вас у каждого своя злость, и своя доброта, и своя зависть. Мы так не умеем.

Встретила Надю Степанову. Ты не знаешь, они разведены? Странная женщина. Нельзя называть мужчину мужем и так говорить о нем. Это же себя обижать в первую

очередь, а не его; Степанова уже не обидишь, он книжки печатает, а человек искусства неподвластен суду людскому, только мы, грешные, он отчитывается по иным критериям, правда ведь?

Знаешь, я часто вспоминаю, как мы встретились. Мне ужасно понравилось, что ты не знал, как подойти ко мне. И я видела, как ты злился, когда ко мне подваливали курортники мужского пола и просили дать спичку или ответить, который сейчас час. «Сейчас час» — ужасная фраза, да? Мы так пишем в истории болезни — вот где гробят язык-то! Я помню, как ты хорошо рассмеялся, когда я тебя спросила: «Вам наконец понадобятся спички?» Знаешь, как девки влюбляются?! Что ты! Куда сильнее вас. Причем все мы знаем пушкинское «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», но все равно, стоит вам только поговорить на пляже с другой, как мы немедленно начинаем лезть в бутылку. Но мы хитрее вас, наивно, конечно, хитрее, и поэтому начинаем флиртовать напропалую с каким-нибудь идиотом, и вы тогда — я имею в виду умных — теряете к нам интерес. И об этом мы тоже знаем, но все равно дурим. И из-за этой нашей бессильной хитрости к нам относятся как к потаскухам.

Знаешь, я сейчас подумала — как же хорошо у нас с тобой, как прекрасно! Никаких обязательств, кроме одного: любить друг друга. Дорогой товарищ Славин, ваша подруга Арина вас любит знаете как? Вы не знаете, дорогой товарищ Славин, как она вас любит. Поэтому она сейчас порвет это письмо из-за его начала и напишет новое, казенное, где все будет «тип-топ». Или не надо?

Целую тебя, моя любовь! Поскольку ты старше меня на двадцать два года, я лелею мысль, что через восемь лет, когда ты выйдешь на пенсию (или у вас это называется отставка? Тоже — не сахар названьице), я буду видеть тебя рядом с собою постоянно. Хотя — нет. Не посажу же я тебя в рентгеновский кабинет рядом с собою? Так что «все время» не получится. Но утром и вечером — обязательно.

Вот.

Но ты тогда уйдешь от меня. Потому что ты, видно, и вправду не можешь жить без разлук, которые дают мне такое поразительно нежное ожидание счастья — той минуты, когда ты вернешься.

Ирина Прохорова, которая любит Виталия Всеволодовича Славина».

«Центр.

После убийства Белью из Луисбурга скрылся Хренов. Я установил его адрес, хозяйка отеля сообщила, что он взял все вещи и купил билет на самолет. Куда — неизвестно. Можно предполагать, что он бежал, опасаясь расправы ЦРУ.

Славин».

«Славину.

Можете ли выяснить вашими возможностями судьбу транспорта № 642, отправленного наземным путем из Луисбурга в Нагонию? Все сроки прошли, а транспорт до сих пор не доставлен.

Центр».

«Центр.

По сведениям, поступившим от кругов, близких к пресс-службе Огано, транспорт № 642 был захвачен в конце прошлой недели его войсками. Огано дал понять, что ему было известно, когда именно пойдут грузовики из Луисбурга. Он заявил, что отныне все караваны с грузами для Нагонии будут перехватываться его «зелеными беретами». От кого именно поступили к нему эти сведения, неизвестно, однако путь караванов и время отправления луисбургским властям известны, это входит и в прерогативу наших транспортников, согласно соглашению, подписанному со здешним министерством транспорта.

Славин».

«Славину.

Кто из наших отвечает за маршруты и сроки транспортировки грузов в Нагонию?

Центр».

«Центр.

За сроки транспортировки отвечает Зотов. Маршруты обговаривал сотрудник внешнеторгового объединения Шаргин во время командировки в Луисбург в апреле этого года.

Славин».

«Славину.

Шаргина мы изучаем. Что можете сообщить о нем дополнительно?

Центр».

«Центр.

Шаргина характеризуют положительно. При этом отмечают пристрастие к выпивке. Замечено, что он весьма озабочен встречами с женщинами. Что касается модели сверхмощного радиоприемника «Панасоник», то Шаргин купил его непосредственно у фирмача Грегорио Амарала за 512 долларов. Однако, уезжая из Луисбурга, Шаргин декларировал на таможне также фотоаппарат «Минокс», последний выпуск, самый маленький аппарат из известных здесь ныне, и диктофон марки «Гертон», стоимостью 125 долларов. По данным бухгалтерии торгпредства, Шаргину было выдано 650 долларов суточных, квартира оплачивалась его объединением.

Славин».

«Славину.

Выясните, не посещал ли Луисбург одновременно с Шаргиным коммерсант из «Трэйд корпорэйшн» Ван Зэгер?

Центр».

«Центр.

Коммерсант Ван Зэгер никогда не посещал Луисбург.

Славин».

«Славину.

Выясните, есть ли в Луисбурге представительство «Трэйд корпорэйшн».

Центр».

«Центр.

Представительства «Трэйд корпорэйшн» в Луисбурге нет.

Славин».

ПОИСК-II
(ЖВАНОВ, ГМЫРЯ)

Когда младший лейтенант Жванов «принял» Парамонова, тот уже успел проверяться, посмотрел в витрине «продмага», нет ли кого, кто идет следом, и нырнул к Цизину, в «Минеральные воды».

Жванов, зная по предыдущим дням, что Парамонов не задерживается у прилавка, вошел следом за ним сразу же и заметил, что Цизин наливает в стакан воду из бутылки «Витаутас», но, налив, не поставил ее подле себя, а сунул в холодильник.

Парамонов выпил воду залпом, лицо его на мгновение замерло, потом резко покраснело, и, положив на тарелку пять копеек, он вышел из магазина.

Жванов успел ухватить стакан, несмотря на то что Цизин хотел забрать его первым, понюхал — пахнуло сивухой.

— Дай бутылку, — сказал Жванов. — Дай, не греши.

Цизин достал из кармана пятьдесят рублей, протянул Жванову:

— Не губи, ирод.

— Ты чего мне суешь?! Ты чего суешь мне?! — рассвирепел Жванов. — Ты мне налей, я тебе — что, гад продажный?!

— Да погоди ты, не ори, — Цизин перешел на шепот. — Буквально, я ж думал, что ты оттуда... Сейчас налью, киря, от души налью...

Он достал бутылку из холодильника, но, когда открывал пробку, бутылка выскользнула у него из рук, разбилась, он сразу же достал вторую, эту, вторую, он предусмотрительно разбил над мойкой и тут перешел в атаку:

— Чего тебе надо?! Чего налить?! Ты думал, я водкой торгую, да?! А ну докажи! За клевету, знаешь, как припеку!

Он продолжал кричать, когда в магазин вошли три старухи.

— Деньги вымогал! Говорил, буквально, водки налей, а где у меня водка! Провоцировать себя не позволю! По новой конституции за это под суд отдают! Ишь вырядился, ишь бороду отпустил, циник!

Жена Парамонова, когда к ней приехал полковник Гмыря, выслушала его вопрос, вздохнула и ответила тихо, еле слышно:

— Я вас не совсем понимаю. С ним что-нибудь случилось?

— Нет, с ним ничего не случилось, но лучше будет — и для него и для вас, — если вы расскажете правду.

— Ну выпьет рюмку иногда, — еще тише ответила женщина, и ее нездоровое полное лицо повело какой-то странной гримасой, — на праздник какой или в день рождения...

Гмыря откинулся на спинку стула, оглядел комнату, аскетично-чистую, стол отполирован до блеска, диван-кровать застлана белым покрывалом, яркие герани на подоконнике, вздохнул чему-то своему и заключил:

— Вы меня извините, только неправду вы мне говорите. А зря. Потому что алкоголик не тот, который на скамейке спит, а тот, что каждый день, в обед и перед ужином берет стакан водки. А потом начинает принимать и перед завтраком. А несчастной женщине, особенно если приходилось работать за границей, надобно из кожи вон лезть, кормить семью макаронами, пухнуть самой, только б никто не узнал о горе, только б скандала какого не получилось. Где система «Сони», которую вы привезли? Он же ее продал, за две тысячи продал, потому что на водку не хватает. Где киноаппарат? Тоже в комиссионный ушел. Тоже на водку, Клавдия Никитична, разве нет? Где деньги на «Жигули»? Он их за полгода просадил — аккуратно, без скандалов, по-семейному: пол-литра в день, а это — пять рублей, а по субботам и воскресеньям — десять, а зарплата — сто восемьдесят, и жена не работает, а еще дочери надо помогать выплачивать пай, — не так разве?

И тут женщина заплакала. Она плакала беззвучно, жалобно, какое-то несоответствие было в ее бесформенной фигуре и детских, неутешных слезах, которые она не утирала даже — привычно, верно, для нее это было, плакать.

— Жлоб проклятый, — шептала она, — алкаш, чтоб он подавился своей водкой, нет на него погибели! Каждый день, каждый божий день... Если бы пять рублей! Мы б тогда машину-то купили, как мечтали на юг семьею поехать, когда еще Мариночка с нами жила, от него ведь замуж вышла, девчонкой ведь совсем, а теперь мается в чужой-то семье. Пять рублей он днем пропивает, да вечером еще столько же, а по субботам и воскресеньям, если не уходит на халтуру, по двадцатке, с самого раннего утра, а я — молчи... Говорила ему, деспоту, все равно узнают, до добра не допьешься, никуда больше не выпустят. А что случилось-то?

— Пока ничего. Вы с ним были, когда он в полицию попал?

Женщина всплеснула руками:

— Где?! В какую еще полицию?!

— В Луисбурге, незадолго перед отъездом...

— Это когда он ночью не пришел, что ль?! Денег еще потом назанимал, да?

— У кого он деньги брал?

— У Евсюковых взял, еще у кого-то, говорил, на подарки, сувениры, под эти сувениры потом за полцены магнитофон продал, а меня еще корил, если овощей куплю.

— Он с Шаргиным в Луисбурге познакомился?

— Кучерявый такой? Надушенный? Там. Все возил его на машине, к фирмачам возил, на пляж. Тоже хорош гусь» всем в глаза «тра-ля-ля», а стоит обернуться — помоями обольет...

— Фотоаппарат мне ваш покажите, Клавдия Никитична...

— Да он же и его отволок в комиссионку, а какой был аппарат!

— А маленького аппаратика не было?

— «Минокса»? Нет, мы не взяли, к нему у нас пленки нет, ну и решили не покупать...

— Когда он начал пить?

— Когда завгаром стал, — убежденно ответила женщина. — Раньше-то, когда был механиком, самому надо было поворачиваться, — не пил, а как сменил спецовку на синий халат, как стали к нему клиенты подворачивать — тут и пошло. То с одним, то с другим. Он ведь честный, вы не думайте, он лишнего не возьмет, он лучше свое отдаст, чем другого обидеть.

— А когда у него глаза испортились?

— Вот тогда и испортились. Пил без закуски, жжет ведь она, проклятая, нутро: у одного язва, у другого гипертония, а моего дурака по глазам стукнуло. Уж он так скрывал это, так скрывал! «Все, — говорил, — если про это узнают, конец карьере, слепого за границу не пустят». Наконец линзы вставил, теперь, говорит, комиссия не страшна, теперь пропустит... Ну и пошел с радости гудеть...

— Вы пробовали к врачу обращаться?

— Это где ж я к врачу обращусь? — вдруг озлилась женщина. — В посольстве, что ль? Скажу, мол, муж у меня пьяница, да? Так меня с первым самолетом и отправят. И сюда на работу напишут — поди потом, отмойся. Если б можно было по-тихому, уломала б, а так — молчи и надейся.

— На что?

— На то, что язва его скрутит. Или почка. Сидоров вон допился, что ему почку вырезали, так сейчас в семье какое счастье наступило-то! Ни капли в рот не берет, так и садовый участок получили, и жене енотовую шубу справили, и квартиру вон покупают трехкомнатную в Чертанове... Эх, да чего там говорить — страха теперь в людях нет, вот и пьют. И жизнь сытая, как ни работай — меньше полтораста не платят... А в наше время как?

— Да уж в наше время было иначе, — согласился Гмыря. — А приемник-то где? Он ведь какой-то сверхмощный приемник купил...

— Продал! Наш приемник чего угодно брал; купили за полцены, мой фирмачу-то какой-то карбюратор поставил, он умеет чего там такое ставить, что бензин экономит, ну фирмач и отдал задарма, такой был приемник, такой приемник...

— А кому еще он такие карбюраторы ставил, Клавдия Никитична? Глэбб, американский фирмач, не просил его об этом?

— Да если б и попросил — мой американцев за версту обходит, нам же объяснили, какие у них люди есть, неровен час — провокация, а это пострашней водки, разве не знаем...

— В данном случае водка страшнее, — сказал Гмыря и поднялся, — куда как страшнее, это уж вы поверьте мне.

— Здравствуйте, моя фамилия Проскурин, зовут меня Михаил Иванович, звание — подполковник. Мне бы хотелось поговорить с вами о том времени, когда вы работали в Луисбурге.

— Пожалуйста, Иван Михайлович, — суетливо ответил Парамонов.

— Скорее, Михаил Иванович, но если вам удобнее величать меня таким образом, я в обиде не буду.

— Простите, у меня всегда имена путаются.

— Ну это не самая страшная беда... Скажите, вы там встречались с американским бизнесменом Глэббом?

— Вы меня подозреваете в чем? Это допрос?

— Нет. Я не имею права допрашивать вас, потому что вас ни в чем не обвиняют, во-первых, и не привлекают в качестве свидетеля, во-вторых. Это — беседа, и вы вправе отказаться отвечать на мои вопросы...

— Я не помню Глэбба, истый крест, не помню!

— А вот его фотография.

Парамонов взял маленькую фотографию, поднес ее близко к глазам, прищурился еще больше:

— Такую крохотную и не разглядишь толком.

— А за рулем как же ездите?

Парамонов вскинул голову, побледнел:

— За рулем я езжу в линзах.

— Меня интересует только одно: после задержания никто не приезжал в участок спасать вас?

— Нет! Я был ни в чем не виноват! Я был трезв! Меня не надо было спасать!

— В тот день вы, действительно, не пили?

— Ни капли!

— А накануне?

— Тоже ни капли.

— Ой ли?

— Клянусь, ни капли! Я пью редко!

По тому, как Парамонов испуганно врал, Проскурин до конца понял — не он. Плохой человек, нечестный, пьяница, только к ЦРУ отношения не имеет, наверняка не имеет...

— Я уплатил им деньги, — тихо, с болью сказал Парамонов, — они там все взяточники и вымогатели, говорят, без очков нельзя...

— Сколько же вы им уплатили?

— Сто семьдесят пять. У меня было всего пятьдесят, я одолжил у друзей, и тогда полицейский порвал протокол медицинского осмотра...

— Вы не помните, как звали врача?

— Да разве до этого мне было?! Красивая женщина, тоже, кстати, в очках...

— И никто из иностранцев вам не предлагал помощь?

— Об этом-то я бы во всяком случае сказал. Поймите мое состояние! — взмолился Парамонов. — Остаться без прав в Африке — конец карьере!

— Чему конец?

— Работе, — поправился Парамонов, — я ж не успею никуда! А при тамошней жаре пешком не походишь! А концы громадные! Я бы подвел коллектив! Они ждали от меня оперативности: туда сгоняй, сюда успей!

— Более всего они, верно, ждали от вас честности. Мы навели справки, и вот что выяснилось: если бы вы рассказали все честно, наши юристы доказали бы луисбургским властям, что вы прошли нашу медицинскую комиссию и наша медицинская комиссия, входящая в международную конвенцию, позволила вам управлять автомобилем, таким образом, никто не имеет права предъявлять вам какие бы то

ни было обвинения... Больше надобно уважать себя, а главное — то дело, которому служишь... А вы — взятку давали, дабы карьера не кончилась.

— Вы сообщите обо всем в «Межсудремонт»? — совсем тихо спросил Парамонов.

— К сожалению, я не имею на это права, конституционного права, а то бы сообщил, наверняка сообщил.

СЛАВИН

— Здравствуйте, Андрей Андреевич.

— Здравствуйте, — ответил Зотов.

— Я бы хотел, чтобы вы помогли мне разобраться в здешней ситуации, я — Славин Виталий Всеволодович.

— Так это не ко мне.

— Все говорят, что вы лучше других чувствуете ситуацию — особенно в связи с Нагонией, наши поставки, их цикличность...

— Обо всем этом можно прочитать в наших отчетах. Только смысл... Пиши не пиши, воз вряд ли сдвинется.

— Почему?

— Да потому что глупим.

— Это умеем, — согласился Славин. — Только в данном случае хорошо бы уцепить главное звено: в чем глупим? Как поломать глупость? Положение в Нагонии заслуживает этого.

— Поломать очень просто. Портовые службы здесь нам задолжали пять миллионов. Ерунда, конечно, в сравнении с тем, что уходит на ветер, но по здешним масштабам — это деньги, а мы совестимся их потребовать, а коли не можете отдать, то хотя бы соблюдайте вежливость, обслуживайте наши суда, которые идут в Нагонию, пропускайте их первыми, не держите по трое суток на рейде. А мы миндальничаем, боимся, что нас неверно поймут, обидятся, а нас во всех здешних газетах поливают, как хотят...

— Боязнь обидеть — свидетельство силы, Андрей Андреевич, нет?

— Верно. Но каково нам будет смотреть друг другу в глаза, если задушат Нагонию? Из-за того в частности, что наши поставки идут с задержкой, а там тоже есть люди, которые умеют работать, которые уже сейчас говорят: «Русские много обещают, но не умеют сдерживать своих обещаний, график летит, мы горим из-за этого». Каково?

— Плохо. Куда как хуже.

— А мне здесь отвечают, что я — зануда и брюзга, а я не зануда, просто я чаще других езжу в порт, встречаюсь с разными людьми и убеждаюсь, что здесь решили: «Им можно сесть на шею».

— Вот вы мне и подскажите, как обо всем этом ловчей написать, ладно? У меня в два обед с одним приятелем, американский коллега, не видались с Нюрнберга...

— Дик?

— Да. Знакомы?

— Он приятель моего знакомца. По-моему, думающий газетчик, хотя обидно, спивается.

— Часа в четыре я за вами подъеду, ладно?

— Нет, в четыре я занят. Давайте-ка часов в девять.

— У меня?

— Вы где остановились?

— В «Хилтоне». Шестьсот седьмой номер.

— Шестой этаж?

— Да. Направо по коридору.

— Я знаю. Хорошо, в девять я к вам подъеду.

Пол Дик сел рядом со Славиным, выругался, буркнул:

— Вы меня втравили в хреновую историю, Иван. В какой «макдоналдс» поедем?

— В тот, который находится рядом с домом, где жил Белью.

— Он жил в бидонвилле, там «макдоналдс» вонючий, как помойка, я же обсмотрел все вокруг.

— Я тоже хочу хоть одним глазом глянуть.

— Не темните, Иван. Что вам известно об этом самом Белью? — Пол Дик протянул Славину восемь долларов. — Держите, купите сами, я бы не удержался, выпил.

— Что это?

— Не валяйте дурака, я же проиграл вам, вы лучше меня почувствовали Джона — он, действительно, спросил про вас, как вы и предполагали. Объясните, что вам известно об этом деле?

— Ничего. Я могу предполагать только лишь. Видимо, Белью снимал комнату где-то возле вокзала...

— Порта. Но тоже шум, краны под окном работают день и ночь. Дальше?

— Видимо, в комнате у него были русские книги...

— Украинские. И открытки, много старых открыток...

— На столе лежал сухой сыр и половина батона, нет?

— Сыр был очень черствый, батона не было, крекер. Вы что, были в его комнате?

— Если бы я там был, Пол, меня бы уже допрашивали. Из чего его убили? Бесшумный пистолет?

— Нет. Его жахнули с портового крана, из снайперской винтовки, через окно. Он, между прочим, вышивкой занимался, у него там салфеточек полно, скатертей, дорожек. Петушки и курочки. Слушайте, что вы о нем знаете? Вы же неспроста стали искать его, Иван...

— Какие у него были книги, Пол?

— Я забыл... Нет, я записал, конечно, но блокнот у меня в номере... Стихи. В основном, стихи.

— Каморка, краны под окном, салфетки с петушками и стихи.

— Вы здорово классифицируете факты. Раньше у вас этого не было — из Нюрнберга вы гнали чистую информацию. С годами в вас появилось прекрасное своеволие, вы бесстрашно организуете разрозненные факты в мысль.

— Загоржусь. Полиции было много?

— Две машины.

— Пресса?

— Их пустили позже, когда кончился обыск.

— Что искали?

— Черт их знает. Намекали, что он ваш агент.

— Намекать девке можно, а в такого рода деле нужны улики.

— А что, разве их нельзя сделать?

— Смысл?

— Смысл есть: жил около порта, там идут ваши суда в Нагонию, здесь сейчас начинается кампания против этого, ну а Белью в бинокль подглядывал и сигналы подавал.

Славин рассмеялся.

— А — что? — продолжал Пол. — Важно бросить дохлую кошку, пусть ее подбирают другие; виноват всегда тот, кого облили дерьмом — ему же отмываться, в конце концов.

В «макдоналдсе» возле порта, в двух блоках от того третьеразрядного отеля, где жил Белью, было душно, Славина поразило, как много там было мух: синебрюхие, жирные, они летали медленно, словно перегруженные «юнкерсы», и так же нудно, изводяще жужжали.

— Выпьем кофе, — предложил Славин, — а обедать поедем куда-нибудь на воздух, ладно?

— Нет, положительно, вы знали этого Белью, он ваш шпион, Иван.

— Пол, нам нет надобности держать здесь шпиона, честное слово. Мы открыто сказали, что, если в Нагонию начнется вторжение, мы станем помогать Грисо всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении. Карты открыты, секретов нет; вообще, сейчас в мире мало секретов, все можно вычислить, только надобно головой поработать.

— В таком случае вычислите моего президента. Его курс.

— У вас есть свое мнение?

— Есть. Он слишком искренен, а это качество губительно для лидера, который обязан быть гибким.

— Если так, я могу спать спокойно. Но, по-моему, все обстоит иначе. Ваш военный бизнес дает на предвыборную кампанию немало денег, а он престижный человек и посему обязан рассчитаться с кредиторами. Как? Только военная промышленность может дать немедленную отдачу: сунь в производство нейтронную бомбу — вот тебе десять миллиардов реализованы, вот тебе долг погашен. Однако ему не дали запустить в серию нейтронную бомбу — слишком опасно, здравомыслящие американские политики — против; они, как и мы, понимают, что наши народы, как бы им ни мешали, все равно будут дружить — это реальная историческая перспектива, мы в нее верим. Когда не вышло с бомбой, ваш шеф попробовал перевернуться с мирными отраслями промышленности, получить деньги от них, чтобы вернуть долг военно-промышленному комплексу и — таким образом — соблюсти лицо. И он согласился на мирные переговоры. Но его, как известно, не во всем поддерживает конгресс. И он оказался между двух огней. А выбор делать надо, жизнь заставит, сами же американцы потребуют.

— Похоже, но я прав больше, чем вы, потому что можно было бы найти третий путь, ловкий, а он этого себе не может позволить.

Негр, который наливал кофе в картонные стаканчики, сказал Полу:

— А я видел вас сегодня, сэр.

— А я тебя нет.

— И вы меня видели, сэр. Вы выходили из квартиры, где убили Ивана.

— Кого?! — Пол изумился. — Какого Ивана?!

— Белью. Его настоящее имя Иван, он вынужден был называться Айвеном. Он же русский.

— Я тоже русский, — сказал Славин.

— О, простите, сэр, я никак не мог предположить, что вы русский, я думал, вы англичанин...

Славин достал пачку «Явы», вытащил сигарету, но прикуривать не стал — он вообще не курил, иногда только сосал сигарету, но и это бывало редко.

— Слушайте, а почему он здесь жил? Откуда русский в Луисбурге? Он ничего вам не говорил об этом?

— Нет. Он только пел, когда сильно надирался.

— Он всегда сильно надирался?

— Нет. Он стал особенно сильно напиваться, когда сюда начали заходить русские корабли. Ваши матросы часто пьют у меня пиво. Белью всегда сидел вон в том углу, где темно, и смотрел на них, а когда они уходили, начинал пить, а уж потом пел свои песни. Но его не били, нет, ему разрешали петь, его выгоняли только в том случае, если он начинал блевать...

— Ему разрешали петь, — повторил Пол Дик, — это очень гуманно, что ему разрешали петь, это вам зачтется на небесах. Дайте-ка мне виски со льдом.

— У нас испанское виски, сэр, виски «Дик», ваши люди не пьют его.

— Мои люди — кретины, зачем обращать на них внимание. Вы им не говорите, что это «Дик», лейте смело и ставьте под нос, только ударяйте донышком стакана так, чтобы немного виски выплескивалось.

— Спасибо за совет, сэр, я попробую. Не хотите ли сыграть в бильярд? У нас вполне пристойный стол и шары тяжелые.

— Слушайте, — спросил Славин, — а хоть раз этот самый Белью пел при русских моряках?

— Да, один раз пел, сэр, и очень плакал, когда пел, и они подарили ему открытки...

— Когда это было? — спросил Славин.

— По-моему, в декабре, сэр, но точно сказать я не могу. Я помню, что он потом выглядел каким-то испуганным, будто чего-то ждал все время.

Славин положил перед барменом открытки:

— Возьмите на память, только не позволяйте, чтобы вас убивали из снайперской винтовки.

— Спасибо за подарок, сэр, но я лучше откажусь от него — сейчас полиция спрашивает всех, кто знал Белью, а почтовых служащих увезли в отдел со всеми их книгами, проверяют письма и телеграммы. Всяко может быть, сэр, так что благодарю вас, но мы приучены бояться собственной тени...

«В декабре сюда пришли первые корабли. И наш Иван впервые увидел настоящих русских. И написал нам письмо. И долго не решался отправить. Все просто и точно. А потом, видимо, Глэбб его вычислил, как и я, и убрал его. И теперь только он один, Джон Глэбб, может ткнуть пальцем в фотографию того человека, которого вербовал».

...Когда Славин остановил «фиат» возле маленького полинезийского ресторанчика — столики вынесены на берег, под широкими плетеными зонтами тень, — Пол Дик вывалился первым, сразу же покрывшись потом.

— Погодите, — сказал Славин, — обернитесь, полюбуйтесь на «мерседес», который меня пасет. И запомните номер — он уникален, такого нет в каталогах здешней автоинспекции.

— Перестаньте, Вит, — Пол Дик назвал, наконец, Славина по имени. — Нельзя же быть таким подозрительным.

— В город нас поведет голубой «форд», и не вздумайте со мною спорить, потому что ставка будет в два раза больше той, которую я выиграл утром.

— Значит, и Глэбб — о т т у д а? — вздохнул Пол.

— Я вам это сказал?

— Не считайте меня старым идиотом, ладно?

КОНСТАНТИНОВ

Генерал Федоров передал папку с документами Константинову[1]. Тот внимательно просмотрел колонки цифр и сказал задумчиво:

---

[1] Текст нерасшифрованной радиограммы, переданный ЦРУ своему агенту, гласил следующее: «Дорогой друг! Спасибо за ваше сообщение, оно в высшей мере интересно, мы доложили его не только нашему руководителю, но и ознакомили с ним правительство. Нас интересует, какой демарш с нашей стороны сможет остановить Москву от немедленной военной помощи Нагонии в случае каких-либо событий в этой стране? Ваше волнение по поводу того, что за вами или вашими знакомыми началась слежка, представляется вам следствием переутомления. Советовали бы вам уехать на несколько дней отдохнуть, желательно к морю. В следующей передаче отправьте нам все свои анализы, мы посоветуемся с ведущими специалистами и пришлем вам, в случае необходимости, лекарство. Тем не менее, мы обдумаем вопрос, поднятый вами об операции прикрытия. Может быть, ваше предложение следует реализовать несколько позже? Или вы настаиваете на немедленной реализации игры? Передаем вам привет от вашего друга «П». Сообщаем, что часть ваших гонораров вложена «П» в акции «Юнайтед фрут» «Трэйд корпорэйшн». Желаем вам всего доброго, ваши друзья «Д» и «Л». (*Примеч. автора.*)

— У нас тоже полнейшая темнота. Ничего интересного, разве что Винтер внезапно собралась поехать на неделю в Пицунду...

— Очередной отпуск?

— Нет. За свой счет.

— Это у них в институте практикуется?

— Выясним.

— Можно сразу?

— Если разрешите позвонить к Проскурину.

— Мне можно? — улыбнулся Петр Георгиевич. — Или он выполняет приказы лишь непосредственного руководителя?

Через десять минут Проскурин сообщил, что старшим научным сотрудникам часто дают отпуска за свой счет в том институте, где работает Винтер. Сообщил он также, что Шаргин вылетел сегодня в Одессу, но не на отдых, а по командировке объединения, чтобы на месте проверить, как идет загрузка судов, уходящих в Нагонию.

— Ну что ж, — сказал Федоров. — Давайте подводить итоги. Первое: Парамонов отпал, он — чист.

— Я бы назвал его номером «два», Петр Георгиевич. Номером «один» я все же обозначил бы Ивана Белого, этого самого Айвена Белью. Новороссийское управление опросило моряков — в декабре на Луисбург ходили чаще всего из Новороссийска, — пояснил Константинов, — двое из опрошенных были в «макдоналдсе» в декабре и помнят Белью — он пел им «Рушничок» и «Полюшко-поле». Он спрашивал, можно ли подплыть к их пароходу и влезть по шторм-трапу, а там, говорил, «все трын-трава, пусть судят и сажают»...

— Сколько ему было лет во время войны?

— Восемнадцать. Ушел с немцами. Славин сообщает — «крещеный».

— Значит, агент работает в Москве — все наши надежды на провокацию, на передачи в пустоту отметаются окончательно?

— Увы.

— Шаргин или Винтер?

— Все остальные как-то не укладываются в с х е м у подозрения.

— А сколько о с т а л ь н ы х?

— Все, кто связан с узлом Нагонии. Шесть человек.

— И вы хотите просить санкцию на их проверку?

— У меня нет оснований просить такого рода санкцию. Вы первый меня не поймете.

— Какое прекрасное змейство заложено в формулировке — «нас не поймут», а?

— Тем не менее, я просил бы вас санкционировать работу по Винтер и Шаргину. По поводу Зотова наш Славин должен сегодня прислать телеграмму, я буду ждать, думаю, к полуночи подойдет.

— Ждите дома.

— Я совмещу ожидание с работой, Петр Георгиевич. Мне подобрали кое-какие материалы по скандалу с Глэббом — это, мне сдается, тот кончик, который можно ухватить, а потом за него дернуть.

— Хорошо. До часу я спать не буду, звоните, если что важное.

— К Шаргину вылетит Гмыря, пусть он его поглядит на месте. А я, пожалуй, послезавтра — если согласитесь — вылечу в Пицунду, к Винтер.

— В Пицунду, говорите? — Петр Георгиевич нахмурился, мгновение сидел в неподвижности, потом взял одну из папок, аккуратно уложенных на столе, просмотрел бумаги, достал одну из них, протянул Константинову: — Хорошо, что вспомнил.

В документе сообщалось, что пресс-атташе американского посольства Лунс, установленный контрразведкой работник ЦРУ, вылетает в Пицунду — в тот же день и тем же рейсом, что и Ольга Винтер.

— Ну что ж, — сказал Константинов, возвращая документ, — по-моему, теперь все ясно. Гмыря мог бы меня поблагодарить за хороший вояж в Одессу, покупался б и загорел, делать там ему нечего.

— Нет, не согласен.

— Думаете, стоит поглядеть?

— Конечно. И с пресс-атташе пошлите кого-нибудь. Но отчего Лунс и Винтер в одном самолете? Не берегут агента — если она их агент? Или совпадение?

Билет на имя Ольги Винтер был действительно куплен на тот же рейс, которым летел Лунс. Однако в самолете ее не было, билет никто не сдавал, и в Пицунде она не появилась — ни на следующий день, ни позже. А дома телефон ее не отвечал, несмотря на то что звонили к ней через каждые два часа.

Константинов спросил Проскурина:

— На работу к ней ездили?

— Мы не хотели тревожить лишними вопросами.

Она ведь общительна, со всеми поддерживает хорошие отношения, может до нее дойти, что интересуются...

— А у отца?

— Там ее нет. — Проскурин хмыкнул. — Сотрудники сказали, что «физического наличия не зафиксировано».

— У нее в доме посмотрели, поспрашивали?

— Никто ничего не знает, квартира заперта.

— Словом, Винтер вы потеряли?

— Да. Можно сказать и так.

— А как скажете иначе?

— В общем-то, иначе не скажешь.

— Сориентируйте ваших людей на самый тщательный поиск Винтер. Вы правы — тревожить излишним интересом ее не стоит; а вот найти — следует непременно и очень быстро. Давайте пройдемся по всем ее связям; вы говорили, что в «сумме признаков» Винтер особо выделяется ее общительность... Кому из ее наиболее близких знакомых, старых знакомых, можно верить?

— В каком смысле?

— Хорошо спросили, — удовлетворенно заметил Константинов. — Верить мы обязаны всем. Я имел в виду одно лишь: кто никому не скажет и слова о беседе с нами?

— Доктор Раиса Исмаиловна Низяметова, это ее самая близкая приятельница, но у нее нет телефона и на работу она не выходит, бюллетенит, мы уже справлялись.

— Пусть с ней поговорят ваши люди. Аккуратно и очень тактично.

ПОИСК-II

...Почерк у Константинова был четкий и быстрый. Он, однако, предпочитал — особенно в последние годы — не писать, а сразу же печатать на портативной машинке, ибо слово напечатанное резко отличается от слова написанного. Более того, когда Константинов подготовил свою диссертацию к изданию (тема была открытой — «Политические маневры гитлеровской Германии накануне мятежа Франко»), он, к вящему своему удивлению, заметил, что страница, напечатанная на машинке, невероятно отличается от набранной в типографии — словно бы два совершенно разных текста. Он тогда подумал, что мера ответственности человека за мысль, а высшее выявление мысли это строка, набранная в типографии, — в значительной степени зависит от того, на какой бумаге и каким шрифтом набрано: куда

ни крути, форма — это уже содержание. Он тогда вспомнил друга своего отца; шрифт и бумага — если были хороши — вызывали у того восторг, казавшийся поначалу Константинову несколько даже наигранным; потом лишь, с годами, он понял, что старик обладал, видимо, особо развитым чувством прекрасного.

...Константинов попросил секретаря ни с кем его не соединять и никого не пускать в кабинет, если, конечно, не будет чего-либо экстренного у Панова из отдела дешифровки, у Трухина (тот искал Винтер) и если принесут телеграмму от Славина (вчерашняя ничего развернутого не дала, он сообщал, что приступает к выяснению версии «Зотов», и повторно просил как можно скорее прислать материалы на Глэбба).

Работая со Славиным десять лет, Константинов понимал, что тот торопит неспроста. На его месте он, Константинов, поступил бы так же: после того как Глэбб убрал единственного свидетеля и никто теперь агента ЦРУ в Москве опознать не может, следует предпринять главный удар — понудить самого Глэбба открыть имя предателя. Такого рода вероятие стало варьироваться после того лишь, как Славин уцепился за фразу Пола Дика по поводу «гонконгской мафии» и как Глэбб — неестественно оживленно — постарался эту фразу засыпать десятком своих.

Константинов работал допоздна; пять папок с документами и разрозненными газетными вырезками он просмотрел особенно тщательно, вынимая из текста фамилии, клички, даты.

Картина представилась ему следующая:

«В Гонконгском авиапорту 12 декабря 1966 года офицер таможенной службы Бэнш потребовал провести повторный осмотр багажа м-ра Лао, чиновника банковской корпорации «Лим лимитед», и мисс Кармен Фернандес, следовавших рейсом на Сан-Франциско.

Провожавший м-ра Лао и мисс Фернандес вице-президент филиала ЮСИА в Гонконге м-р Д. Г. Глэбб предложил офицеру таможни Бэншу отменить свой приказ, поскольку, как сказал Глэбб, «м-р Лао является его верным другом, человеком, которому в Штатах безгранично верят, а мисс Фернандес к тому же работник наблюдательного совета американской ювелирной фирмы «Кук и сыновья».

Бэнш ответил в том смысле, что он никак не ставит под сомнение веру м-ра Глэбба в м-ра Лао и мисс Фернандес, но не может отменить своего приказа, ибо это поставит его в неловкое положение перед подчиненными.

Далее Бэнш был приглашен Глэббом в служебную комнату, где вице-президент ЮСИА представился офицеру таможни как резидент ЦРУ. Впрочем, назавтра Бэнш отказался повторить это свое утверждение под присягой, хотя во время скандала, разыгравшегося пять минут спустя, он говорил об этом вслух и репортер «Кроникл» Дональд Ги записал все последующие события на диктофон: именно на основании этой записи он и опубликовал свой сенсационный материал.

Несмотря на сопротивление, чемодан был вскрыт; во втором дне был обнаружен героин, оцененный в три миллиона долларов, — невиданная по тем временам контрабанда.

Через десять минут после обыска в аэропорт прибыл адвокат м-ра Лао м-р До Цзыли, который заявил, что чемодан, вскрытый таможенными властями, не принадлежит м-ру Лао.

Один из трех секретарей м-ра Лао, двадцатисемилетний м-р Жуи признал, что чемодан является его собственностью. Каких-либо иных показаний он не дал и был тут же арестован.

Когда м-ра Жуи повели в наручниках к полицейскому автомобилю, корреспондент «Кроникл» м-р Дональд Ги слышал, как второй секретарь м-ра Лао сказал арестованному: «Завтра вы будете освобождены под залог, если поведете себя так, как должно».

Однако по дороге в тюрьму полицейская машина была изрешечена пулями и м-р Жуи был доставлен в тюремный госпиталь мертвым.

После опубликования статьи в «Кроникл» и «Истерн ревю» репортер Дональд Ги был обвинен в диффамации и клевете, ибо, согласно официальному заявлению американского консула, м-р Глэбб во время скандала находился на открытии выставки иракской керамики. М-р Бэнш отказался подтвердить присутствие м-ра Глэбба во время скандала.

Тогда м-р Ги передал суду пленку с записью голосов, среди которых — по заключению экспертизы — был четко слышен голос Глэбба. Более того, Дональд Ги предоставил три фотографии женщин, разыскиваемых «Интерполом» по обвинению в принадлежности к «героиновому бизнесу», — одна из них была как две капли воды похожа на мисс Кармен Фернандес; впрочем, по спискам «Интерпола» она проходила под именами: Мария, Росита Лопес, Пилар и Кармен Гарсия.

После этого м-р Глэбб исчез из Гонконга, не представ в качестве истца в суде первой инстанции; исчезла и мисс Фернандес.

Дональд Ги был отозван из Гонконга и отправлен в Таиланд. Там на него было совершено нападение террористов. После семимесячного лечения в госпитале он вернулся в Нью-Йорк, но газета отказалась восстановить с ним контракт. Дональд Ги обвинил ЦРУ в том, что нападение на него было инспирировано их людьми. Суд присяжных не принял к слушанию дело м-ра Ги, поскольку он не смог подтвердить свое обвинение документами.

М-р Ги заявил, что он вложит все свои деньги в расследование, которое будет проводить сам, и соберет необходимые улики.

Последнее упоминание о «деле Дональда Ги» относится к январю 1970 года.

В 1976 году некий Дональд Ги начал передавать корреспонденции из Нагонии для крайне правой «Стар».

«Центр.

Благодарю за информацию о Глэббе, Фернандес и Ги. Можно ли ознакомить с этими фактами Дмитрия Степанова, писателя и журналиста? Он занимался Гонконгом, наркотиками, людьми ЦРУ и Мао, завязанными в этом бизнесе.

Славин».

— Думаю, вам надо срочно, на пару дней, не более, вылететь в Нагонию, — сказал Федоров, выслушав ранним утром доклад Константинова. — Однако я несколько переакцентирую вашу задачу: во-первых, следует поближе, самому, досконально исследовать вопрос о возможности ремонтажа площадок для баллистических ракет, нацеленных на нас, — я имею в виду те, которые там имели американцы, когда правили колонизаторы. А уж во-вторых, поговорите со Степановым — надобно до конца понять Глэбба, включая, понятно, «гонконгский узел».

...В Нагонию Константинов вылетел ночным рейсом; прилетел он туда ранним утром; со Степановым увидался днем. Обратный билет был взят на девять вечера. Константинов изложил Степанову суть проблемы сжато, рублено; закончил он так:

— Глэбб. Лао. Узел Гонконга. Наркотики, ЦРУ, китайская секретная служба. Вы могли бы помочь нам разобраться в этом?

— Лао — резидент Пекина в Гонконге?

— По-видимому.

— Это не ответ, Константин Иванович. Или «да», или «нет».

— А мы не знаем. Поэтому я и прилетел к вам, Дмитрий Юрьевич, с этим вопросом. Но сейчас нас более всего интересует Глэбб.

— В какой мере он опасен для интересов нашей страны здесь, в Нагонии?

— В значительной. Нам представляется возможным считать, что он — звено в цепи, связывающей ЦРУ с их агентом в Москве.

— Шпион в Москве? Русский?

— Мы не знаем. Пока — во всяком случае — не знаем.

— Тема предательства меня интересует, — сказал Степанов. — Что это такое, кстати, по-вашему?

— Аномалия, — убежденно ответил Константинов. — Более того, мне сдается, что предательство — вообще категория патологическая, несвойственная нормальному человеку.

— Не облегчаете объяснение проблемы, Константин Иванович?

— Наоборот. Усложняю, Дмитрий Юрьевич. Но я высказываю свою точку зрения, стоит ли подлаживаться под иные?

— Только я не очень-то умею снимать скрытой камерой и бегать по крышам, — улыбнулся Степанов.

— У вас любительское представление о работе контрразведки, — Константинов тоже улыбнулся. — Государственная безопасность занимается вопросами государственными, а коли так — то главный инструмент наш — голова, а никак не акробатические способности...

— Чем и как я могу помочь?

— Дело это может оказаться рискованным, Дмитрий Юрьевич, а мы к вам, простите, по-хозяйски относимся — ваши книги и фильмы нужны стране. Поэтому будьте осторожны, ладно? А суть в том, что здесь в Нагонии работает американский журналист Дональд Ги...

ТЕМП

«Центральное разведывательное управление.
Строго секретно.

Операция «Факел» вступила в последнюю стадию. Вся подготовка закончена. Необходимо увязать с Пентагоном проблему поставки вертолетов для группы Огано в самое ближайшее время.

Стадии плана:

В день «Х» (суббота или воскресенье, что весьма затрудняет обращение в ООН) три роты десантников из группы Огано, одетые в форму народной милиции Нагонии, высаживаются с вертолетов в пригороде Савейро, где к тому времени их будут ожидать двадцать бронетранспортеров и пятнадцать легких танков, передислоцированных из джунглей (пункт «В» уже оборудован для хранения топлива).

Танки и бронетранспортеры с десантниками занимают президентский дворец и, в случае отказа Грисо от добровольной передачи власти демократическому большинству, предпринимают действия, обусловленные боевой ситуацией.

Захват дворца должен закончиться в 8.30, за тридцать минут до того момента, когда начинает работать ТВ Нагонии.

В 9.00 группа парашютистов выбрасывается в телерадиоцентр и пленка с подготовленным обращением к нации генерала Огано выходит в эфир и на экран.

Текст обращения Огано прилагаю.

Резидент ЦРУ *Роберт Лоренс*»,

«Строго секретно.

Текст обращения генерала Огано к народу Нагонии, подготовленный заместителем резидента Глэббом.

«Дорогие соотечественники! Братья и сестры! Дети и старцы!

В эти минуты я обращаюсь к вам со словами уважения, гордости и любви!

Я поздравляю вас с освобождением из-под иностранного ига, я горжусь тем, что вы нашли в себе силы порвать цепи и сказать «нет» новому рабству, навязанному вам кликой продажного авантюриста Джорджа Грисо, которого растерзали толпы возмущенных граждан в его дворце, утопающем в роскоши.

Введенное в стране осадное положение будет снято сразу же, как только мы покончим с экономическим хаосом, разрухой и террором. Мы заявляем со всей страстной революционной решимостью: нация будет уничтожать тех, кто выступает против свободы и независимости, кто пытается сопротивляться воле большинства.

Я принимаю на себя ответственность за расстрел на

месте без суда всех тех, кто поднимет руку на святое дело национальной свободы.

Я заявляю — от имени Чрезвычайной Ассамблеи нации, созданной нынешней ночью и взявшей на себя функции низложенного правительства изменников, — что все договоры, заключенные кликой Грисо, считаются с этой минуты расторгнутыми.

Я обращаюсь — от имени Чрезвычайной Ассамблеи нации — за немедленной военной и экономической помощью ко всем тем, кому дороги идеи мира, независимости и свободы.

Благодарю за внимание».

«Резиденту ЦРУ Роберту Лоренсу.

Директор, ознакомившись с материалами, подготовленными в отделе стратегического планирования, высказал ряд критических замечаний, которые должны быть учтены вами при подготовке окончательного плана, представляемого для утверждения высшими руководителями.

Директор полагает, что все необходимые коррективы должны быть внесены в течение ближайших трех-четырех дней, — ибо — вполне вероятно — дата начала операции «Факел» может быть перенесена: возможно, второе воскресенье этого месяца.

Замечания директора должны быть уничтожены сразу же по прочтении.

Заместитель директора ЦРУ *Майкл Вэлш*».

«Резидентуре — Роберту Лоренсу, Джону Глэббу (копия, Министерство обороны, Пентагон).

Совершенно секретно, по прочтении уничтожить.

Передаем информацию из Москвы от «Умного», полученную через последнюю тайниковую операцию в объекте «Парк».

«На июнь-июль месяц планируется отправка шести судов, приписанных к порту Одесса. Суда выходят из Мурманска с интервалом в сутки, по четыре в каждом караване, начиная с пятницы. Военное прикрытие судов не предусматривается».

Заместитель директора ЦРУ *Майкл Вэлш*».

КОНСТАНТИНОВ

На аэродроме, возле трапа самолета, прибывшего из Нагонии, Константинова встречал полковник Коновалов.

— Мы нашли за эти сутки Винтер, Константин Иванович, — сказал он. — Только мертвую. Ее хоронят сегодня.

Константинов не сразу понял:

— Кого хоронят? Винтер? Что такое?

...Через полчаса в кабинете его уже ждали.

— Воспаление легких, — докладывал Проскурин. — Покашливала последнее время, но все равно ездила на корт. Температурила, принимала много аспирина, хотела переломать недуг, думала, пустяки. Свалилась у Дубова. Оттуда ее и отвезли в больницу.

— Кто такой Дубов?

— Ее приятель, кандидат наук...

— Что вы о нем знаете?

— Мы им еще не занимались...

— Вот так штука, а?! Цветущая женщина, тридцать лет... А почему вчера на работе ничего не знали?

— Дубов вечером позвонил, сегодня поминки, он всех ее друзей собирает...

— Сможете отправить туда кого-нибудь?

— Зачем?

— Вас не удивляет ее смерть?

— Нет. Сейчас бушует какая-то легочная эпидемия, капитан Стрельцов справлялся в институте усовершенствования врачей...

Вечером Проскурин доложил, что на поминках был его сотрудник; когда-то учился вместе с Глебом Грачевым, приятелем Винтер, подход, таким образом, был найден, Грачев сам пригласил его, позвонив предварительно Дубову.

Тот ответил, что приходить могут все те, кто «хочет помянуть Олечку, дверь квартиры открыта для всех».

— Ну и что там было? — спросил Константинов.

— Отец еле жив, побыл минут тридцать, а потом Дубов вызвал «неотложку», увезли старика — единственная дочь... Говорили о ней все очень хорошо, сердечно говорили... Дубов плакал: «Теперь я вправе сказать открыто, что хороню самого дорогого мне человека, нет никого дороже и не будет». Кольцо обручальное ей надел на палец — на кладбище уже...

— Зотову телеграмму дали?

— Насколько мне известно — нет.

— Почему?

— Фактически-то они ведь разведены...

— Когда она заболела?

— Сосед Дубова рассказал, что с вечера она свалилась, Дубов ей горчичники ставил, делал горчичную ванну — ноги парил; растерялся, старик говорит, но делал все, что мог. А утром вызвали «скорую помощь», но уж поздно было, ничего не могли сделать...

— Ничего не понимаю, — повторил Константинов. — Ровным счетом ничего. Соседа, Дубова — всех поглядите, пожалуйста.

Панов доложил, что последние дни — то есть после смерти Винтер — радиограммы из разведцентра ЦРУ не поступали.

— Значит, она их принимала? — задумчиво спросил Константинов, поглядев на Проскурина.

— Больше некому.

— Ой ли? — Константинов покачал головой, достал сигару, начал медленно сдирать с нее целлофан. — Собирайте людей, обсудим положение.

...Однако наутро, в 7.15, как и раньше, афинский разведцентр ЦРУ отправил своему агенту в Москве короткую радиограмму[1].

— Так, значит, не Винтер? — спросил Константинов, пригласив к себе Проскурина и Панова.

— А может, они еще и не знают, что она умерла, — возразил Проскурин.

— Может быть... А чем Винтер занималась последние дни? С кем встречалась? О чем говорила?

— Раиса Ниязметова говорит, что Винтер была у нее накануне смерти, обычная встреча подруг, ничего существенного, ля-ля, да и только.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил Константинов Панова. — Я — ничего, ровным счетом. Знаете что, — он обернулся к Проскурину, — давайте-ка я съезжу к Ниязметовой, с Винтер я был знаком, разговор может оказаться более предметным. Предупредите ее, пожалуйста, о моем визите — чем скорее, тем лучше...

Однако поездку к Ниязметовой пришлось отложить: генерал-лейтенант Федоров внезапно вызвал к себе Константинова, Проскурина и Коновалова. Лицо его было бледным, до синевы бледным. Он сидел за столом, вытянув перед

---

[1] Текст нерасшифрованной телеграммы ЦРУ гласил: «Сегодня мы прочитали ваш контрольный сигнал. Встреча состоится в условленном месте в обычное время. Ваши друзья «Д» и «Л». (*Примеч. автора.*)

собою руки с зажатыми в них разноцветными карандашами, и было видно, что пальцы его сейчас ледяные, ногти даже посинели.

— Ни для кого из вас не будет открытием, — сказал он, — если я позволю себе повторить, что разведка не будет вести в течение года радиомонолог. Существует обратная связь, о которой мы не имеем ни малейшего представления. Существует диалог, оживленность которого, как мы имели возможность убедиться, зависит от напряженности, усиливающейся ныне на африканском континенте, конкретно — в Нагонии. Вывод очевиден: источник — лицо хорошо осведомленное, он информирует хозяев по широкому кругу вопросов. Следовательно, каждый состоявшийся диалог — это нанесенный нам ущерб. Установить его — невозможно. Мы установим его — но чем позже, тем большую цену заплатим за его возмещение. Вот так. Теперь ознакомьтесь со спецсообщением, которое мне только что передали у руководства...

Федоров открыл красную папку, откашлялся и медленно, чуть не по слогам, зачитал:

— «Сегодня в пять часов утра при переходе к берегам Луисбурга взорвалось транспортное судно «Глеб Успенский», приписанное к порту Одесса, с грузом для Нагонии. Судно вышло из Мурманска, имея на борту сельскохозяйственную технику, грузовики и лекарства. Погибло три члена экипажа».

Федоров медленно оглядел чекистов, снова начал сжимать пальцы, словно грея их:

— Мне сдается, что эта акция — самодеятельность ЦРУ. Правительство не могло санкционировать такого рода бесстыдство, — в конце концов, они понимают — ситуация такова, что скрыть это не удастся.

Федоров помолчал и очень тихо, сдерживаясь, заключил:

— Мне сдается также, что после сообщения о гибели корабля Феликс Эдмундович подал бы в отставку! Ясно?! Ибо мы в этом виноваты. Мы! Славин мудрит в Луисбурге, вы тут планы чертите, а шпион губит людей, технику! Не можете найти — так и скажите, поставим других!

— Славин достойно выполняет свой долг. Я же готов подать в отставку немедленно, — тихо сказал Константинов. Федоров убрал со стола руки:

— Что касается отставки: сначала сделайте то, что вам надлежит сделать, генерал. Это все. Вы свободны.

На коктейле в советском посольстве Глэбб отвел Зотова в сторону, передал ему маленькую книгу в растрепанном переплете, пояснив:

— Это было, оказывается, чертовски трудно найти. Пришлось запрашивать Вашингтон, помогло русское издательство Камкина.

— Спасибо. На сколько времени даете?

— Навсегда.

— Полно вам. Неделя — годится?

— Вполне. Хотите переснять на ксероксе?

— У нас поганый ксерокс, я, видимо, сделаю фотокопию.

Книголюб — Зотов не удержался, глянул год издания книги об африканском фольклоре: 1897.

— Спасибо, Джон, — повторил он, — я вам обязан, право.

— Это я вам обязан, Эндрю.

— Мне? Чем?

— Дружбой.

— Дружба исключает понятие «обязан», Джон, так мы, во всяком случае, полагаем, мы, русские. «Обязан» — приложимо к бизнесу.

— Кстати, о бизнесе. Вы бы не могли помочь мне?

— В чем?

— Я бы хотел увидеть вашего торгового представителя.

— Я это устрою. Тема?

— Нагония.

— Какое вы имеете отношение к Нагонии?

— Такое же, как и вы, — я думаю о будущем этой страны. Мое правительство выражает озабоченность по поводу поставок вашей техники. А знаю я об этом потому, что моя фирма работает, в частности, над тем, как выводить вашу технику из строя.

— Вы напрасно затеваете все это, Джон. Неужели хотите получить второй Вьетнам?

— Мы — нет. Вы хотите этого, Эндрю. Не думайте, что я поддерживаю мое правительство — там не очень-то много умных голов, но кое-кто имеет извилины: мы не полезем в Нагонию, а вот вы там завязнете. Вы же заключили договор с Грисо, вы обязались помогать ему, значит, в случае чего вы окажете военную помощь?

— Я бы оказал.

— «Я бы». Вы — не правительство. Ваши люди поддержали бы это?

— Бесспорно.

— Что ж, это ответ мужчины... Когда вы переговорите со своим шефом?

— Звоните завтра, часа в три, о кэй?

— Договорились. Передавайте мой привет вашей очаровательной жене, Эндрю.

— Спасибо.

— Когда вы ее ждете обратно?

— Как только она закончит свои дела в Москве.

Они обменялись рукопожатием и разошлись: как всякий коктейль, этот, устроенный в честь прибытия в Луисбург советского оркестра, был формой дипломатической работы: оговаривались встречи, трогались проблемы, представляющие интерес, не всегда, впрочем, взаимный, проходил обмен точно выверенной и столь же точно дозированной информацией.

От Зотова, обменявшись несколькими любезными фразами с советником по культуре, засвидетельствовав свой восторг дирижеру оркестра, Глэбб подошел к Славину, обнял его дружески, пошутил:

— Когда гора не идет к Магомету, тогда Будда собирает конференцию неприсоединившихся! Здравствуйте, дорогой Вит, где вы пропадаете?!

— Это вы пропадаете, а я пытаюсь работать.

— Ах, эта дьявольская работа!

— Уж не такая она дьявольская.

— Я имею в виду нагрузки, а не цели, Вит.

— И я то же самое, только нагрузки вовсе не дьявольские. Другое дело, нагрузки, которые приходится испытывать моему «фиатику» — пока-то оторвешься от любопытных глаз. Здесь очень любопытные люди, нет?

— Следят неотрывно? — вздохнул Глэбб. — Ничего не поделаешь, привыкайте. Они следят за мной даже в туалете. Пилар нас ждет сегодня на спагетти. Любите спагетти?

— Люблю, если много. Одна умная французская актриса точно определила разницу между московским столом и западным: «У вас, говорит, в Москве витрины — просто срам, ничего интересного нет, а придешь к любому в гости — и балык тебе, и ветчина, и икра, а у нас витрины ломятся, а зайдешь в гости — печенье предложат и чашку чая». Ничего, а?

Глэбб рассмеялся:

— Ничего. Зло, но справедливо. Спагетти будет не только с сыром, я скажу Пилар, чтобы она разорилась и на

мясо... Сами приедете или мне украсть вас из-под опеки здешних пинкертонов?

— Украдите. Это будет очень любезно с вашей стороны.

— Хорошо, сначала я заберу вашего человека, а потом поднимусь к вам.

— Мой человек о с т а л а с ь в Москве, Джон.

— Я говорил о Поле.

— Ах, он уже мой человек? Поздравьте меня — иметь Пола Дика своим человеком весьма почетно.

— Он измучил меня разговорами о несчастном русском...

— Каком русском?

— О том, который чинил вам ракетку.

— Ах, Белью. Он действительно русский?

— Да. И звали его точно так, как Пол зовет вас, — Иван, Айвен.

— Сообщения о его гибели уже появились в газетах?

— Пока, видимо, не появятся. Мои друзья из здешнего ФБР полагают, что еще рано печатать сообщение, мало данных, они убеждены, что дело слишком интересно, чтобы сразу комментировать.

— Если узнаете что-нибудь новое — скажете?

— Собираетесь написать о судьбе несчастного перемещенца?

— Если интересная судьба, отчего не написать? Конечно, напишу.

— Кстати, читали заявление мистера Огано?

— Он делает слишком много заявлений, какое именно?

— Сегодняшнее. К нему пробились наши ребята, он ведь наших гоняет, империалистическая пресса и все такое прочее...

Славин усмехнулся:

— Он, между прочим, в пинг-понг не играет?

Глэбб не сразу понял, чуть подался — по обыкновению — к собеседнику:

— Пинг-понг? Почему? Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду дипломатию, — ответил Славин. — Помните такую?

— Ах, это игры доктора Киссинджера?! С вами трудно говорить, вы слишком компетентны для журналиста, Вит.

— Некомпетентный журналист — это бессмыслица. Так что же заявил мистер Огано?

— Он сказал, что ни ваши советники, ни поставки Нагонии не спасут Грисо от краха. Он сказал, что это вопрос ближайших трех-четырех месяцев.

— Он, по-моему, и раньше говорил это.

— Говорил. Только ни разу не называл дату.

«Значит, у них определен точный срок, — понял Славин. — Он не зря мне отдал эти три-четыре месяца. Они начнут значительно раньше».

Вернувшись домой, Глэбб сразу же прошел в свой кабинет, опустил жалюзи, включил музыку, достал из кармана маленький диктофон — микрофон вмонтирован в часы, очень удобно, подключил его к специальной аппаратуре и начал прослушивать запись. Фразы Зотова «у нас поганый ксерокс, я, видимо, сделаю фотокопию», «спасибо, Джон, я вам обязан, право», «я это устрою», «я бы оказал», «бесспорно», «звоните завтра, часа в три, о'кэй?» он переписал на пленку повышенной чувствительности и спрятал ее в сейф.

Потом, переодевшись, заехал к Пилар, передал ей второй микродиктофон и сказал:

— Гвапенья, тебе надо будет поцеловать Зотова, сказать ему «милый» и так повести беседу, чтобы он сказал тебе следующие слова: «устал», «больше не могу», «пусть все идет к черту». У тебя есть три часа, чтобы поработать над сценарием. Успеешь? Продумай все хорошенько, потому что в диктофоне сорок минут звучания пленки, ясно? И пусть Элиса сварит побольше мяса к спагетти — этот Славин умеет требовать то, чего ему хочется. Побалуем его пока что, ладно?

ПОИСК-IV

Гмыря, поговорив с Константиновым по телефону из Одесского управления, зашел в кассу Аэрофлота и взял билет на вечерний рейс.

«С паршивой овцы хоть шерсти клок, — подумал он, вынимая из портфеля плавки. — Прилететь в Одессу и не выкупаться — глупо. Тем более что Шаргин, к счастью, отпал. Никаких забот — неожиданный «ваканс».

Ему очень нравилось это французское слово; свои поездки на охоту он называл только так; «ваканс» — и все тут. Впрочем, за все те годы, что Гмыря работал в контрразведке, а работал он здесь уже двадцать пять календарных лет из своих сорока семи, истинного «ваканса» не имел ни разу. Летний сезон не прельщал, трагедии с путевками были ему чужды. Одну неделю он брал на открытие утиной

охоты в конце августа, две недели — кабан, это ноябрь и, если разрешали весеннюю охоту, уезжал в Ахтыри на конец апреля — тогда именно подходит северный гусь.

Гмыря умел рассчитывать время, охота приучила его к абсолютной «временной точности»; поэтому, закончив разговор с Москвой, он зашел в буфет: плавленый сырок, чашка кофе, молочный коктейль, потом на автобусную станцию, оттуда рейсы идут на пляж, выяснить, как добраться с пляжа на аэродром («зачем лишний раз просить ребят из управления, будешь чувствовать себя связанным, да здравствует свобода»), сдать портфель в камеру хранения, наплаваться вдоволь и вернуться в Москву загоревшим.

Гмыря зашел в бар и здесь столкнулся с Шаргиным; тот рассеянно пропустил его первым, следующим вошел Ван Зэгер из «Трэйд корпорэйшн», а уж заключил он, Леопольд Никифорович.

В баре было пусто, посетители отеля разъехались по делам, отдыхающие жарились на пляже; Шаргин сел с Ван Зэгером возле окна, рядом с пальмой, которая, словно бы в отместку за то, что ее вывезли из Африки, росла только вверх — еще полметра, и упрется в потолок.

«А почему здесь Ван Зэгер? — подумал Гмыря. — Шаргин ведь вылетел один?»

Между тем за столиком беседовали тихо, по-английски.

— Это не по-джентльменски, — говорил Шарин, — вы меня подведете под монастырь, Шарль...

— Что значит «подвести под церковь»? — не понял тот; Шаргин говорил до того правильно, так точно соблюдал грамматические правила, что понять его академический английский было, действительно, довольно трудно.

— Это значит, что я впредь не смогу вам помогать так, как делал это раньше.

— Очень плохо, Лео. Это будет плохо и для вас и для нас.

— Тогда выполняйте свои обещания.

— Вы думаете, это зависит только от одного меня?

— Но вы здесь представляете интересы конторы, разве нет?

— Я пытаюсь это делать, Лео, но разве все от меня зависит? Я не всемогущ, как это кажется с первого взгляда. Престижность — это обман, и чем хуже дела наверху, тем роскошнее машины мне сюда присылают, тем больше дают денег, чтобы я день и ночь поил контрагентов у меня в офисе.

— Это ваше дело, скольких людей вы поите, но я рассчитываю на минимальную сообразительность ваших шефов.

Если они брякнут свое заявление, со мной все будет кончено, понимаете? Я знаю,что говорю, Шарль.

Шаргин обернулся, достал деньги, подошел к буфетчице, расплатился.

Ван Зэгер, однако, не поднимался.

— Пошли, — сказал Шаргин, — пойдемте, надо что-то делать.

Гмыря, взяв такси, поехал в Управление КГБ, снова позвонил Константинову и, передав чуть не дословно странный диалог, свидетелем которого он оказался, попросил санкцию на действие.

«Центр.

Всю ночь Шаргин и Ван Зэгер не выходили из номера Шаргина, составляя некую «докладную записку». Трижды заказывали Лондон, Марсель и Гаагу, разговор не состоялся в связи с загруженностью линии.

Гмыря».

«Гмыре.

Возвращайтесь в Москву. С Шаргиным все в порядке.

Центр».

(Докладная записка, которую Шаргин готовил, запершись в своем номере в Одессе, свидетельствовала о том, что Ван Зэгер, получив предварительное согласие на продажу нефтесырья — неофициальное, чисто дружеское согласие, — послал телекс директорату фирмы, а те сделали об этом сообщение в прессе, назвав цену, которая никак не устраивала советское торговое объединение, а отвечал за эту цену не кто иной, как Шаргин. Однако сообщить Ван Зэгеру предварительное согласие ему поручил заместитель председателя объединения — так что во время разговора в баре, свидетелем которого стал Гмыря, Шаргин был расстроен не чем-нибудь, а хваткой необязательностью своего партнера по торговле).

КОНСТАНТИНОВ

— Раиса Исмаиловна, — сказал Константинов, проходя в маленькую, убранную коврами квартиру, — у меня к вам просьба.

— Пожалуйста, — легко согласилась Ниязметова, — только я не знаю, кто вы. Мне позвонили, сказали, что приедет генерал, а зачем — не объяснили.

— Я могу надеяться, что наш разговор останется в тайне? Ото всех — даже от родных, от самых близких друзей?

— Вы верите честному слову? — женщина вздохнула, и взгляд ее невольно скользнул по фотографии на стене: она и мужчина, бывший муж; разошлись три года назад; увлекся другой, да и держать было нечем — после операции по поводу внематочной беременности Ниязметова не могла иметь детей.

— Я очень верю честному слову, — ответил Константинов. — Не знаю, известна ли вам одна история... Когда умер Кропоткин, вдова написала письмо Ленину: все анархисты сидели в тюрьме, некому было проводить в последний путь князя-бунтаря. Вдова просила отпустить анархистов на похороны. Ленин вызвал Дзержинского. Тот поехал — после разговора с Ильичем — в Бутырку, попросил выстроить всех арестованных анархистов, подходил к каждому и брал честное слово, что после похорон Кропоткина он вернется в тюрьму. И вернулись все. До единого. Вот так. Поскольку я из КГБ, так сказать правопреемника ЧК, то, понятное дело, честному слову приучен верить.

— Неужели вернулись все? — тихо спросила женщина. — Замечательно. Почему об этом не пишут в книгах?

— Пишут. Я прочитал в книге, — ответил Константинов.

— Даю честное слово, — сказала Ниязметова. — Тем более мой дядя, Шарип Шакирович, работал в ЧК, его расстреляли в Моабите вместе с Мусой.

— Я знаю. Так вот, Раиса Исмаиловна, меня интересует все, связанное с Ольгой Винтер.

— С Олей?! — поразилась Ниязметова; в глазах у нее сразу же появились слезы. — А в чем дело? Какое горе, боже ты мой, какое горе!.. Почему вас интересует — особенно теперь — Оленька?

— Когда она была у вас последний раз?

— Не помню... Дней пять назад. Или четыре. А что?

— Она была одна?

— Нет. С Сережей.

— С каким Сережей?

— То есть как — с каким? С Дубовым. Они пришли ко мне часа в два, с шампанским: Сережа где-то достал «брют», Абрау Дюрсо, самое сухое. Посидели, поболтали, потом ушли...

— Как себя чувствовала Ольга?

— Хорошо. В этом-то и ужас! Если бы болела... Ко мне, кстати, приходил молодой человек, тоже про Олю расспрашивал.

— Припомните, пожалуйста,что было в тот вечер?

— Ничего не было.

— Сколько времени они провели у вас?

— Час, не больше.

— Вы говорили о чем-нибудь?

— Конечно.

— Но вы не помните о чем, да?

— Запоминаются слова в какой-то кризисной ситуации... Простите, вас как зовут?

— Я не представился? Меня зовут Константин Иванович.

— Так вот, Константин Иванович, согласитесь, что трудно говорить кому-то третьему о разговоре с друзьями, о спокойном разговоре... Оля поставила кассету, она знает... — Ниязметова снова заплакала, — она знала все мои кассеты, потому что надарила тьму, каждый раз привозила из Луисбурга. Демиса Руссоса поставила, прекрасный певец, правда?

— Я не слыхал.

— Его сейчас очень любят: полная раскованность, искренний, ранимый какой-то, все отдает песне, как Виктор Хара... Так вот, Оля поставила Руссоса, села рядом с Сережей и спросила его, помнит ли он ту песню, а он ответил, что не помнит, а Оля сказала: «Дураш, это ж наша песня». Он удивился, посмотрел на нее, а она рассмеялась, она чудно смеялась, мертвый бы рассмеялся, и сказала: «Помнишь, эту песню все время играли в нашем люксе?» А он снова не понял: «В каком люксе?» А Оля развеселилась еще больше: «Да в «Хилтоне», в «Хилтоне»!» Он как-то слишком резко поднялся и опрокинул на нее бокалы с шампанским, а у нее чудное платье было, плиссированное, джерси, очень легкое, сейчас это модно. Он расстроился, взял ее за руку, отвел в ванную, а потом они вернулись тихие, какие-то странные... Я попросила Олю: «Расскажи про ваш номер», а она посмотрела на Сережу, улыбнулась через силу и ответила: «В другой раз». И замолчала, ни слова не сказала больше.

— Это все, что случилось за шестьдесят минут? — тихо спросил Константинов. — Не помните, кто из великих утверждал, что «талант — это подробность»?

— Кажется, Чехов.

— Нет, Чехов говорил иначе, он писал, что «краткость — сестра таланта». — Константинов вздохнул. —

Неплохо, если бы наши писатели взяли себе этот девиз... О «подробностях» писал Тургенев.

— Но он вполне мог примерить на себя чеховскую мысль — все его романы очень короткие.

— Верно, — согласился Константинов. (Он намеренно сломал темп разговора, чтобы дать женщине возможность успокоиться.) — И это понятно. Прочитайте Тургенева еще раз, я не говорю о романах, возьмите его письма: помните, как он подробно выписывал соловьиные трели? Это можно печатать как стихи в прозе, он нашел слова для передачи каждого колена соловьиной песни в каждом уезде Курской губернии — поразительно!

— Знаете, а ведь Ольга — утренний человек, — задумчиво сказала Ниязметова и снова поправилась: — Была... Была утренним человеком...

— Не понял.

— Это я мостик от соловьев перебросила, — пояснила Ниязметова. — Есть люди утренние, а есть вечерние. Утренние — всегда улыбаются, даже если плохо им, они как бы страшатся обидеть окружающих дурным настроением. А вечерние — настроение выставляют напоказ, как на витрину. Я не могу понять, отчего вы интересуетесь Олей, я же знаю, ЧК зря не интересуется человеком.

— Вот вы сказали, что Дубов резко поднялся, опрокинул стол... Еще раз вспомните, после каких слов Ольги это произошло?

— Она говорила «наш люкс», а он понять не мог, а когда она сказала про «Хилтон», он поднялся и перевернул... — Ниязметова вдруг замолчала, на лбу собрались мелкие морщинки, так бывает у людей, которые любят солнце и очень быстро загорают.

— Вы не знаете, Раиса Исмаиловна, — простите, пожалуйста, этот вопрос, — у них близость началась еще в Луисбурге?

— Вы хорошо сказали — «близость». Сейчас говорят: «они встречаются», очень вульгарно, правда? Я не спрашивала ее об этом, Константин Иванович... А она не говорила. Она — при всей своей открытости — очень скрытна, когда дело касается личного. Но мне кажется, что все у них началось там.

— Она собиралась замуж за Дубова?

— Трудно сказать. Не знаю. Помню только, однажды Оля призналась: «Сережа не любит детей». Она потом недели три избегала встреч с ним, жила у меня, я ведь бестелефонная, найти трудно, скрывайся на здоровье...

— А у кого еще она могла скрываться?

— У Гали Потапенко, это наша подружка... У... да нет, пожалуй, все.

— У Винтер аспиранты в институте были, Раиса Исмаиловна?

— Вы очень жестоко сказали: «У Винтер»... Она для меня была и останется Оленька... Что касается аспирантов, то ведь, по-моему, каждый, кто готовится к докторской, должен иметь учеников.

— Это я знаю...

— Что, кончали аспирантуру?

— Нет, у меня есть аспиранты. Я, с вашего позволения, доктор юриспруденции.

— Вот уж не подумала бы!

— Почему?

— Не знаю.

...Галина Ивановна Потапенко работала старшим экономистом «Росавтотехобслуживания». Телефон на ее столе звонил беспрерывно. Константинов несколько раз пытался начать разговор, но ничего путного из этого не получалось. Он ненароком глянул на часы: прошло уже пять минут, как он был здесь, а Потапенко продолжала обсуждать вопрос строительства базы в Бронницах, просят успеть к Олимпиаде, — сервис по всем дорогам Российской Федерации, десятки тысяч машин из-за рубежа, надо быть во всеоружии...

— Галина Ивановна, — шепнул Константинов, — у меня совершенно нет времени...

Женщина кивнула, зажала рукой мембрану:

— Сейчас выйдем в коридор, одну минуточку подождите...

Константинов решил не вызывать Потапенко в КГБ; во-первых, он считал, что разговор в его кабинете будет носить совершенно иной характер, женщина может растеряться, не зря ведь хороший доктор обычно наносит визит; больному и стены дома помогают, он хозяин, раскован; во-вторых, полагал Константинов, у него не было достаточных оснований для допроса, да и не его это дело, а следствия.

— Ну пошли покурим, — сказала Потапенко, положив трубку, — здесь жизни не будет.

В коридоре они устроились на диванчике, возле окна; Потапенко закурила советское «Мальборо», обхватила колено левой рукой (так обычно женщины устраиваются на

пляже, причем такие женщины, которые хорошо плавают), обернулась к Константинову:

— Рая мне звонила, Константин Иванович, она просила помочь, я готова; сразу же даю вам честное слово.

— Спасибо. Вы, следовательно, в курсе того, что меня интересует?

— Да. Странно все это...

— Что именно? Почему странно?

— Понимаете, Оля приехала ко мне, глазищи больные, какая-то выжатая, я ее не помню такой... Даже не знаю, ловко ли об этом говорить... Словом, она попросила меня оценить серьги. Бриллиант с изумрудом, очень красивые...

— Почему сама не пошла к ювелиру?

— Потому что месяц назад я сестре к свадьбе купила серьги и оценивать ездила к Григорию Марковичу, есть один старик, при царе еще работал.

— Можно ведь было спросить его адрес.

— Он не примет. Он же не работает, на пенсии, он только тех принимает, с кем знаком, они такие недоверчивые, эти старики ювелиры... Но что интересно, там, в коробочке, под сафьяном, лежала записка: «Сережки от Сережки». Значит, это Дубов ей подарил.

— Это когда было?

— После того как они от Раи уехали, часа через три. Оля оставила серьги, сказала, что перед вылетом заберет, и вот...

— Где эти серьги?

— У меня... Я собиралась съездить к ее папе... Но тяжко это, говорят, старик очень плох, еле дышит...

— Ольга вам ничего не объясняла?

— Что именно?

— Ну отчего выглядит плохо? Зачем понадобилось оценивать подарок друга?

— Какие-то вещи не объясняются, Константин Иванович, даже подругам.

— А мы, мужчины, друзьям, настоящим друзьям, рассказываем все.

— За это мы вас и любим. Так вот, Григорий Маркович оценил эти серьги. Они стоят пять или семь тысяч рублей. Причем он полагает, что они не нашего производства.

— А чьего?

— Ему кажется, это бельгийская работа; бриллиант, он считает, африканский, раньше ведь бельгийцы владели алмазными копями...

— Вы с Дубовым тоже дружны?

— Как вам сказать... Я, признаться, не очень ему симпатизирую; хоть и умен и, Оля говорила, талантлив, и не пьющий, а все равно не лежит у меня к нему сердце.

— Отчего?

— Не знаю. Не лежит, и все тут. Я и на поминки не пошла, знала, что будет представление, а я этого не выношу: свое в себе следует хранить...

— Куда Оля от вас поехала?

— Не знаю... Она куда-то звонила, спрашивала о проспектах, о справочниках... Не помню, кажется, она называла имя Лёва.

Проскурин выслушал Константинова, открыл папку, полистал страницы:

— Только один ее знакомый имеет имя Лев.

Константинов усмехнулся:

— Занятно вы сказали. Словно перевод с английского, И как фамилия этого Льва?

— Лукин. Лев Васильевич Лукин.

— Я попрошу вас увидаться с ним. Сейчас же. Договорились? И вот еще что... Вырисовывается Дубов, странно вырисовывается... Где он?

— Я начал его искать, Константин Иванович, но он как в воду канул.

— Тоже помер? — усмехнулся Константинов. — К вечеру найдите.

— Товарищ Лукин, моя фамилия Проскурин, я из КГБ. Здравствуйте.

Лукин пригласил Проскурина в квартиру: стеллажи в большой комнате были заставлены книгами, словарями, справочниками — Лукин работал в международном отделе Бюро технической информации.

— Не обращайте внимания на беспорядок, — сказал он, — это — беспорядок кажущийся. Я к вашим услугам, товарищ Проскурин.

— Спасибо. У меня к вам вопрос.

— Пожалуйста.

— Так вот, товарищ Лукин, я хочу узнать, о чем вас спрашивала Ольга Викторовна Винтер в последний раз?

— Оля попросила у меня проспект отелей «Хилтон». А в чем дело?

— Товарищ Лукин, вопросы буду задавать я.

— Пожалуйста.

— Что это за проспект?

— Описание отелей, ресторанов, баров, стоимость номеров, адреса, телефоны, телексы.

— Откуда вы привезли этот проспект?

— По-моему, из Италии. Или из Великобритании. Кажется, из Лондона, да, именно из Лондона.

— Вы не помните, там есть описание отеля «Хилтон» в Луисбурге?

— Конечно. Ольгу, по-моему, интересовал именно этот отель.

— Почему?

— Не знаю. Она посмотрела справочник, остановилась как раз на той странице, где был луисбургский «Хилтон», загнула еще, потом разгладила, она знает, как я отношусь к книгам...

— Где этот справочник?

— Оля его увезла с собой.

— Обещала вернуть?

— Да. Я на поминках видел этот справочник у Сергея в комнате.

— Она сразу же попросила этот справочник или предварительно беседовала с вами о чем-то?

— Нет. Она с порога сказала: «Лев, дай проспект по «Хилтону». Ну я и дал. А что случилось, товарищ Проскурин?

— Вы не заметили ничего странного в поведении Винтер?

— Кого? Ах, Оли? Нет. Выглядела только плохо, будто после бессонной ночи, а так ничего странного я не заметил...

С ювелиром Абрамовым работал Коновалов.

Коновалов задумчиво смотрел на блестящую лысину ювелира, который писал заключение, старательно выводя каждую букву:

«Я, Абрамов Игнатий Васильевич, будучи приглашен в качестве специалиста, по существу заданных мне вопросов должен заявить следующее: серьги бриллиантовые, в золоте, на платиновой основе представляют собою уникальное произведение ювелирного искусства; совершенно очевидно, что выработаны они не в СССР, ибо как золото, так и платина имеют явно выраженные примеси серебра, что карается у нас, так как это нарушение стандартных норм. Скорее всего, эти серьги произведены в Бельгии или Голландии;

нельзя также отрицать возможность того, что сделаны они на предприятии «Кук и сыновья» в Нью-Йорке, судя по коробочке, бархату и целлулоидному крепежу; допустимо также, что сережки сделаны во Франции, в дочерней фирме «Кук и сыновья», именующейся ныне «Тулуз Луар». Приблизительная стоимость сережек составляет пять — семь тысяч рублей. Можно предположить, что в свободно конвертируемой валюте означенные сережки стоят от двух до трех тысяч долларов».

— А почему именно «Кук и сыновья», Игнатий Васильевич? — перечитав заключение Абрамова еще раз, спросил полковник Коновалов. — Ошибки быть не может?

— Ювелиры ошибаются, как и саперы, всего лишь один раз в жизни. Камень слезится, высверк голубой, грани ручной шлифовки с небольшим машинным изнурением — кто же, как не Кук, сделает такое?! Это мы не бережем клиента и не думаем о преемственности симпатий, а им нельзя иначе, они живут рынком, а не собраниями политпросвета, пожалуйста, не сердитесь за мою дерзость, но я привык говорить то, что думаю, — особенно после решений исторического двадцатого съезда большевиков.

— Где существуют филиалы «Кука и сыновей», не сможете подсказать нам?

— То есть как это «где»?! «Куки» владеют миром, в каждой стране есть их контора, это ж не продажа семечек, это бриллианты!

— Между прочим, торговля семечками тоже дает миллионы.

— Что такое эти миллионы?! Это плевок из космоса! Это нищета и разор! Бриллианты могут стоить десяток тысяч миллионов, но ведь все привыкли к тому, что надо обмануть всех, когда имеешь дело с камнем, — зачем нервировать стомиллионной ценой?! Не надо! Бриллиант престижен, а разве люди сумели определить цену престижа?!

— Еще не сумели, — согласился Коновалов. — А вот скажите, пожалуйста, такого рода сережки могут быть причислены к разряду представительских подарков?

— Ха! Представительские подарки — это ручка «Паркер»! Вы не знаете заграницы, а я ее знаю! Представительский подарок — это записная книжка, набор спичек и, как апофеоз, книга об архитектуре Полинезии! Думаете, буржуй — щедр?! Он скуп! Он скупее нашего фининспектора! «Кук» не для представительства! Товар «Кук» дарят раз в жизни: на свадьбу, дочке в день совершеннолетия,

любовнице; забудьте о представительстве, когда в деле фигурирует «Кук»!

Коновалов улыбнулся:

— Спасибо вам, товарищ Абрамов.

«Славину.

По возможности установите, снимал ли Дубов номер в отеле «Хилтон», и если да, то какой? Цикличность? Стоимость? Как расплачивался — чеками или наличными? Установите также, где находится представительство ювелирной фирмы «Кук и сыновья»? Кто генеральный директор? Есть ли каталог на ювелирные товары бельгийского производства? Можно ли найти фамилии людей, покупавших год назад бриллиантовые серьги с изумрудом стоимостью от двух до трех тысяч долларов?

Центр».

Подразделение Коновалова обобщило данные на Дубова. Константинов, в частности, поручил выяснить, отчего по возвращении из Луисбурга Дубов отказался от предложенной ему докторантуры.

— Он не только от докторантуры отказался, товарищ генерал, — докладывал Коновалов, обобщив глубокой уже ночью собранные материалы. — Выясняется довольно занятная картина: во-первых, ему предложили должность заведующего отделом в управлении, оклад триста пятьдесят. Отказался. Странно, потому что он не назойливо, но точно дает понять окружающим, что с деньгами у него довольно трудно. Отказался и от учебы в академии. Три месяца он ждал должности старшего референта в том именно отделе Координационного института, куда стекаются все закрытые материалы по «африканскому узлу». Оклад — двести, премиальных нет.

— Какие он мог получить выгоды в Координационном институте? Более интересные командировки, перспектива роста?

— Никак нет. Командировки ему гарантировали, когда приглашали заведующим отделом, — практически, весь мир. Там же ему обещали дать льготы, если он решит писать докторскую. Перспективы роста в Координационном институте — весьма незначительны, разве что только защитится...

— Он пишет диссертацию?

— Нет. Мы навели справки, он даже не поднимал этот вопрос.

— Как характеризуют?

— Положительно. Дисциплинирован, скромен; очень аккуратен в работе с секретными документами.

— Какой, кстати, у него дома приемник?

— Его же нет в Москве, Константин Иванович... Мы не имеем права — пока что, во всяком случае, — входить к нему в квартиру...

— Надо продумать, как выяснить, что у него за приемник?

— Я прикину комбинации, товарищ генерал.

— Когда кончите «прикидывать»?

— Я сообщу вам план мероприятий сегодня же...

...В четыре утра пришел Проскурин.

— Где Дубов? — спросил Константинов.

— Я сделаю все, чтобы найти его.

— Ну в таком случае мы обязаны не разрешить вам делать все, а лишь то, что не противоречит закону...

Константинов открыл папку с особо срочными телеграммами:

— Ответьте мне, кто из людей по «суженному кругу» — знал о наших поставках в Нагонию?

— Я должен посмотреть еще раз материалы на фигурантов.

— На кого? — Константинов поморщился. — «Фигурант» — по Бархударову — значит «артист балета».

— Так было принято говорить, товарищ генерал. «Фигурант» — то слово, которое истиннее других выражает смысл, в него заложенный.

Константинов задумчиво возразил:

— Слово — само по себе — безлично, оно не может быть ни лживым, ни истинным, так, кажется, считал Сократ. Истина или ложь вытекает из сочетания слов, которые слагаются в то, что ныне мы определяем «точкой зрения»...

(Константинов имел два образования: работая токарем в Запорожье, он был мобилизован по комсомольскому набору в КГБ осенью пятьдесят четвертого года; заочно окончил юридический институт; потом, работая над диссертацией, сдал экстерном экзамены на филологическом факультете; английская литература XIX века; отец его, пограничник, погибший во время обороны Бреста, был учителем русского языка, поэтому, видимо, у Константинова была совершенно

особая требовательность к точности выражения мыслей; одной из любимых его книг была работа ленинградского писателя Льва Успенского — постоянное сражение старого мастера за чистоту языка восхищало Константинова.)

— Я должен посмотреть материалы на фигу... на интересующих нас лиц. Но в связи с чем возник вопрос о поставках? — недоумевающе спросил Проскурин.

— В связи с телеграммой Славина. Могу помочь: в Луисбурге об этих поставках знает только один человек — Зотов.

— Учитывая его отношения с женою — дружба и мирное сосуществование, — усмехнулся Проскурин, — здесь об этом наверняка знала Винтер.

— Допустим. А кто еще?

Через полтора часа Проскурин доложил, что такого рода информацию — по роду своей работы — получал лишь один человек: Дубов Сергей Дмитриевич.

«Совершенно секретно.
Генерал-майору Константинову.

На ваш запрос сообщаю, что авиабилет в Адлер на фамилию Дубова Сергея Дмитриевича был сдан четыре дня назад в агентстве Аэрофлота в гостинице «Метрополь».

Подполковник *Зыков*».

ПОИСК-V

Дональд Ги оказался высоким, моложавым, совершенно седым человеком; лоб его рассекал багровый шрам, поэтому в журналистском мире его звали «Ги Харви Скорцени», соединив имя убийцы Кеннеди с фамилией похитителя Муссолини.

Он назначил Степанову встречу в холле — кондиционер в его номере, как, впрочем, и во всех других номерах, не работал: колонизаторы демонтировали оборудование, хотя им предлагали большие деньги, согласись они научить местных служащих, как обращаться с немудреной в общем-то системой. Единственным местом в отеле, где можно было дышать, оказался холл — там ходил сквозняк, потому что все двери были открыты постоянно, и с океана, особенно к вечеру, веяло свежестью.

— Я Дмитрий Степанов, из Москвы, спасибо, что нашли для меня время.

— Мне интересно с вами повстречаться, я, говоря откровенно, ни разу не говорил с русскими с глазу на глаз. У вас, ко мне дело?

— Да.

— Пожалуйста, мистер Степанов.

— Меня интересует ваша эпопея с Глэббом.

Лицо Дональда Ги закаменело, он сразу же полез за сигаретами, достал мятую пачку «Честерфилда», предложил Степанову раскрошившуюся сигарету, жадно затянулся, потом вжал сильную голову в птичьи плечи и ответил:

— Мне бы не хотелось трогать эту тему.

— Вы сдались?

— Не просто сдался. Я подписал безоговорочную капитуляцию.

— Из-за того, что у вас не хватало фактов?

— Не только.

— Видите ли, я несколько раз путешествовал по Азии... У меня есть материалы по банку мистера Лао.

— Вы их получили легально или вас снабдила разведка?

— Если бы меня снабдила ими разведка, мне было бы трудно опубликовать книгу о мистере Лао — разведки мира не очень-то любят, когда их материалы уходят в печать. Вы начали разматывать это дело с другого конца, мистер Ги. Начинать надо было с того, по чьему приказу убили секретаря Лао.

— Убийцы не были найдены.

— Вы убеждены, что их искали?

— Формально — да. Но разве в Гонконге это мыслимо... Вы там бывали?

— Нет.

— Если вас интересует проблема мировой наркомании — советую съездить.

— Я пытался. Мне не дают визу. Свобода передвижения на красных не очень-то распространяется, ваши люди преследуют свои интересы, когда шумят по этому поводу... Вам фамилия Шанц говорит о чем-нибудь?

— Вильгельм Шанц, немец из Мюнхена?

— Да.

— Он работал там с Глэббом.

— Вы его историю знаете?

— Нет. Старый немец, хорошо говорит по-английски, распространяет американские издания...

— То, что он был гауптштурмфюрером СС, вам известно?

— Это из серии пропагандистских штучек?

— Мы печатали в газетах факсимиле его приказов на

расстрелы, мистер Ги. Он занесен в список военных преступников.

— Так потребуйте его выдачи.

— Мы это делали трижды. Словом, группой террора в Гонконге занимался он. Думаю, что нападение на вас тоже репетировал Шанц, он умел это делать, он работал со Скорцени.

— А это вам откуда известно?

— Об этом мне сказал Скорцени.

— Что дает введение нового человека в м о е дело, мистер Степанов?

— Многое. Все-таки большинство американцев ненавидит нацизм. Если вы докажете, что Глэбб скрывал Шанца, вы привлечете к в а ш е м у делу внимание. Я готов передать вам материалы на Шанца. А вы расскажете, отчего подписали безоговорочную капитуляцию.

— Вы хотите об этом писать?

— Зависит от вас.

— Я не хочу, чтобы вы писали об этом.

— Боитесь потерять работу?

— Жизнь. Работа — полбеды, я уже одолел профессию судомойки, когда пытался свалить Глэбба. Меня просто-напросто пристрелят...

— Хорошо. Если я стану писать, изменив фамилии? Место действия?

— Это будет стоить пятьдесят тысяч долларов, мистер Степанов.

— Я получаю здесь двенадцать долларов в день, мистер Ги. Если учесть, что я тут просижу не меньше месяца, могу отдать вам половину.

— Хороший бизнес. — Лицо Ги, напряженное все это время, чуть расслабилось. — Понимаете, коллега, я продал все свои материалы по Глэббу. Все — до единой строчки. За десять тысяч. Когда они прислали мне письмо и сказали, что матери не жить и сестру украдут, я понял, что они сделают это. Они бы это сделали, понимаете? Как поступить? Вывозить к вам маму с сестрой? Нет денег, билеты дороги. Да и потом, я люблю Америку и совсем не люблю ваш строй.

— Так же, как я — ваш.

— Я знаю. Вас читают мои коллеги.

— А вы?

— Нет. Я вообще ничего не читаю, мистер Степанов. Я не верю ни единому напечатанному слову. Я знаю, к а к это делается. Я пишу то, чего от меня хотят, я отслуживаю,

мистер Степанов. Меня купила «Стар», купила по просьбе того же Глэбба — в этом я убежден...

— Нет. Он мал для этого, мистер Ги. По просьбе его боссов.

Ги покачал головой, усмехнулся:

— Как вы думаете, какой процент от прибыли Глэбб переводил на счета своих боссов после операции с героином? Не более трех процентов — там люди осторожные, они знают, сколько можно брать. Ведь лучше брать д о л г о и понемногу, чем один раз и на этом сгореть.

— Смотря каким будет этот «один раз»?

— Такса проста: с каждой реализованной операции пять процентов шло Глэббу — за прикрытие. Из этих пяти процентов три он раздавал боссам.

— Тогда отчего он сидит в Луисбурге, на вторых ролях, играет в торговца, а не пошлет все к черту и не загорает на Майами?

— Потому что все деньги он сдуру вбухал в Нагонию, мистер Степанов. Процентов десять акций всех здешних отелей принадлежали ему. Но он не успел загрести свои миллионы — здесь все перевернулось. И он должен вернуть с в о и деньги, разве не понятно?

— У вас есть факты?

— Факты есть в Лиссабоне и Париже. И в Берне они есть — там печатаются великолепные справочники для людей, которые д о л ж н ы вложить деньги. Глэбб не мог их держать на счету, в нашей стране фискальная система министерства финансов работает куда как лучше ФБР...

— Неужели он не понимает, что это нереально — вернуть Нагонию?

— Я считаю это вполне реальным.

— Не получится.

Ги покачал головой:

— Получится.

— Вы убеждены, что в с е его героиновые вложения погорели в Нагонии?

— Все, — ответил Дональд Ги, и в глазах его что-то зажглось, но сразу же погасло, он затравленно обернулся, стремительно оглядел всех, сидевших в вестибюле, и снова полез за своей мятой пачкой сигарет.

— Вы ведь очень не хотите, чтобы он вернул себе деньги, Дональд? — тихо спросил Степанов. — Вы очень не хотите, чтобы он начал здесь д е л о? То дело, которое позволит ему положить в карман свои миллионы и вернуться в Штаты победителем?

— Я очень этого не хочу, но я еще больше не хочу того, чтобы он перестрелял мою семью.

— Ну для этого есть исполнители...

— Нет. Глэбб умеет все делать сам.

— Боится свидетелей?

Ги снова пожал плечами:

— Почему? Не боится. Он и их уберет, когда надо. Просто ему нравится эта работа. Понимаете? Он настоящий «зеленый берет», его идеал — сила, то, что вы сказали про Шанца, смыкается с моим представлением об этом человеке. Я не удивлюсь, если он дома держит портрет Гитлера; теперь — во всяком случае — не удивлюсь.

— Можете назвать тех людей, с которыми вы говорили о Глэббе?

— Я же сказал — я продал все документы, все до единого. Я хочу жить. Вот так. Понятно?

— Понятно. Теперь выслушайте мое предложение. Я через несколько месяцев буду в Штатах. Вы даете два имени — больше не надо для начала. Вы даете мне имена людей, которые не любят нацистов. Я поведу мое расследование — мне там полагается гонорар за книгу, я его обращу на м о й поиск — вне связи с вашим делом.

— Вам не платят за границей гонораров, у нас писали, что вас обирают.

— Вы же не верите газетам, — рассмеялся Степанов. — Хотя на этот раз писали более или менее верно.

— Смело говорите с правым журналистом, мистер Степанов.

— Я говорю с журналистом, который служит в правой газете, мистер Ги... А это не одно и то же.

— Объясните, отчего вы, лично вы, так ненавидите нацизм? Ну понимаю, вы потеряли десять миллионов...

— Двадцать.

— Да?

— Да. А лично я... Что ж... Когда семерых твоих братьев и сестер — а им еще десяти не было — шанцы щелкают из мелкашек... А теперь эти же шанцы в Гонконге распространяют красочные издания о демократии и справедливости...

— Я — трезвенник, мистер Степанов, но если вы прижмете Глэбба доказательно, ей-богу, я выпью рюмку «мадейры» за вашу удачу. Попробуйте поговорить с его первой женой: иногда она живет дома, но это бывает не часто, она все больше лежит в клинике для психов, хотя, говорят, совершенно здорова. Ей не поверят, конечно, но она даст вам факты. Ее зовут Эмма Шанц, ее отец — тот самый

Вильгельм, о котором вы мне так много и столь патетично рассказывали. Только запомните: Эмма родилась в мае сорок пятого — это очень важно для понимания того, что она любит, а что ненавидит.

СЛАВИН

— Люди стали добрее, — убежденно повторил Славин, накидывая пиджак на спинку стула. — Вы подумайте только, самая популярная песня у нас стала о добром крокодиле Гене, а раньше детей крокодилом пугали.

— Пойдите-ка выкупайтесь в нашей реке, там множество добрых Ген обитает, — ответил Зотов. — Не доброта это, а приближение знания к массовой аудитории. Я имею в виду телепередачу «В мире животных». Они же такие добрые на экране, эти самые крокодилы, так их жаль, бедняжек... Люди стали сентиментальнее, с этим я могу согласиться, но что касаемо доброты, позвольте мне остаться при своем мнении. Человечество плошает, Виталий Всеволодович... Вы в долг деньги даете?

— Даю.

— И вам всегда возвращают?

— Хм... Кое-кто.

— Кое-кто. А вы можете представить себе, чтобы в прошлом веке человек не отдал долг? Если особливо напомнить на людях, выйдет в соседнюю комнату и пах — пуля в сердце. А сейчас напомните-ка? Скажут: «Сквалыга чертова, подождет, ничего страшного». Или вспомните наши собрания, где моральный облик разбирают. Слава богу, стало полегче, а ведь что раньше вытворяли? Грязное белье наружу, аутодафе сплошное. Нет, нет, человечество изнывает от злости, Виталий Всеволодович, оно забыло горе, оно живет как в коммунальной кухне, только что соседям в чайники не писает...

— Домой хочется?

— Домой? — Зотов пожал плечами. — Хотелось бы, коли имел.

— Мне тут уж рассказали...

— Вот-вот... А вы говорите — добреем. Истина лежит где-то рядом с апостолом Павлом. Помните: «Иудеи знамения просят, эллины — мудрости». Верно. Одни хотят чуда, другие — знания, одни уповают на удачу, другие — на умелость, но никто не хочет сделать доброту религией, Толстого затюкали, а он ведь ближе всех был к истине...

— Выпить хотите?

— С удовольствием.

— Только водка кончилась.

— А я ее терпеть не могу. Виски обожаю.

— Глэбб, между прочим, ненавидит виски, любит водку.

— Врет. Он водку терпеть не может, вы последите, как он ее пьет.

— А он вообще, по-моему, не пьет. Он норовит все время быть трезвым.

«Послушай, послушай, Глэбб, — подумал Славин. Он теперь был уверен, что каждый шорох в его номере записывается. — Слушай, что я говорю, мне бы очень хотелось посмотреть на тебя, когда ты напьешься».

— Закусить нечем? — спросил Зотов.

— Только сода. Да еще печенье какое-то осталось. Хотите?

— Хочу. Я голоден.

— Пойдем перекусим?

— Едем лучше ко мне, а? Колбасу тетка прислала, прекрасную сухую колбасу и сулгуни. Любите сулгуни?

— Еще бы. Ладно. Спасибо. С удовольствием. Только дождемся звонка, мне обещал позвонить приятель, тащит к Пилар, а мне что-то не хочется...

— Интересная баба. Скальпель. Совершенно мужской склад ума при нежном шарме. Рассудочна до поразительного.

— Я, между прочим, к понятию рассудочность отношусь хорошо. Мы обязаны рассудку нашим знанием. Именно рассудок приводит к единству все разнообразие наших мнений. Мнение — оно и есть мнение, даже несколько мнений в понятие не соединишь. А понятие — как лестница в познание — складывает из мнений рассудок, пользуя при этом воображение, сознание и память. У Пилар прекрасная память; вам не кажется, Андрей Андреевич? И ощущений она в жизни имела немало, а?

— Вы ее на полочки не разложите. Не считайте, что логика позволяет понять человека. Человек — по природе своей — нелогичен.

— Это вы по поводу жены? — тихо спросил Славин. Зотов выпил виски, понюхал печенье, отломил кусок, лениво сжевал, отметил задумчиво:

— Нет. Как раз здесь все логично. Разница в возрасте, разница в темпераменте, разница в привязанностях, ну и, наконец, мой идиотизм.

— Стоит ли сыпать пепел на голову?

— Не стоит. Но пепел и констатация факта — вещи разные. Коли вы заговорили об этом, значит, нашептали

вам уже со всех сторон, и все — против Ольги, а это нечестно. Она умней меня, она талантлива, она по призванию творец, то есть мыслитель. Она красива, наконец. А я хотел из нее выстругать некоторое подобие самого себя. И все погубил. И не стоит оправдываться тем, что я боялся за нее, с ума сходил: как она? кто с ней? не обидят ли? что подумают? Либо принимаешь индивидуальность, которая рядом с тобою, — целиком принимаешь, и тогда происходит чудо растворения, либо — нет. Третьего не дано, нечего жить иллюзиями.

— Вы просили, чтобы вас отозвали?

— Наоборот. Я записан на кооператив, надо ждать еще год. А библиотека у нас общая, и ни она, ни я без нее жить не можем — не то что работать. Куда мне с собой тащить альбомы по живописи Африки? Полтонны веса. А видеть мне Ольгу больно, и она знает это. Да и ей не сладко, мне кажется.

— Она еще не вышла замуж?

— И не выйдет.

— Почему?

— А вот это не наше с вами дело.

— Простите.

— Ничего. Мне кажется, вы спросили не из желания подсмотреть в скважину... Я раньше обрывал такие разговоры, а сейчас смысла нет... Я вроде ТАССа — стараюсь опровергнуть клевету в ее адрес. — Он как-то неловко усмехнулся и подставил рюмку: — Налейте-ка еще, а? Хорошо быть алкоголиком — никаких тебе забот, знай похмеляйся...

— Отчего так не любите пьющих?

— Отец спился. Огромного дара человек, но не реализовал себя. Какой-то, знаете ли, помимо всего прочего, грек был...

— То есть? — не понял Славин. — Почему грек?

— Ну вроде грека, точнее говоря: не верил мудрости, рожденной близкими. Греки ведь только иностранному верили... Даже Пифагора своего не ценили: «Да, гений, конечно, но стал таким, оттого что учителя приехали иностранные»... Отец мой философ был. А философ лишь тот, кто природу изучает, все остальное — от лукавого. Ну и доизучался — запил. Ей-богу, приближение к знанию — опасно, ух как опасно. Помните, как Пифагора спросили, чем он занимается?

— Помню: «Я ничем не занимаюсь, я — философ».

— Вот и мой отец... Сначала наслаждался з р е л и щ е м мира, а потом, видать, разочаровался, да и силенки не

хватило; в себя — то есть в окружающих — веры не было, и загудел, царствие ему небесное. Что ж приятель-то не звонит, а?

— Дадим еще пять минут форы, ладно? Он славный парень.

— Все они славные парни, — усмехнулся Зотов. — Только откуда славный парень Глэбб знает о наших поставках Нагонии? Один я об этом здесь знаю — никто больше...

Славин стремительно наступил на ногу Зотову, но тот брезгливо махнул рукой:

— Не пишут вас, кому вы нужны? Были бы послом, тогда другое дело, всадили бы аппаратуру...

...Выслушав последние слова Зотова, Джон Глэбб резко поднялся со стула, начал мерить кабинет быстрыми, податски ровными шагами, потом включил запись еще раз, переписал ее для отчета ЦРУ на сверхчувствительную пленку, сунул черновую ленту в карман и пошел к Роберту Лоренсу.

— Дело сделано, босс, — сказал он. — Теперь я спокоен за «Факел».

— Поздравляю. В подробности будете посвящать или моя голова вам не очень-то нужна в этом деле?

— Благодаря моим подробностям, — не скрыв обиды, ответил Глэбб, — вы получите поздравления от адмирала и боевой орден, а я — право на двухнедельный отдых, всего лишь.

— Во время которого вы завербуете еще одного «Умного», и я потом получу еще один орден, а вы — снова хороший отдых, — рассмеялся Лоренс.

— Больше таких «Умных», какого имеем мы, не будет, босс, это уж поверьте мне. Не было и не будет. Пока он работает, мы с вами — на коне, мы можем все, мы в фокусе внимания, наши имена знакомы президенту, мы гарантированы от любых нападок со стороны своих же. «Умный» — это наша с вами жизнь, это — надежда Лэнгли. Думаю, он зря паникует, никто не может его расшифровать; он просто-напросто устал, центр даст ему отдохнуть, когда закончим с Грисо... Так вот, по моим подробностям, Зотов подошел к «Умному», но подошел «втемную». У него однолинейное мышление, он из породы апостолов. Он сказал Славину про поставки, о которых нам сообщил «Умный». Значит, Москва часа через три будет знать об этом. Они начнут искать утечку информации. И мы организуем такого рода утечку. Здесь. Это и будет та игра, которую обещали «Умному».

— Что это нам даст? Сколько будет стоить?

— Стоить это будет ерунду, пару коктейлей, всего лишь. Каким образом? Это — мое дело, ведите политический курс, тактику ближнего боя оставьте мне. Что нам это даст? Это даст нам победу. Во-первых, русские получат доказательства, что Зотов — наш агент. Во-вторых, они получат эту информацию таким образом, что мы сможем обвинить мистера Славина в шпионаже, так что приготовьтесь к тому, что вас будут грабить — бандиты возьмут из вашего сейфа имена наших «друзей», среди них, ясное дело, окажется Зотов. В-третьих, обвинение в шпионаже и гангстеризме понудит Луисбург выслать из страны большинство русских, работающих здесь, — поставки в Нагонию, таким образом, сократятся наполовину; другую половину уничтожат группы террора. В-четвертых, после начала этой компании, особенно когда Стау арестует Славина, здесь не останется наблюдателей, а если и останутся, то станут соблюдать особую осторожность: перед началом «Факела» такого рода акция весьма и весьма полезна, меньше шума.

— Хотите выпить, Джон?

— Я напьюсь, когда мне позвонят из Нагонии и скажут, что высылают вертолет для визита во дворец Огано.

— Постучите по дереву.

— Я этим только и занимаюсь — с ночи и до утра, босс.

— Когда вы перестанете совать в нос «босса»? Сколько раз я просил звать меня по имени?

— Я мазохист, босс, мне доставляет наслаждение самоуничижение.

— Как думаете подвинуть им информацию на Зотова?

Глэбб забросил руки за голову, потянулся, рассмеялся чему-то:

— Я надеюсь на случай, босс. И потом — я очень злопамятен, никому не прощаю обид. Никому.

Лоренс внимательно посмотрел на Глэбба из-под мохнатых седых бровей и сказал задумчиво:

— Злопамятство — плохая черта, Джон, особенно в нашей профессии. Разведчик обязан трепетно любить своего противника, лишь тогда он задушит его.

ПОИСК-VI

Режиссер Голливуда Юджин Кузанни познакомился со Степановым три года назад во время фестиваля в Сан-Себастьяне. Он привез туда свою документальную ленту о

Южном Вьетнаме; Степанов, только что вернувшийся от партизан Лаоса и Вьетнама, был членом жюри.

Картина Юджина ему понравилась: американец снимал точно и спокойно, без фокусов. Главная его ставка — монтаж. Он в чем-то шел по пути двух разных мастеров: Якобетти, его «Собачьей жизни», и Романа Кармена. Он соединял несовместимости: роды под бомбами «фантомов» и занятие в школе рок-танца; расстрел вьетнамского юноши и лекцию о дырах в космосе, которую читал завороженно слушавшим студентам косматый профессор с детскими глазами, излучавшими доброту; концерт партизанской амодеятельности и наркоманов Бэркли.

Как-то в баре «Иберия» — там собиралась вся киношная публика и зеваки, приходившие глазеть на знаменитостей, — Степанова познакомили с Кузанни.

— Не то обидно, что меня прокатят, — сказал Юджин, — в этом я не сомневаюсь; обидно то, что высшую награду дадут Эусебио, а он фашист, сволочь, он языком лижет простату их генералиссимусу.

— Вы имеете в виду фильм о Сантьяго де Компастелла? — спросил Степанов.

— Да. Хороший фильм, но обидно, что сделал его мерзавец, который раньше восславлял «Голубую дивизию».

— Не так уж фильм хорош для первой премии.

Юджин рассмеялся:

— Это личная точка зрения? Или мнение члена, жюри?

— Тэйк ит изи, — хмыкнул Степанов.

...Назавтра, встретившись в кулуарах с коллегами, Степанов убедился, что Юджин был прав: дирекция фестиваля обрабатывала членов жюри — называли Эусебио как будущего лауреата; в газетах каждый день появлялись интервью с ним; наемные критики писали восторженные эссе.

Но Испания — страна особая; Степанов как-то пошутил в Тбилиси: «Ребята, вы, действительно, братья с басками, да и вообще с испанцами; и у них и у вас все решает хорошо произнесенный тост в большом застолье».

Степанов собрал знакомых газетчиков.

— Друзья, — сказал он, — я хлопочу не о русском, а об американце. Он, этот американец, беден, он сделал первую картину, он не член компартии, он просто честный парень. Я хочу, чтобы вы посмотрели его ленту и написали о ней правду.

Потом он встретился с директором фестиваля — вечером, в своем номере (испанцы прежде всего ценят престиж; если ты член жюри, тебе надо снять не номер, а апартамент,

и холодильник надо забить не банками с пивом, а настоящим виски, джином и бутылками «росадо» из Наварры — это нравится иностранцам, потому что восславил Хемингуэй. Создав такого рода престижность, испанцы сами же попадают под ее магию — смешно, но это так). Выпив по глотку вина — испанцы самая непьющая нация в мире, — Степанов сказал:

— Дорогой друг, мой разговор будет носить сугубо доверительный характер...

— Я знаю, — ответил директор фестиваля. — Вы ставите на Кузанни; у меня есть свои люди в газетах, их информация доходит до меня незамедлительно. Вы не выиграете, сеньор Степаноф, Сан-Себастьян хочет быть святее папы Римского. Неловко, конечно, сравнивать Вашингтон с Ватиканом, но тем не менее. Наши люди не рискнут дать премию фильму хоть и американскому, но выступающему с антиамериканских позиций.

— Вы не правы, — сказал тогда Степанов. — Кузанни выступает с истинно американских позиций. Поверьте мне, через год-полтора ему дадут национальную премию Америки.

— В Америке нет национальных премий для хроникального кино, а Оскар они дают только художественным фильмам... И потом — я совершенно не убежден, что через год-два война во Вьетнаме кончится.

— Она кончится раньше, поверьте моему слову, я просидел у них полгода, я знаю, что говорю.

— Я хотел бы вам поверить, я ценю ваше мнение, мне бы хотелось всегда — и чем дальше, тем больше — дружить с вами, я имею в виду вас как представителя страны, не только как сеньора Степаноф, но не ставьте меня в трудное положение. Я не смогу вас поддержать, слишком много людей включено в работу: Эусебио получит золотую медаль, это вопрос решенный.

— Мне будет трудно готовить общественное мнение в Москве, — тихо сказал Степанов, закуривая, — во время нашего фестиваля, когда вы привезете туда свои картины. Когда испанец получит премию в Сан-Себастьяне — это одно дело, но когда его отметит Москва — совсем другое.

— Москва ничего не даст Эусебио, потому что он снимал картину о ветеранах «Голубой дивизии».

— Берланга участвовал в войне, он был солдатом «Голубой дивизии», а мы вознесли его «Палача».

Директор фестиваля вздохнул:

— Сеньор Степаноф, одно дело — участвовать в войне, другое дело — возносить ее средствами искусства. Хорошо,

если я привезу три ленты молодых документалистов, вы гарантируете мне одну золотую и одну бронзовую медали?

Степанов отрицательно покачал головой:

— При всех наших недостатках и странностях, призы на фестивале мы все-таки *даем*, а не гарантируем...

Директор придвинулся к Степанову, поманил его к себе, шепнул на ухо:

— Я вам не верю...

Он поднялся, походил по апартаменту, снятому дирекцией для Степанова, заглянул в ванну, поинтересовался, сколько стоит номер, сам же себе ответил, что не менее пятидесяти долларов, потом вернулся на место и сказал:

— Я гарантирую вашему американцу поощрительную премию прессы...

— Мало.

— Вы с ума сошли! Мне это будет стоить крови! Думаете, легко уговорить бюрократов из министерства информации и туризма?! Я же должен буду найти *ходы*, а это не так-то просто!

— Поскольку Юджину следовало бы дать золото, но вы боитесь реакции Вашингтона, дайте ему серебро — это понятно хотя бы, — все поймут, отчего вы не поступили по справедливости. А если вы дадите ему поощрительную премию прессы, потом, не в Испании, конечно, поднимется шум: задавленная франкистской цензу...

— Тшш! — директор снова вскочил с кресла. — Сеньор Степаноф! Зачем же так... Генералиссимо — отец всех испанцев, и у нас нет никакого произвола цензуры.

— Понятно, понятно, — согласился Степанов, — я же говорю, что станут писать газетчики за границей, и не у меня на Родине — те же французы начнут первыми, они симпатизируют вьетнамцам, потому что вовремя ушли оттуда...

...Словом, Юджину дали бронзовую награду, и это открыло ему путь в большое кино: американцы — так же престижны, как и испанцы, но для них самое главное — это признание за границей; как всякая великая нация, они плохо видят пророков в своем отечестве.

И с тех пор каждый раз, когда Степанов прилетал в Штаты, Юджин, если он был дома, в Сан-Франциско, бросал дела и мчался в Вашингтон — помогал Степанову пробивать визу (тому не очень-то разрешали посещать восточное побережье и юг), часто путешествовал с ним вместе, отдавал свою машину и ключи от холостяцкой квартиры в Гринвидж Вилледж.

Два раза Юджин посетил Россию; каждый знал позицию другого — Степанов был коммунистом, Юджин симпатизировал республиканцам; какие-то вещи они исключили из сферы споров, нет смысла, не переубедишь. Но они твердо верили, что друг на друга можно положиться абсолютно, особенно если дело касалось того, чтобы помочь сближению двух народов.

Вот именно ему, Юджину Кузанни, и послал телеграмму из Нагонии Дмитрий Степанов.

— Миссис Глэбб, доктор позволил мне поговорить с вами полчаса.

— О? Какой прогресс! Значит, я уже совершенно нормальна, теперь все в порядке, скоро меня вообще выпустят домой...

Женщина рассмеялась странным, горловым смехом, словно курица-несушка.

— Миссис Глэбб, я хотел бы поговорить с вами о Джоне...

— Он же и посадил меня сюда для того, чтобы я не наболтала лишнего легавым из ФБР. Как вы проникли? Он ведь платит большие деньги врачам, чтобы те говорили всем, какой я псих, и не позволяли фэбээровцам меня трогать... — Женщина склонилась к Юджину. — Умоляю, хоть одну затяжку, а? Самую крохотную...

— Вы курите героин?

— Тише... Все, что угодно. Я во сне вижу эту затяжку... Сухую, длинную, обжигающую... Спасите меня, а?

— У меня нет... С собою нет, миссис Глэбб... Пока что нет... Понимаете? Пока что... Если вы расскажете мне то, что, я хочу узнать, я, пожалуй, выручу вас.

— Обманете... Вас больше не пустят сюда. Раз в год мне разрешают болтать. Джон хочет знать, что я еще помню... Ко мне приходил один легавый из ФБР и оставил понюшку, а после этого мне год ни с кем не разрешали видаться...

— Как его звали?

— А как вас зовут?

— Юджин Кузанни, режиссер.

Женщина снова засмеялась своим странным сухим смехом:

— В таком случае, я — Грета Гарбо. Хотя нет, та спокойно сдохла, считайте меня Мерилин Монро — так точнее.

— Вот моя водительская лицензия, миссис Глэбб.

— Ха! Тот мне показал точно такую же лицензию! Думаете, я ему поверила?

— Он вам сказал, откуда он?

— Нет. Просто Роберт Шор. Из ФБР, я же говорю вам. По-моему, даже сказал. Нет, правда, сказал: Роберт Шор из ФБР.

— Он вас спрашивал про тот скандал в Гонконге?

— Нет. Он спрашивал, как Пилар летала в Пекин и откуда у нее появился дипломатический паспорт. Они же не могут трясти дипломатов, несчастные легаши, идут по следу и упираются лбом в зеленую фанеру: «дипломат». А потом он спрашивал, куда Джон вывез ее из Гонконга...

— Кто такая Пилар?

— Потаскуха. Грязная, вонючая потаскуха.

— Где она живет?

— Как — где? Там, где он. Он же всюду таскает ее за собою. Он подкладывает ее, а потом отмывает в ванне. Он подкладывал ее под несчастных мальчиков в Берлине, когда давал им деньги — через нее. А она вроде бы от Мао, революционерка. Она им говорила, в кого надо стрелять. А он называл ей своих друзей... Вернее, друзей моего отца... Папе надо было убрать кое-кого из старых бандитов, вот Джон и работал эти дела... Да вы мне не верьте, не пяльте глаза, я сумасшедшая... Мне можно все. Вы действительно принесете немного порошочка, а? Пилар всегда давала мне покурить, она вообще-то добрая...

— Она была первой, кто дал вам героин?

— Нет. Первым был Джон. Он не знал, какого качества идет товар, и предложил проверить... Другой-то должен был ударить по морде, а он мне в глаза смотрел, когда я затягивалась, близко-близко... Так мой брат смотрел в глаза кроликам, которым ампутировал лапы... Пилкой... Они пищали, знаете, как они пищали?! О, это надо послушать, как они пищали, эти красноглазые кролики... А папа говорил, что Зеппу нельзя мешать, папа говорил, что путь в науку всегда лежит через жестокость... А Зепп наплевал на науку и стал большим политиком, разве политика — наука? Политика — это когда без наркоза отпиливают лапы кроликам.

— Где он, ваш Зепп?

— Джон помог ему стать секретарем «новой немецкой партии», он теперь защищает интересы немцев, я же немка, мы все немцы, даже Глэбб наполовину немец, только он не любит, когда об этом ему напоминают, ведь его родственник работал у Гитлера в рейхсбанке, такой интеллигентный человек, такой тихий, он только и умел что считать— коронки из Аушвица, кольца из Дахау... — Женщина снова засмеялась. — Если хотите испугать Глэбба, спросите-ка

его про здоровье дяди Зигфрида... Скажите ему, что вы тоже хотите вчинить иск Зигфриду Шанцу по поводу ваших родственников, сожженных в печках... Только потом берегите жизнь: таких вопросов Джон не прощает никому. Он мне не простил этого вопроса, поэтому я здесь...

— И вы обо всем рассказали Роберту Шору?

— Он дурак, этот Шор. Он как пишущая машинка — трещит, трещит и все время хочет меня запутать... Нет, он даже, по-моему, не знает, что на свете есть страна, которая называется Германия и в которой живут немцы. Когда я нашла в бумагах отца письма Джона и поняла, что мы из одной семьи, и спросила Глэбба об этом, тогда-то все и началось... До этого я была другим человеком... Я была в деле... Я знала кому, сколько и когда идет, я знала кого, где и когда шлепнут, я была большим человеком... Мне Дэйвид Хью, это был помощник Джона, его потом прогнали, сказал, что я стану новой Мата Хари...

— А где сейчас Хью?

— Не знаю. Кажется, в Мюнхене. Зачем он мне? Слушайте, а вы можете раздеться? На сколько времени вас ко мне пустили? Я очень люблю любовь...

Женщина поднялась, сбросила халатик, Юджин увидел синяки на плечах, сморщенную, пожелтевшую кожу.

— Сейчас нельзя, — сказал он, — сюда могут прийти, у нас мало времени.

— А мне долго не надо, ну пожалуйста... Дайте я посмотрю на вас, умоляю...

— Я приду завтра, ладно? Я приду к вам на два часа.

— Вас не пустят ко мне больше. Ко мне никого не пускают во второй раз...

— Ладно, наденьте халат, поговорим еще немного, а потом займемся любовью.

«У нее парализована воля, — подумал Юджин, наблюдая за тем, как Эмма послушно подняла халат и набросила на острые, желтые плечи. — Это всегда так — сначала героин, потом вот такой ужас... Зачем все это понадобилось Степанову? Ей же не поверят».

— А где сейчас дядя Зигфрид?

— Я молю бога, чтобы он умер, тогда мне хоть будет не так стыдно жить... — Она снова засмеялась. — Жить... Я ведь все-таки живу, разве нет? Я живу, — повторила она убежденно, — потому что я дышу, жру и хожу в сортир. Нет, это существование, а не жизнь. Это другое. Я жила, когда был Джон; когда он ушел, оставался порошок, а когда все это кончилось, тогда я стала есть, пить и ходить в сортир...

— А где брат Зепп? — чувствуя, что его монотонные вопросы раздражают женщину, продолжал Юджин — он не мог понять, как следует говорить с ней, потому что предположить ее ответ было невозможно. — Он тоже умер?

— О, нет! Зепп отправляет в Африку тех честных немцев, которые хотят защитить свободу, он выступает на границе, он собирает своих друзей в Мюнхене. Разве вы не знаете Зеппа Шанца?!

— Он действительно живет в Мюнхене?

— Вы что, считаете, я все выдумываю?! Вы — Шор! Вы — легавая ищейка! Он тоже не верил мне! А я говорю правду!

Женщина кричала все громче. Дверь открылась, вошли двое в халатах, укоризненно посмотрели на Юджина, увели кричащую Эмму, и в ушах у него долго еще стоял ее отчаянный крик: «Вы что, думаете, я сумасшедшая?!»

...Степанов позвонил газетчикам в Мюнхен: адрес «новой немецкой партии» Зеппа Шанца ему дали сразу же, не заглядывая в справочники...

ПОИСК-VII

«Славину.

Выясните все, связанное с Дубовым. Характер его взаимоотношений с Винтер. Не был ли зафиксирован факт встреч с Лоренсом или Глэббом — пусть даже случайных?

Центр».

«Центр.

Факт встреч Дубова с Глэббом или Лоренсом не установлен. По неподтвержденным сведениям, однажды Дубов сопровождал Винтер на корт, когда она играла с Лоренсом, но неизвестно, знакомы ли они. Контактов с американцами Дубов избегал, большую часть времени проводил в посольстве, торговой миссии или дома. Лишь один раз он выехал в трехдневную поездку по стране на своей машине. Манера поведения — безукоризненна. Почти не пьет, сдержан, немногословен, отличается высокой компетентностью в вопросах политического и экономического прогнозирования. Однако Зотов рассказал о факте, который меня насторожил — с морально-этической точки зрения: в первые месяцы знакомства, после того как Ольга Винтер подвернула ногу, Зотов, не имевший тогда машины, попросил Дубова

отвезти ее в госпиталь. Дубов отвез Ольгу, но попросил у Зотова пять долларов, мотивируя свою просьбу высокой стоимостью бензина. Я повторил маршрут Дубова: если бы Зотов взял такси, эта поездка обошлась ему в 2 доллара 35 центов. Если развивать т о р г а ш е с т в о дальше, тогда рейс в оба конца составит 4 доллара 70 центов. Дубов, таким образом, в ы и г р а л на этом 30 центов. С точки зрения оперативного интереса этот факт несуществен, однако он дает основание к повторному анализу морального облика Дубова. Подчеркиваю, что при этом все в один голос говорят о его дисциплинированности, аккуратности, вежливости, ни одного недостатка.

Славин».

«Совершенно секретно.
Генерал-майору Константинову.

На ваш повторный запрос сообщаю, что Дубов Сергей Дмитриевич вылетел вчера в Адлер рейсом 852.

Подполковник *Зыков*».

«Данные наблюдения за «Белым» (такая кличка была дана Дубову абхазскими чекистами потому, что прилетел он на море в легком белом костюме, белой рубашке с белым бантиком; ботинки, однако, были черные, тяжелые, тупорылые, старый американский фасон).

Остановившись в корпусе «Маяк» в номере 212, «Белый» в 8.47 пошел на завтрак. Посадили его за столик рядом с двумя женщинами, одна из которых, черненькая, лет двадцати трех вышла с ним вместе из кафе в 9.17.

Он предложил «Черненькой» зайти к нему в номер. «Черненькая» приняла это предложение.

В номере «Белого» они пробыли 52 минуты, вышли оттуда уже в купальных костюмах и отправились на пляж. Там они купались и загорали до 12.49, после чего вместе пошли на обед в то же кафе. За столиком находились с 13.05 до 13.51. Затем отправились в номер «Белого», где пробыли до 16.10, после чего снова вернулись на пляж. Вернулись оттуда в 18.26, пошли на ужин, сев за тот же столик, что и утром. К ужину «Белый» заказал бутылку вина, марки «Тибаани». После этого он пригласил «Черненькую» на прогулку. Не входя ни с кем в контакт, они вышли с территории пансионата «Пицунда». Около почты «Белый» оставил «Черненькую» и, наменяв на три рубля

пятнадцатикопеечных монет, позвонил в Москву по телефону. Во время разговора с неким Виктором Львовичем из кабины было слышно, как он говорил, что «надо держаться и что он тоже хотел бы уйти к ней, но каждый должен до конца выполнять свой долг перед людьми». Он просил Виктора Львовича не подниматься еще несколько дней, сказал, что «вернется из командировки» через неделю. После этого разговора «Белый» пригласил «Черненькую» в бар, где танцевал с нею до двенадцати часов, после чего они вернулись в его номер, где и остались. Габуния».

Телефон, по которому звонил Дубов, принадлежал Виктору Львовичу Винтеру.

«Черненькой» оказалась Ольга Вронская, двадцати двух лет, москвичка, секретарь отдела, комсомолка, незамужняя, украинка.

...Доктор пятьдесят второй городской больницы удивленно посмотрел на Константинова:

— Так я ж все объяснял уже, товарищ...

— Кому?

— Приезжали из ее института, потом, конечно же, отец, он светило, я обязан был объяснить ему...

— Видите ли, я приятель ее мужа...

— Ах, это который за границей?

— Да.

— Понятно... Он еще ничего не знает?

— Нет.

— Напишите, что она не страдала — моментальная потеря сознания... Странная, дурацкая смерть... Ее приятель рассказал, что с вечера Олю знобило, он дал ей аспирин, она уснула, но температура была высокая... Он вспомнил, что она уже неделю покашливала, но, несмотря на это, ездила на корты — глупость, конечно... Утром он вызвал «скорую помощь»... Мы пытались сделать все, что могли, но, видимо, начался отек легких — тут мы бессильны.

— Почему «видимо»?

Доктор не понял, вопросительно посмотрел на Константинова.

— Вскрытие, вероятно, дает не приблизительный ответ, — пояснил тот, — а точный: в чем причина гибели молодой, здоровой женщины?

— Но вскрытия не было... Простите, вас как зовут?

— Константин Иванович.

— Очень приятно. А я — Арчил Михайлович... так вот, Виктор Львович попросил не делать вскрытия, его слово для нас закон, великий хирург, все московские женщины его боготворят и правильно де...

— Арчил Михайлович, расскажите, пожалуйста, подробнее, как все это случилось?

— Ну что ж... Я тогда дежурил. Утром, часов в восемь, позвонил мужчина...

— Ее приятель?

— Нет, Сергей Дмитриевич приехал уж потом со мною, в машине реанимации... Позвонил сосед, я забыл фамилию, старик, военный... Он сказал, что женщина без сознания, просил срочно приехать. Мы поехали. Ольга Викторовна была не просто без сознания, мне показалось, что уже наступал летальный исход, пульс ниточный, веки синюшные, зрачок почти не реагирует. В машине я подключил ее к подпитке, здесь, когда приехали, вызвал профессора Евлампиева, начали давать кровь... Часа четыре мы пытались спасти ее, хотя, говоря честно, мне казалось, что это бесполезно...

— Но отчего же не проведено вскрытие?

— Так я объяснил вам.

— Нет, не объяснили, Арчил Михайлович.

— Виктор Львович попросил об этом...

— Это не объяснение. Вечером женщина была здорова, утром умирает, а вы не делаете вскрытие. А вдруг это какая-то инфекция?

— Нет, это не инфекция. По признакам — внезапный, у р а г а н н ы й отек легких.

— Это часто бывает?

— Я лично такого не встречал... Ну третий день, шестой, запущенный легочный процесс...

— Так ведь ее приятель... Как его?

— Сергей Дмитриевич. Именно он рассказал, что она давно кашляла, была нездорова...

— Значит, не инфекция.

— А у р а г а н н ы е процессы бывают, они отмечены в медицинской практике. Помните, как погиб от ураганного рака легких американский полицейский, который хотел дать новые показания по делу Кеннеди: его положили на обследование, и через два дня он умер.

Константинов резко поднялся; глаза, обычно улыбчивые и голубые, сделались серо-жухлыми маленькими буравчиками.

— Спасибо, Арчил Михайлович. Это случилось...

— Во время моего дежурства, я же говорил.

— То есть четыре дня тому назад?

— Именно.

— Можно попросить, чтобы подготовили копию заключения о смерти? Я отправлю ее мужу, так будет вернее, без эмоций, как полагаете? Тем более сюда ее привез приятель... Очень, верно, переживал?

— Да, пришлось сделать укол... Только когда смог заплакать, стало легче. Но воля есть: приехал Виктор Львович — он был на конференции в Дубне, его вызвали, — ну, конечно, шок, так он увез с собою старика, за один день организовал похороны, держался крепко...

Академик медицины Сергей Сергеевич Вогулев сдружился с Константиновым на охоте. Они вместе летали и в Кабардино-Балкарию к Хажисмелу Саншокову, и в Ахтыри, и в Астрахань.

В отличие от Гмыри, он был охотником-созерцателем, брал с собою фотоаппарат, заразил фотоохотой Константинова, хотя тот более всего ценил выстрел «по месту», бил навскидку и единственно чему завидовал в жизни, так это хорошему оружию в руках другого охотника.

Вогулев же был равнодушен к трофеям, легко отдавал кабаньи клыки, любил охотничьи застолья, полагая, что в наш век стрессов никакой санаторий не дает о т к л ю ч е н и я — только кабанья или медвежья охота.

— Все эти терапии, — говаривал он, — новые лекарства — иглы, сон, голод — ерунда собачья. Охота. В крайнем случае, нож. Все-таки в мое дело я верю. — Но это — крайний случай, когда рак душит. А инфаркты, стенокардии, язвы, атеросклерозы надобно лечить охотой — здесь, в горах, где пахнет каштаном, прелой травой и горными ключами.

Вот к нему-то, после короткого раздумья, и позвонил Константинов. Во время ситуаций такого рода он свой «жигуленок» из гаража не брал, ездил на «Волге» с рацией, чтобы держать постоянную связь со всеми подразделениями: Коновалов, Панов, Проскурин, Гмыря — все были сейчас на казарменном положении; домой, практически, не отлучались, получали информацию, дробили ее на множество мелких вопросов, справедливо полагая, что чем тщательнее исследована каждая мелочь, тем надежнее окажется общий вывод.

— Сергей Сергеевич, я к вам подъеду, если позволите? — сказал Константинов. — Прямо сейчас.

— Или через пятнадцать минут, или вечером, Константин Иванович, — ответил тот.
— Операцию начинаете?
— Значительно хуже. Еду в ВАК.
— Отменить поездку нельзя?
— Что-нибудь случилось?
— Случилось.

Вогулев выслушал Константинова, снял трубку телефона, набрал номер.

— Ирина Фадеевна, — сказал он, — я опоздаю на час. Пожалуйста, сделайте так, чтобы докторские Гаврилина, Дарьяловой и Мартиросяна без меня не рассматривали — завалят ведь доброжелатели. Что? Ну скажите им, задерживаюсь на срочной операции. Спасибо.

Он положил трубку, помял сухой ладонью крепкое, хоть и морщинистое лицо, поднялся:

— Едем. Я звонить к нему не стану. Это как два раза про смерть спрашивать. Будете ждать в машине?

— Да. Только еще раз очень прошу: Виктор Львович никак не должен понять, что вас волнует именно тот вопрос, пожалуйста, помните это постоянно...

— Мы с ним работали в одном госпитале, Константин Иванович. Спали под одной шинелью...

— Вы неверно поняли меня — ни тени сомнения в его честности я не имею, Сергей Сергеевич.

Уже в машине Вогулев, закурив, насупился еще более:

— У меня где-то в бумагах есть фотография его девочки, ей тогда было три месяца... Мы попали в окружение под Ржевом, он дал фото, написал адрес и попросил, если я выйду, найти Оленьку. Я тогда еще на него рассердился, матом обложил. Он сказал, что, мол, его, как еврея, расстреляют наверняка, а я, быть может, спасусь... Ну я и рявкнул, что меня, большевика, и его, еврея, станут расстреливать одновременно, скорее даже — меня первым. Но он уже тогда был здоровьем хлипок, кашлял постоянно, так что я карточку оставил, такие просьбы особого рода, они святы, когда ребеночка тебе отдают трех месяцев от роду...

— А если он спросит, откуда вы узнали про его горе?

— Некролог, скажу, прочитал в газете...

— Не было в газете некролога.

— Господи, ну знакомые рассказали.

— Какие именно?

Вогулев посмотрел на Константинова:

— Вы мне чего-то недоговариваете.
— Верно.
— Почему?
— Потому что рассказывать про подозрение может ваша санитарка — пожалуйста, это не страшно. А я — ЧК, мне подозрениями делиться нельзя, мне можно только фактами оперировать.

Винтер лежал на диване, под головой у него был свернутый халат, плед натянут до подбородка.
— А, Сереженька, — тихо сказал он, и по щекам сразу же потекли быстрые, стариковские слезы. — Хорошо, что пришел... Хочешь выпить?
— Мне в ВАК надо, Витя, там трезвому-то несладко, а уж коли выпивши, да с моим характером...
— А я, знаешь, потягиваю. Иначе не могу — только глаза закрою и сразу же ее вижу...
— Да, горе страшное, Витя, даже и не знаю, что сказать тебе. Отчего не мы? Почему они, дети?
— Налей мне каплю, а?
— Спирт? — спросил Вогулев, налив в мензурку.
— Да. Помнишь, как учил меня пить?
— Это когда ты в болото провалился?
— Да.
— Я в прошлом году туда охотиться ездил. По дурости. Решил, что такая же глухомань, как была в сорок третьем. А там фарфоровый завод построили, дорогу провели, в деревнях антенны торчат...
— Ты когда видел Олю последний раз?
— Я ее никогда не видел, Витя. После войны все такие благополучные стали, такие спокойные. Это только горе людей сводит... Я ее не видал.
— Кто тебе об этом сказал?
— Гнидюк.
— Да, да, Микола... Он звонил мне...
Винтер выпил, натянул плед до подбородка, зябко поежился:
— К ней хочу, Сережа.
— Тебе еще работать надо, Витя.
— Зачем? Кому это надо? Ты еще что-то можешь, режешь, кромсаешь, смотришь в суть, а я теперь и скальпель в руки не возьму. А словам мы с тобой не верим...
— Почему ты не позвонил мне, когда Оленьку привезли в больницу, Витя?

— Меня вызвали из Дубны, когда все было кончено уже.

— Что вскрытие дало?

— Я не разрешил.

— Почему?

— По всем признакам — отек легких. Отчего? Такого я не помню, Сережа. Но я не мог, понимаешь, не мог разрешить вскрытие. Я ведь не одну ее похоронил, Сережа, я ее с ребеночком похоронил...

— Как?!

Винтер всхлипнул, потянулся тонкими, сухими, плоскими пальцами к мензурке.

— Не надо, Витя, ты ж белый совсем.

— Ах, перестань, пожалуйста! И лей больше.

Он выпил еще раз, положил ледяные пальцы на руку Вогулева:

— У тебя есть внуки?

— Внучка.

— Внучка, — повторил Винтер, — это замечательно, когда внучка, они нежнее... Я так мечтал о внучке, Сережа, господи, как я мечтал продлить счастье жизни, наблюдая младенца в доме...

— Ты убежден, что она хотела оставить ребенка?

— Я ничего не знал об этом, мне обо всем сказал Сережа...

— Муж, что ль?

— Ах, милый, не надо об этом! Муж за границей, а Сережа тот человек, который ее любил. Нет, нет, она рассталась с мужем, она же была такой честной, моя девочка, она бы никогда не посмела... Жизнь... Она еще не разведена, а он работает в каком-то секретном институте, и пошли бы парню жизнь ломать, ты же знаешь, как у нас любят ворошить чужое белье... Зачем ломать жизнь и ему? Оленьки нет, а он любил ее, пусть уж он, Сережа, не страдает. Налей еще, пожалуйста...

— Не хочешь перебраться ко мне, Витя? На время, а? Катя будет рада тебе, внучку мою понянчишь. Ну не плачь, не рви сердце...

— Спасибо тебе. Я не могу нигде быть. Скоро приедет Сережа, поселится у меня, и мы будем чувствовать все время рядом с собою нашу девочку.

— Витя, я очень тебя прошу, пока этот самый Сережа не приехал, давай я тебя заберу, а?

Винтер покачал головой, посмотрел на Вогулева громадными черными глазами, полными слез, и ответил:

— Сережа, когда я умру, похорони меня рядом с Оленькой, ладно?

Вернувшись в КГБ, Константинов собрал руководителей подразделений.

— Начинаем отрабатывать версию Дубова. Давайте-ка определим его для удобства «Лесником»: дуб — лес — «Лесник». Видимо, придется вести постоянную связь по телефону, счетчик включен, все теперь решают часы, хотя, — он отчего-то внимательно поглядел на Проскурина, — особенно сейчас всякого рода спешка и чрезмерная однолинейность могут сломать дело. В течение ближайших суток мы должны восстановить — желательно по минутам — все, связанное с последними часами жизни Ольги Винтер. Мы не имеем права никого допрашивать — это понятно, никакими уликами против Дубова мы не располагаем, поэтому работать надобно ювелирно. Это первое. Далее, необходимо проверить, кто, кроме Дубова, присутствовал на переговорах, когда министр экономики приезжал к нам в составе правительственной делегации Нагонии.

— Там был и министр обороны, — заметил Гмыря.

— Верно, только вопрос о поставках вел министр экономики. Третье. Необходимо доказать прокурору — это, видимо, придется делать мне — целесообразность эксгумации трупа и проведения экспертизы по поводу смерти Винтер. Но лучше бы, конечно, прийти к нему с более весомыми резонами, чем имеем мы.

— Куда уж больше-то, — заметил Проскурин.

— Для нас — да, но мы пойдем за санкцией на д е й с т в и я. Он спросит, какие у нас улики против Дубова. Что мы ответим?

— Ответим, что Лунс не зря сидит рядом с Дубовым в Пицунде.

— Это не ответ. Вы же не доказали прокурору, что Лунс из ЦРУ. Вот если мы возьмем его на разведоперации — тогда дело другого рода. Сейчас Лунс для всех — дипломат, радеет на ниве культуры, попробуйте доказать обратное. Я лично за это не возьмусь. Вся вновь поступившая информация, я подчеркиваю, в с я, должна быть у меня на столе, желательно в двух экземплярах — первый уйдет Петру Георгиевичу, немедленно по получении мною.

— Ну что ж, — сказал генерал Федоров. — Давайте с о б и р а т ь. Это сделаете вы или разрешите мне?

— Разрешу, Петр Георгиевич, — улыбнулся Константинов.

— Благодарствуйте. Ценю доверие. Начинаем с угла. Итак, Константинов рискнул предположить, и в результате его риска, который в данном случае был категорией разум-

ной, то есть обществу ничем не угрожающей, мы вышли на приблизительный район особого интереса ЦРУ. Это свидетельствовало, точнее, свидетельствует, что в Нагонии вот-вот польется кровь и что ЦРУ нужны постоянные данные о том, что мы знаем про их планируемые акции. Мы знали о них кое-что, но — не более того. Но мы до сих пор не знаем ни агента ЦРУ, работающего в Москве, ни его связника из посольства. Итак, радиограммы, которые мы перехватывали, ощущая собственное бессилие, заставили нас разбросать поиск широко, с захватом. Мы исследовали Зотова, Винтер, Парамонова и Шаргина. Дважды — с Шаргиным и Парамоновым — мы вставали на ложный след. Отпал Парамонов, отпал, что называется, стопроцентно. Как его ваши назвали-то? «Жлоб-макаронник»? «Жлоб» — понимаю очень точно, а почему «макаронник»?

— Потому что жене давал деньги на одни макароны. Раскормил беднягу до центнера, а потом пошел по девкам бегать.

— На голод ей надо было сесть, вода с медом.

— Так мед теперь на базаре куда как дорог, на те деньги, что он давал, не поголодаешь, Петр Георгиевич.

— Смешно, право... Голод дорогим стал, а? Н-да... Ладно. Парамонов отпал, и Шаргин отпал. Тоже стопроцентно. Наконец, Винтер. Странная смерть. Ураганный отек, говорите?

— Судя по тому, что вскрытие сделано не было, судя по тому, как Дубов смог нажать на старика Винтера, здесь что-то странное, Петр Георгиевич.

— Вы с самого начала возбудили уголовное дело по факту радиограмм, так что основание для законной эксгумации у вас — мне сдается — есть... Но ведь отец Ольги был против... вскрытия. Морально ли будет, пойди вы на эксгумацию?

— Жестоко — да, но морально, Петр Георгиевич.

— Какие выдвинете доводы?

— «Опасаясь разоблачения, агент ЦРУ уничтожил Винтер».

— Какого разоблачения боялся агент ЦРУ? Кто он? Улики? Почему Винтер могла его разоблачить? А может, она сообщница? И вообще произошел несчастный случай.

— Несчастный случай исключен.

— Факты?

— Мужчина, который ее любил, — а Дубов так говорил всем, — стремительно похоронив «любимую», уехал отдыхать. В первый же день он кладет себе в кровать девушку,

идет в бар и танцует! Понимаете, Петр Георгиевич, — танцует!

— Танцует? Ну сукин сын, а?! Н-да... Танцует. И это что — улика?

— Еще какая.

— Это, увы, не улика. У меня нет улик. У вас, впрочем, тоже. Но я хочу спросить: у вас и у Славина достаточно фактов, чтобы вообще исключить Зотова из числа подозреваемых?

— Я привык верить Славину.

— Я, знаете ли, тоже, но, тем не менее, вы мне не ответили.

— Если Славин настаивает на честности Зотова, я не могу ему не верить.

— Мне не нужны утверждения по поводу зотовской честности. Мне нужны факты по поводу его непричастности к этому делу, Константин Иванович.

— Я сейчас же отправлю Славину телеграмму. Хотя я подготовил совершенно иную — добро на возвращение.

— Придется переписать. — Генерал Федоров снял трубку, правительственного телефона, набрал номер. — Алло, здравствуйте, когда вы ждете Василия Лукьяныча? Ах, улетел... Понятно, а кто на хозяйстве? Ага, спасибо. — Он набрал второй номер. — Николай Григорьевич, здравствуйте, это Федоров, из КГБ, добрый день. Да, ничего, спасибо. Николай Григорьевич, у меня вопрос — вы принимали участие в переговорах с Нагонией? Именно. А кто готовил материалы? Нет, нет, я имею в виду специальные поставки. Так. Ясно. Из какого отдела? Дубов? Мой заместитель к вам собирается, генерал Константинов, найдете время? Ах, вот в чем дело, ну-ну. Спасибо. До свидания.

Петр Георгиевич положил трубку, снял очки, спрятал их в футляр.

— Вот так, — сказал он. — По вопросам экономики материалы готовил Дубов. А вас поздравляю — у него уже сидит Проскурин, четко работаете, генерал, четко. Готовьте постановление, связывайтесь с Прокуратурой, будем эксгумировать труп.

В заключении специалистов, участвовавших в эксгумации трупа Винтер и проведении экспертизы, говорилось, что «отек обоих легких был вызван применением препарата с острым запахом, неизвестного нашей фармакологии. При исследовании остатков препарата выяснилось, что потеря

сознания могла наступить через тридцать — сорок секунд после применения препарата, однако смерть приходит значительно позже. Поскольку препарат нам неизвестен, то действия врачей, оказывавших первую помощь О. В. Винтер, следует считать совершенно правильными; мы, нижеподписавшиеся, не знаем, какое противодействующее средство можно было применить, дабы спасти жизнь Винтер. При этом на поставленный перед нами вопрос о беременности покойной следует дать отрицательный ответ.

Мы должны также дать отрицательный ответ и на вопрос о наличии в организме покойной каких-либо следов хронического легочного заболевания. Можно утверждать, что покойная до введения в ее организм неизвестного препарата была абсолютно здорова».

«Славину.

По возможности ускорьте ответ на вопрос о представительстве «Кук и сыновья». Интерес к Дубову тщательно маскируйте.

Центр».

«Центр.

Представительства «Кук и сыновья» в Луисбурге нет. Для Дубова двухкомнатный люкс номер 1096 был снят двенадцать раз, начиная с марта 1976 года по июль. Стоимость номера 95 долларов в сутки. Ежемесячная заработная плата Дубова в период с марта по июль составляла 500 долларов.

Славин».

ГЛЭББ

— Вы один, Эндрю?

Зотов удивленно отступил в прихожую, в темноте лестничной площадки (он снимал квартиру в доме, где рано ложились спать) стояла Пилар. Лицо ее в темном обрамлении волос было тревожным, бледным.

— Входите, Пилар, рад видеть. Как вы меня разыскали?

— Милый, милый Эндрю...

— Что случилось? Вы чем-то встревожены. Заходите же.

— Спасибо. Можно пройти на балкон?

— Куда угодно. Только там еще более душно, чем здесь.

— Эндрю, выслушайте меня. Я пришла сказать вам не про то, что люблю вас и готова быть с вами где угодно: в России ли, если захотите меня взять туда; здесь ли, если решите остаться; в другом ли месте, если надумаете уехать. Погодите, Эндрю, вы обещали меня выслушать. Вы не видели Глэбба два дня, я — тоже. Он не просто торговец, Эндрю, он, мне кажется, связан с СИА.

— С кем?

— СИА. Так мы, испанцы, называем ЦРУ. И не появляется он неспроста, милый Эндрю. У них что-то случилось. Я не знаю, что у них случилось, но Лоренс сказал, что теперь после того что произошло, они могут подвести нескольких русских, вас — в том числе.

— Что за ерунда, Пилар?! Я ничего понять не могу.

— Нежный мой, седой человек, вы поймете меня. Я бы никогда не посмела прийти к вам с этим, Эндрю, но та женщина, которая не позволяла мне прийти к вам с этим признанием раньше... Словом, Ольги нет, более, она умерла...

— Что?!

— Да. Скоропостижно умерла, ее похоронили два дня назад...

Зотов присел на краешек плетеного стула, оперся локтями о решетку балкона, сжал ладонями виски....

— Почему же никто ничего не сообщил? Да послушайте же, это бред, это глупая шутка, этого не может быть, Пилар!

— Тише. Родной мой человек, это правда.

— Какой же код... — Зотов поднялся. — Вы не знаете, какой код в Париж? Говорят, что можно звонить через Париж. Как вы узнали про Ольгу? Что с нею? Автокатастрофа?

— Я не знаю подробностей. Я знаю одно: ее нет больше. Я не знаю парижского кода, если хотите, я закажу разговор через Мадрид. У вас нет чего-нибудь выпить, меня всю трясет...

— Там... В баре. Сейчас.

— Я возьму, не тревожьтесь. Вам со льдом?

— Что? Да, со льдом. Нет, не надо льда, налейте стакан, безо всякого льда.

Пилар принесла на подносе рюмку красного вина себе и большой фужер с виски для Зотова. Она неотрывно смотрела, как он медленно выпил; закурила ему сигарету — пальцы ее были холодны и нежны, она провела ими по лицу Зотова, как слепая, трепетно и осторожно.

— Нежный вы мой, — продолжала она шепотом, — я чувствую над вами горе, тяжесть я чувствую, позвольте

мне остаться подле. Я знаю, вам это запрещено, но я буду жить здесь так, что никто не узнает и не увидит меня. Или давайте я увезу вас к себе...

— Что? Погодите, Пилар, я пока ничего не понимаю, милая. Вы убеждены, что в Москву можно позвонить через Мадрид?

Пилар сняла трубку телефона — квартира, которую занимал Зотов, была нашпигована аппаратами, даже в ванной стоял розовый телефон — и набрала код Мадрида.

— Росита, здравствуй, родная. Да, я. Ты можешь помочь мне? Да, очень важно. Это для человека, которого я люблю, я писала тебе, это Зотов. Да. Спасибо. Закажи немедленно Москву, отсюда дозвониться невозможно. Да. Записывай номер. Какой номер, Эндрю?

— Сейчас. Спасибо. А куда же звонить, если ее нет? Мой домашний... Погодите. Я забыл. Но ведь...

— С кем вы хотите говорить?

— С ее отцом...

Пилар продиктовала номер:

— Росита, как только дадут Москву, звони мне по коду, сюда, я сейчас у Эндрю. Восемьсот три пятнадцать сорок восемь. И держи трубку к трубке. Я... Мы ждем, мы очень ждем, Росита. Это так важно для нас...

Через два часа Пилар вышла из квартиры. В машине ее ждал Глэбб. На другой стороне стоял звероподобный «форд», набитый пассажирами в шляпах.

— Ну? — спросил Глэбб. — Как?

— Знаешь, мне жаль его.

— Мне тоже. Тем не менее, ты его уложила?

— Мне его жаль, — повторила Пилар. — Дай мне, пожалуйста, сигарету, мои кончились.

— Жалей «Умного», гвапенья. Он — твой компаньон, как-никак. Мы работаем жестокое дело, и надо уметь контролировать сердце.

— Я не уложила его, Джон. Это было бы противоестественно, поверь, я женщина, я это чувствую лучше. Ты ошибся в расчете.

— Я не ошибаюсь, когда рассчитываю мужчин. Как он отнесся к тому, что может быть скандал?

— Он даже не спросил об этом. Словно и не слышал. Или, может, не понял.

— Хорошо. Как ты думаешь, он придет к тебе завтра?

Пилар покачала головой отрицательно.

— Он не придет, Джон. Он завтра же улетит в Россию.

— Их самолет ушел сегодня, остается пятница.

— Он улетит любым рейсом.

— Им нельзя. Они летают своим рейсом. Он никуда завтра не улетит...

— Едем?

— Погоди. Я устал...

— От чего?

— От ожидания, Пилар. Я очень устал, ожидая тебя, девочка. Я устаю, когда ты работаешь. Это очень трудная работа — ждать...

Через три часа Глэбб получил запись разговора Зотова с Роситой; она соединила его со стариком Винтером; слышимость была отвратительной, но все же Зотов услыхал: «Оленьки больше нет».

Через три часа сорок минут Глэбб приехал в «Хилтон» и поднялся в бар — он знал, что Пол Дик сейчас там, пьет свое пиво и пишет фломастером на салфетках. Глэбб удивился, когда понял, что пишет тот не корреспонденции, а стихи.

— Привет, Пол, пьете в одиночестве и не знаете о скандале в нашей богадельне?

— У нас их слишком много. В какой именно?

— В ведомстве Лоренса.

— Нашего главного шпиона?

— Именно. У него ломанули сейф. Если это сделали чужие — тогда никто ничего об этом не узнает, а если работнули здешние гангстеры — надо ждать требования о выкупе, и бедному Лоренсу придется платить; материалы, видимо, того стоят. Он так хорошо конспирировал, этот Лоренс, что ребята твердо уверовали: он хранит в своем сейфе доллары. Странная, кстати, манера — снимать для такого рода офиса апартамент в отеле.

— Почему же об этом ничего здесь не слышно?

— Потому что хозяева «Хилтона» умные люди. Разве можно отпугивать клиентуру?

— Какой у него номер?

— Не вздумайте сослаться на меня — шестьсот восьмой.

— Он у себя?

— Откуда я знаю? Если у себя — расскажете мне, как он прореагирует на ваш визит.

Пол Дик странно усмехнулся, сполз со стойки, обернулся к бармену:

— Я надеюсь вернуться. Если тот джентльмен решит выпить — сделайте ему один «хайбл» за мой счет.

Глэбб посмотрел ему вслед задумчиво, с доброй улыбкой и попросил бармена:

— Налейте стакан апельсинового сока за мой счет.

Через три часа пятьдесят две минуты Роберт Лоренс, хмуро оглядев Пола Дика, спросил:

— От кого к вам пришла информация такого рода?

— Я не открываю источников моей информации, мистер Лоренс, я хочу лишь получить ответ — правда ли, что секретные материалы, связанные с государственными интересами нашей страны, ушли на сторону?

— Я не комментирую этот вопрос.

— Позвольте мне сформулировать иначе: правда ли, что группа неизвестных пыталась похитить документы той фирмы, где вы работаете?

— Да, это так.

— Тогда я хотел бы узнать, правда ли, что вы являетесь сотрудником Центрального разведывательного управления?

— Я не имею к этой организации никакого отношения, я представляю «Интернэйшнл телефоник».

— Какого рода интерес могут представлять документы вашей фирмы и для кого?

— Имена наших контрагентов, объем поставок, цены — все это представляет интерес для конкурентов.

— Вы утверждаете, что ограбление было совершено вашими конкурентами?

— Именно так. Теми, кто хочет помешать развитию добрых отношений между нашей страной и Луисбургом.

— Если ваша фирма честно работает, как можно помешать ее отношениям с Луисбургом, мистер Лоренс?

— Любую честную работу можно фальсифицировать, любого человека можно вымазать грязью. Это все, что я могу сказать, благодарю вас.

— Последний вопрос, мистер Лоренс.

— Я отвечу на ваш последний вопрос.

— Вы тот самый Роберт Лоренс, служащий «Интернэйшнл телефоник», который давал показания в конгрессе по поводу заговора в Чили?

— Я давал показания в том смысле, что мы не имели никакого отношения к трагедии, произошедшей в Сантьяго. Но мне бы не хотелось, сэр, чтобы ваш вопрос и мой ответ попали на страницы газеты.

— Вы обращаетесь ко мне с просьбой, и я готов выполнить вашу просьбу, но — в таком случае — выполните и вы мою: что украли, мистер Лоренс?

— Вы же бывалый человек. Неужели вы не понимаете, что я не могу вам ответить? Неужели вы не понимаете, что мой ответ может подвести людей; хороших — поверьте моему слову — людей, верных и надежных компаньонов в нашем честном деле.

Через пять часов двенадцать минут директор полиции Стау позвонил Глэббу, который сидел напротив Лоренса у телефона, и сказал:

— Все в порядке.

Глэбб осторожно положил трубку, вздохнул — глубоко, облегченно — и рассмеялся:

— А вот теперь, босс, я с радостью выпью рюмку хорошего хереса.

Он имел право выпить рюмку горьковатого испанского вина, потому что полиция, вызванная соседями (звон разбитого окна), застала Зотова связанным, оглушенным; в его квартире все было перевернуто вверх дном. Агенты криминальной полиции — к вящему их удивлению — обнаружили в темной кладовой портативный радиопередатчик, а в нижнем ящике стола — шифровку: цифры были точно такими же, какие в течение последнего года перехватывала советская контрразведка; когда Зотов, в госпитале уже, пришел в себя, на вопрос о передатчике отвечать следователю отказался, вызванный полицией советский консул задал ему такой же вопрос; Зотов сказал, что все произошедшее — провокация, и попросил отправить его в Москву.

— Это будет решать суд, господин Зотов, — ответил ему полицейский следователь. — В вашей квартире обнаружены предметы, запрещенные в нашей стране к ввозу. Видимо, господин консул понимает, что я не могу нарушать закон моей родины. Пока мы не установим, каким образом вы ввезли в Луисбург передатчик, что передавали, кому и о чем, мы не вправе разрешить выезд; более того, ваша палата отныне будет под нашей охраной.

Вечерние газеты вышли с заголовками: «Русский шпионаж в Луисбурге».

И лишь единственное издание, близкое к американскому посольству, опубликовало странный комментарий: «Пере-

датчик — в тех странах, которые считают себя свободными, — не есть улика. Колонка цифр может и не быть шифром, так что арест русского инженера представляется нам досадной ошибкой, если не преступлением, ибо, как нам стало известно, одна американская фирма подверглась такого же рода ограблению, причем неизвестные, казалось, не искали денег. Чья же рука руководит ими?»

Прочитав этот комментарий, Славин позвонил Глэббу:

— Джон, привет вам, как поживаете?

— Здравствуйте, дорогой Вит, рад вас слышать. Как вы?

— Прекрасно. Куда пропал Пол?

— По-моему, он заперся в номере и пишет, он мне говорил, что обладает сенсационной информацией.. Не хотите вместе пообедать?

— С удовольствием. Только сначала я постараюсь прорваться в больницу к Зотову.

— Почему в больницу? Что с ним?

— Вы не читали газет? — спросил Славин и ясно представил ликующее лицо Глэбба. — Отстаете от жизни. Он чей-то шпион.

— Перестаньте, он — милейший человек.

— Шпион обязан быть милейшим человеком, если только он профессионал, а не любитель. В семь я жду вашего звонка, о'кэй?

— Я позвоню к вам, Вит, передайте привет Зотову, я его вспомнил наконец — русские фамилии, языковый барьер. Спросите его, может быть, надо чем-то помочь?

— Спасибо. Обязательно, Джон, вы очень добры.

ТЕМП

«Дорогой друг, мы рады передать вам привет от очаровательной «П». По ее просьбе сообщаем вам, что ваши дела идут хорошо и те акции, которые она приобрела из вашего гонорара, вложены в дело надежно, можно ожидать двенадцати — тринадцати процентов на единицу вложения. Сообщаем, что ваш гонорар составляет 32 772 доллара 12 центов. Однако, поскольку вы просили прислать вам лекарства, изделия из золота и серебра, мы вычли из гонорара 641 доллар 03 цента, следовательно, окончательная сумма к выплате составляет 32 131 доллар 09 цента. Должны сказать, что ваша информация представляет исключительный интерес. По оценке нашего руководителя, вы вносите громадный вклад в дело освобождения Нагонии от комму-

нистической тирании. Мы просили бы вас продолжать информировать нас постоянно. Более всего нас интересует на этом этапе тот же вопрос: известно что-либо Москве о нашей помощи группам оппозиционеров и если известно, то что именно? Следует ли ожидать расширения помощи режиму Грисо? По-прежнему мы высоко дорожим вашей оперативной информацией о том, когда и откуда выходят караваны судов. В ближайшие дни мы перешлем вам новые рекомендации и все то, о чем вы просили в прошлом сообщении. Хотим порадовать: все ваши опасения могут теперь быть перечеркнуты. Известный вам человек введен нами в игру «операция прикрытия», и все возможные подозрения будут обращены на него — во всяком случае, в течение ближайших нескольких месяцев. Затем мы, вероятно, законсервируем на какое-то время радиосвязь и обсудим новые формы нашей дальнейшей работы. От всего сердца приветствуем вас, ваши друзья «Л» и «Д».

«Центральному разведывательному управлению.

Мы были бы глубоко признательны, если бы вы смогли передать вашу последнюю информацию по ситуации в Нагонии. Наше посольство полагает, что группа Огано выражает свои симпатии Пекину весьма неквалифицированно. По мнению наших наблюдателей, «работа» сделана наспех, ибо Африка убеждена в том, что войска Огано проходят подготовку под руководством советников ЦРУ и что радикализм Огано санкционирован Вашингтоном. В достаточной ли мере контролируемы контакты Огано? Мы ждем однозначного ответа, ибо предполагаемые акции, сориентированные на африканский континент, должны быть соответствующим образом мотивированы на международной арене.

Отдел исследований
Государственного департамента».

«Луисбург, резиденту ЦРУ Роберту Лоренсу.

Прокорректируйте публичные высказывания Огано. Он слишком явно повторяет доводы Пекина при том, что, по мнению Гос. департамента, его контакты с нами просматриваются весьма очевидно, и, таким образом, африканцы имеют возможность подозревать его в неискренности. Это мнение сходится с информацией агента «Умный» из Москвы. Дайте указание Огано еще более резко отмежеваться от

«империализма» и подвергнуть критике «пассивность» Государственного департамента в его «слишком осторожном сдерживании» прокремлевских элементов.

Заместитель директора ЦРУ *Майкл Вэлш*»

Из речи посла по особым поручениям США:

— Когда мою страну упрекают в поддержке сепаратистов и называют при этом сторонников мистера Огано, я не перестаю поражаться недобросовестности такого рода обвинителей. Речи мистера Огано проникнуты духом радикализма, его критика в адрес моей страны не оставляет сомнений у беспристрастных наблюдателей в том, что этот человек далек от тех идеалов, которым мы преданы. Мое правительство не может нести никакой ответственности за действия мистера Огано; связывать его каким-то образом с целями и методами вашей внешней политики — значит клеветать на мою страну и ее правительство...

«Пекин, министерство иностранных дел.

Огано проинформировал меня о плодотворных совещаниях, которые он провел с известным вам Лоренсом. Огано во время этого совещания была обещана новая партия вертолетов, минометов и тридцать легких танков, которые, видимо, будут решать исход предстоящих в скором времени событий.

Ду Лим, посол КНР в Нагонии».

ПОЛ ДИК

«Ваш корреспондент Пол Дик ведет этот репортаж из джунглей, которые выходят к берегу океана; здесь штабквартира армии генерала Огано, лидера националистов Нагонии.

— Мистер Огано, на кого вы опираетесь в вашей борьбе?

— Народ Нагонии поддерживает мои идеи — от мала до велика; народ Нагонии ненавидит Джорджа Грисо, этого интеллигентика, далекого от тех чаяний, которыми живет нация.

— Каковы чаяния нации?

— Свобода и независимость.

— Генерал, вас называют ставленником Пекина, как вы можете прокомментировать такого рода утверждения?

— Меня еще называют агентом ЦРУ. Продажные щелкоперы, купленные Москвой и Гаваной, пытаются бросить на меня тень. Я ненавижу американский империализм, ибо он является оплотом мировой реакции. Идеи Мао мне представляются весьма интересными, но это не значит, что я хоть как-то связан с Пекином. Моя борьба субсидируется народом; пожертвования идут от племен; мы вооружены не столько автоматами, сколько поддержкой нации.

— Грисо повторил уже дважды, что он готов сесть за стол переговоров и решить спорные проблемы миром. Как вы относитесь к этим его заявлениям?

— Я не верю ни одному его слову. Он реагирует только на одно — на силу. Я и стану говорить языком силы — таково желание нации, а я подчиняюсь лишь воле моих соплеменников, все остальное для меня — клочок бумаги.

Это говорит генерал Марио Огано мне, вашему корреспонденту Полу Дику; палящий зной, легкий бриз с океана; заросли тростника; армия Огано живет ночью; днем жизнь замирает — здесь опасаются неспровоцированного нападения войск Нагонии. Марио Огано — высок, крепок, на нем куртка хаки, на боку кольт, движется он стремительно; генерал спит в палатке, питается пищей народа — кокосовыми орехами и сыром.

— Генерал, как вы оцениваете позицию Вашингтона?

— Вообще или применительно к проблеме Нагонии?

— И так и эдак.

— Я не собираюсь скрывать свое негативное отношение к вашингтонской администрации. Иначе и быть не может, вами правят капиталисты, спруты большого бизнеса. Тем не менее в моей борьбе против Грисо, или — говоря шире — против Москвы, я готов вести переговоры даже с Вашингтоном. Что же касается позиции Вашингтона по отношению к Грисо, хочу заметить, что половинчатость никогда еще не приносила положительных плодов. Администрация до сих пор поддерживает дипломатические отношения с Грисо; ваша администрация до сих пор не признала мое движение единственным, представляющим мою нацию; ваша администрация до сих пор не ответила на мою просьбу о продаже оружия — конгресс, мне кажется, больше думает о возможной реакции Кремля, чем об интересах мира и демократии на Африканском континенте.

— Правда ли, что вашу армию тренируют советники из Пекина?

— Идиотская ложь, в которой нет ни грана правды.

— Правда ли, что вы поддерживали контакты с людьми из ЦРУ?

— Если бы вы не были журналистом, я бы ударил вас — мы не прощаем обид! Как же я могу общаться с ЦРУ, если я служу одному лишь — национальному патриотизму?!

— Объясните моим читателям и слушателям, что для вас означает понятие национального патриотизма?

— Для меня это не понятие — для меня это сама жизнь. Национализм — высший смысл патриотизма. Я мечтаю, чтобы у Нагонии были свои самолеты — на наших, кажется мне, я никогда не разобьюсь; смысл патриотизма — в его индивидуализме, базирующемся на национальном чувстве. Я намеренно привел грубый пример, но вы, американцы, деловая нация, с вами надо говорить открыто: да, я не испытываю уверенности, когда лечу на самолете французской или британской авиакомпании; лишь когда человек летит на самолете своей страны, он обретает уверенность и бесстрашие. Вы не согласны со мной?

— Я обычно летаю на «САС», генерал. Может быть, я плохой американец, но я не люблю летать на «Панамэрикэн», там иногда заставляют молиться перед взлетом.

— Что ж, отсутствие национализма, подшучивание над ним может себе позволить гражданин высокоразвитой страны, для нас же национализм является оружием, отступление от него мы считаем предательством и караем за это по законам военного времени.

— В печати появились сообщения, что вы намерены выступить против Грисо в самое ближайшее время. Так ли это?

— Мы не собираемся нападать на Грисо, это ложь. Мы придем в Нагонию в тот день и час, когда нас призовет туда нация».

ПОИСК-VIII

«Центр.

Продавец римского филиала «Кук энд Стайн» полагает, что серьги, фотографию которых я ему предъявил, были проданы летом прошлого года иностранцу, хорошо говорившему по-испански, хотя, видимо, его родным языком был английский.

Рыбин».

«Славину.

Срочно уточните, каким рейсом возвращался в Союз Дубов? Где он жил в Луисбурге?

Центр».

«Центр.

Дубов возвращался в СССР из загранкомандировки, во время которой он жил в доме для советских специалистов, через Рим в июле 1977 года. Провел в Риме три дня, получив транзитную визу на 72 часа в аэропорту. Из бесед с Глэббомскладывается впечатление, что он весьма озабочен нападением на Зотова и его арестом. Однако его озабоченность просматривается слишком явно.

Славин».

Константинов, сопоставив все эти данные, поручил капитану Никодимову провести «встречу» с Дубовым. Тридцатилетний капитан нравился ему, в нем был особого рода стержень, крайне важный для контрразведчика: он не боялся опровергать сам себя, разбивал свои же доводы, казавшиеся ранее бесспорными, кое-кто бранил его за это — «торопыга»; Константинов, наоборот, отличал постоянно — думающий человек обязан сомневаться, нет ничего скучнее постоянной убежденности в собственной правоте.

Его-то, капитана Никодимова, добрый приятель Игорь Куценко работал в одном отделе с Дубовым. От Игоря Куценко капитан Никодимов узнал, что Дубов прилетел ночью, а утром, как обычно по субботам, пойдет в Сандуны.

— Мы имеем право, — сказал Константинов, — на основании возбужденного нами уголовного дела приступить к розыскным мероприятиям — время настало.

— Знакомься. Сережа, это мой приятель, на одной парте сидели.

— Никодимов.

— Дубов.

— Предпочитаете здешний пар сауне? — спросил Никодимов. — Следуете врачебным советам?

— Да я как-то к их советам не очень прислушиваюсь. Исповедую фатализм — что на роду написано, то от тебя не уйдет.

Куценко засмеялся:

— Капитулянство это, Серж.

— Как знаешь, только можно слушаться врачей, а сыграть в ящик от пьяного шофера. Разве нет? — обернулся Дубов к Никодимову. — Вас, простите, как зовут?

— Антон.

— А по отчеству?

— Петрович.

— Чуть не Павлович, — заметил Дубов. — Но все равно А. П. Мелочь, а приятно. Где работаете?

— В госбезопасности, а вы?

— Уважаю вашу фирму. У меня там есть знакомый. Майора Громова не знаете?

— Откуда он?

— Я чужие секреты не открываю, — ответил Дубов. — Т-сс, враг подслушивает — так, кажется?

Никодимов улыбнулся:

— Одно спокойное место — баня, можно душу отвести. Кто откажется от чешского пива — поднимите руки.

— Как ни горько мне тянуть руку, но придется отказаться, — сказал Дубов. — У меня сегодня голодный день, раз в неделю, как у йогов.

— Действительно, легкость чувствуете?.. — спросил Никодимов.

— Действительно. Йоги — откровение нашего века, Антон Петрович. За границу еще не ездили?

— Нет.

— Пошлют — купите книг по йогам, искренне советую. Хотите, продемонстрирую йогу в действии?

— Очень хочу.

Дубов раскурил сигарету, приложил ее к коже у локтя, посмотрел на Никодимова и Куценко быстрыми и — как показалось капитану — смеющимися глазами:

— Видите? Я не реагирую на боль. Йога позволяет выключать какие-то чувства без всякого урона для психики. Вы спрашивали, где я работаю: мы работаем вместе с Игорем — разве он не сказал вам?

— Так он и не спрашивал, Серж.

— Новая генерация, — усмехнулся Дубов, сбрасывая простыню, — доверие и убежденность. Пошли париться?

Он пропустил Куценко и Никодимова, дошел с ними чуть не до двери в банное отделение, потом внезапно повернул назад:

— Идите, я догоню.

Куценко хотел было подождать, но Никодимов подтолкнул его:

— Пойдем, догонит, дело, может, какое у человека.

Дубов вернулся на место, налил себе пиво в тот стакан, из которого только что пил Никодимов, сделал быстрый глоток и побежал в парную.

Парился Дубов обстоятельно — как работал; обскребывался мыльницей, кожа его сделалась сине-красной, он отдувался, повторяя:

— Ну счастье-то, а?! Ну и счастье!

(Никодимов улыбался ему, а видел взбухшее тело Ольги Винтер, когда ночью ее вынули из гроба на Троекуровском кладбище и повезли в сельскую больницу на вскрытие; ни в одну из московских клиник по соображениям конспирации везти не решились: одно слово старику Винтеру — и все станет известным Дубову, а если он действительно агент ЦРУ?

Проскурин тогда, в маленькой оцинкованной комнате районного морга, спросил Константинова:

— И вы еще сомневаетесь, что Дубов и есть тот самый «дорогой друг»?

— Когда и если мы возьмем его с поличным — перестану.)

...После первого захода в парную Дубов укутался двумя простынями и пошел делать педикюр.

Именно в этот-то момент Никодимов отдал все костюмы в утюжку.

Дубов, однако, не рассчитал, очередь его прошла, и он вернулся на свое место. Никодимов по-прежнему угощал Куценко пивом; казалось, портфель его был бездонным.

— А где мой костюм? — спросил Дубов, не глянув даже на вешалку, — казалось, он замечал все, что происходило вокруг него.

— Я сдал в утюжку — Игоря, ваш и мой.

— Не надо бы, Антон Петрович, я в банях не глажу, я это умею делать сам. Ну да ладно... Хорош пар, а?

— Пар хорош, — согласился Никодимов. — Надо будет в следующий раз соли принести.

— А зачем? — удивился Куценко.

— Эх вы, парильщики, — улыбнулся Никодимов. — В старину мазали тело медом, сейчас солью, стимулирует потовыделение, килограмм — долой, способ апробирован на себе, чудо что за способ.

— Берем на вооружение, — сказал Дубов и, блаженно закрыв глаза, откинулся на спинку дивана.

Когда банщик принес костюмы из гладилки, Дубов нечаянно тронул карман пиджака — там ли ключи; на месте; успокоился.

Подполковник в отставке Сидоренко, сосед Дубова, достал из футляра очки в старомодной металлической оправе, водрузил их на мясистый нос, внимательно посмотрел на Константинова и спросил:

— В болезнь тридцать седьмого года не впадаем, товарищ генерал? В эдакий синдром подозрительности?

— Нет, товарищ Сидоренко, не впадаем.

— Убеждены?

— Я не могу вам открыть всех фактов. Я могу лишь поделиться сомнениями.

— Извольте.

— Представьте себе, что человека приглашают в докторантуру — он отказывается....

— Если вы имеете в виду Сергея Дмитриевича, то он пишет докторскую, не прерывая работы по специальности.

— Я бы хотел в этом убедиться. А вы? Представим себе далее, что человеку предлагают работу в той организации, где денег платят на сто рублей больше и должность порядком выше...

— Если вы имеете в виду Дубова, то он лишен алчности — живет очень скромно.

— Но когда человек, отказываясь от предложений, которые ему сделали, всеми силами стремился попасть в секретный отдел, к которому приковано внимание разведок, — как бы вы к этому отнеслись?

— Это рецидив тридцать седьмого, товарищ генерал, — убежденно сказал Сидоренко. — Так каждого человека можно подверстать под шпиона.

— Хорошо. Я даже, признаться, рад, что вы так его защищаете. Одно лишь вы не вправе сделать — вы не имеете права рассказывать вашему соседу об этом разговоре.

— Это я обещаю.

— Как вы относились к Ольге Винтер?

— Она была чудесным человеком. Чудесным.

— Дубов любил ее?

— Он хорошо к ней относился.

— У него бывали другие женщины?

— Мы живем в такое время, когда на это стали смотреть иначе. И потом, я против того, чтобы человека из-за какой-то связи, случайной связи, обвиняли в семи смертных грехах.

— Я тоже против этого, поверьте. Просто меня — чисто по-человечески — интересует ваше мнение: любил он ее или нет?

— По-моему, да. Он сильный человек, волевой, он поставил перед собою задачу — добиться высокого положения

по работе, поэтому, видимо, временами бывал угрюм с нею, но это не оттого, что она его тяготила, мне кажется. И потом, она очень... как бы это вернее сказать... демократична... была, что ли... Умела понимать молодого, умного мужчину...

— А она его любила?

— Очень. Оттого-то и принимала целиком.

—Целиком ли?

— Бесспорно.

— Вам Дубов говорил, что Оля Винтер умерла от воспаления легких?

— Я это сам видел, товарищ генерал.

— Тогда ознакомьтесь, пожалуйста, с заключением медиков.

...Кавалер трех орденов Красного Знамени, потерявший под Бреславлем от власовской пули жену, девятнадцатилетнюю сестру милосердия Ирочку, которая была на третьем месяце беременности, оставшийся одиноким — зарок на верность дал рыцарский, — Сидоренко тридцать послевоенных лет искал смерти: работал в угрозыске, в бандотделе, лез под выстрел, не получил и царапины; когда с бандитизмом покончили, уехал в Арктику; первым высаживался в таежную глухомань, забивал колышек — стал строителем; получил за Тюмень «Знак Почета», стукнул инфаркт, дали комнату в Москве, проводили на пенсию. На вопрос о том, отчего не вступил в партию, отвечал на первый взгляд странно: «Оттого, что жену не уберег и маленького, они приняли мою пулю». Однажды, впрочем, добавил: «Академик Туполев хорошо как-то сказал на митинге: «Я хоть и беспартийный, но Родину тоже люблю».

— Вы полагаете, что Олю отравил Дубов? — спросил Сидоренко после тяжелой паузы.

— Поверьте, я хотел бы ошибиться. Для этого-то мне и нужно ваше согласие на то, чтобы вы поехали сейчас с нашими товарищами, сели за стол и постарались восстановить жизнь Дубова — день за днем, с тех пор, как он вернулся из-за границы.

В комнате Дубова был абсолютный, несколько даже монастырский порядок; письменный стол, на котором стоял сверхмощный приемник «Панасоник»; большая лампа — бронза и кость; странно диссонировал с этими двумя вещами длинный китайский фонарь — три двадцать, чаще всего продают в «Военторге», очень хорош на рыбалке и охоте.

Книги на полке были тщательно протерты, все больше классика, подобрано аккуратно, по размерам и цвету корешков. В томике Диккенса были заложены три тысячи рублей хрупкими сторублевыми купюрами.

За день до этого разговаривали с племянником Дубова, тот рассказал, как «Сережа пунктуален» в денежном отношении: «Взял у меня сто рублей, ему вечно не хватает, так отдал в течение трех месяцев — по тридцатке из каждой зарплаты, точно к сроку».

В столе царил такой же порядок — скрепленные листочки оплаты света и газа, — ни писем не было в его столе, ни адресов и телефонов, словно бы жил здесь человек, который знал, что к нему могут прийти, и поэтому заранее готовившийся к визиту: «Смотрите, пожалуйста, все открыто, вот он я перед вами — весь насквозь».

Никаких зацепок, не то что улик, комната Дубова не давала. Три тысячи, спрятанные в книге? Нюанс это, а не улика.

...После возвращения из Сандунов «Лесник» врезал в дверь своей комнаты второй замок, купленный им по дороге из бани, затем спустился во двор, завел машину «Волга» номерной знак «27 — 21» и выехал на Садовое кольцо. Около метро «Парк культуры» он развернулся и, оставив машину около Института международных отношений, сел в метро, доехал до станции «Библиотека имени Ленина» и, покинув станцию, вышел на Калининский проспект. Здесь, не входя ни с кем в контакт, он подошел к магазину «Мелодия» и остановился, посмотрев на часы. В 17.20 к нему подошла девушка невысокого роста, черноглазая брюнетка, в синем джинсовом костюме, вместе с которой «Лесник» сел в метро на станции «Арбатская» и вернулся к машине в 17.59. Вместе с «Черненькой» «Лесник» поехал в ресторан «Русь», где им был заказан ужин — четыре порции зернистой икры, салат из свежих овощей, масло, поджаренный черный хлеб, филе с шампиньонами под красным вином и кофе с мороженым. Из алкогольных напитков «Лесник» заказал сто граммов коньяку марки «КВ», которым угостил «Черненькую», сам же ничего не пил. В 21.45 «Лесник» вернулся с девушкой домой, где они остались ночевать.

«Дорогой друг, нас по-прежнему интересуют вопросы, связанные с тем, что нового известно Москве о ситуации на границах с Нагонией, о группе Огано, о его планах. При этом ваша информация о поставках Нагонии очень помогла нам предпринять ряд встречных шагов. Известен ли вам некий Виталий Славин? И если — да, что вы о нем знаете? Просили бы вас в течение этого месяца выходить с нами на связь не два раза, как это было раньше, а, по крайней мере, четыре. Информация, переданная вами позавчера, доложена самому большому руководителю. Он дал ей высокую оценку. От всего сердца поздравляем вас.

Ваши друзья *«Д» и «Л»*.

«Пентагон.
Помощнику министра обороны.

День «Факел» назначен на следующую субботу. К этому времени 9 подводных лодок, а также авианосец должны находиться в пункте «Х», что позволит нанести стремительные ракетно-бомбовые удары по столице Нагонии.

Помощник директора ЦРУ
С. Персмэн».

«Государственный департамент, отдел исследований и разработок.

Выполняя Вашу просьбу, пересылаем Вам некоторые материалы, связанные с проблемой Нагонии. Поскольку материалы относятся к числу высших секретов ЦРУ, убедительно просим сегодня же вернуть их, ознакомив с ними лишь ограниченный круг работников, а также аппарат посла по особым поручениям.

С лучшими пожеланиями,

Майкл М. Вэлш, заместитель директора ЦРУ».

Из выступления посла по особым поручениям:

— Наращивание русской помощи Нагонии вселяет тревогу в сердца африканцев, в сердца людей всего мира. Мы убеждены в том, что правительство Грисо, посаженное во дворец под охраной штыков, не сможет управлять страною в течение сколько-нибудь серьезного периода; мы убеждены,

что режим, не представляющий интересы страны, уйдет в прошлое, уступив место истинным представителям народа, избранным в результате широких, демократических выборов; мы убеждены, что справедливость рано или поздно восторжествует.

Моя страна, однако, сохраняет последовательный и твердый нейтралитет в Африке. Нам может не нравиться господин Грисо, но до тех пор, пока он является президентом, мы имеем с ним дело, с ним и ни с кем другим. Мы можем симпатизировать генералу Огано, но он является изгнанником, а мы поддерживаем дипломатические отношения с режимом, который обрек его на изгнание. Поэтому — я хочу повторить со всей ответственностью — всякого рода обвинения, брошенные в наш адрес по поводу того, что мы якобы поддерживаем мистера Огано, лишены каких бы то ни было оснований.

«Центр.

Прошу разрешить беседу с Глэббом.

Славин».

«Славину.

Воздержитесь.

Центр».

«Центр.

Повторно прошу разрешить беседу с Глэббом. Его можно прижать на скандале в Гонконге и на данных, которые удалось о нем собрать. Убежден, что после завершения операции в Москве Глэбба можно заставить содействовать немедленному освобождению Зотова.

Славин».

«Славину.

На беседу с Глэббом согласен, однако постройте ее таким образом, чтобы создать впечатление, будто мы поверили в то, что именно Зотов является агентом Лоренса.

Центр».

СТЕПАНОВ

«Напротив меня сидит высокий негр. Он красив особой красотою: такая высвечивает лицо человека в те моменты, когда он, после долгих раздумий, несмотря на смер-

тельную угрозу, принял решение — бесповоротное, на всю жизнь.

Зовут моего собеседника — Октавио Гувейта; до вчерашнего дня он был в бандах Огано; сегодняшней ночью, под пулеметным огнем с двух сторон, перебежал границу.

— Понимаете, — говорит он, — я просто-напросто не мог быть там больше; не мог, и все тут. Я, как и большинство африканцев, не умею читать и писать. Поэтому, наверное, мы все так любим сказки. Мы в деревне садились вокруг костра, и старики рассказывали нам сказки, и для нас, молодых, это был самый большой праздник. Слово — как танец: мы выражаем себя в танце и в песне, а ведь песня— это слово. Так вот, когда к нам пришли агитаторы от Огано и стали рассказывать, как в городах вместо старых белых появились новые белые из России, мы, конечно, стали браниться, хотя, теперь-то я понимаю, есть разные белые. Я, когда пришел к Огано, увидел особых белых, хотя их не очень-то показывают нам. Они живут в отдельном лагере, вдали от нас, там много стариков, крепких стариков, лет пятидесяти, которые смешно здороваются друг с другом: поднимают правую руку и кричат два слова; «зиг Гитлер» они кричат, а мы все-таки слыхали, кто такой Гитлер, нам рассказывали партизаны Грисо, когда они проходили через деревню во время войны за независимость.

Но я про все это потом стал думать, после того как офицеры вывели нас ночью на дорогу и мы расстреляли транспорт грузовиков. Охрану мы закололи, а ящики разбили; и тогда один наш солдат, он старый, ему сорок пять лет, и он окончил два класса у миссионеров, сказал, что на ящиках было написано: «вакцина», а вакцина — это лекарство, а нам ведь говорили, что там, в ящиках, на самом деле сидят русские с оружием, чтобы ворваться в деревни и забрать себе наших женщин. Кто-то стукнул офицеру о том, что старик разболтал молодым про вакцину, и его расстреляли и объяснили нам, что он был шпионом, а какой же он шпион, он ведь из соседней деревни! У него есть мать, жена и пятеро детей, разве такие люди могут быть шпионами?!

...Октавио Гувейта то и дело прижимает к фиолетовой сильной груди огромные кулаки, на глазах у него слезы.

— А потом, — продолжает Октавио, — офицеры отобрали наиболее крепких из нас; они заставили танцевать наш танец вокруг копья, а этот танец надо исполнять обнаженным, так угодно богам, и они высмотрели самых ловких и крепких; нас отвели в другой лагерь, там, где

живут люди Зеппа, это у них главный командир, он к ним часто прилетает, и там стояли чучела солдат в форме армии Джорджа Грисо. Нам сказали, что немцы будут учить нас «тихому бою» с врагами. И они стали показывать нам, как надо прыгать на человека сзади, как вспарывать ему горло, выкалывать глаза и перебивать позвоночник.

Про нас говорят, что мы жестокие, — какая неправда! Да, мы любим страшные танцы, да, мы любим песни войны, нашим предкам пришлось много воевать, чтобы сохранить жизнь потомкам, но я никогда не мог себе представить, что старые люди, эти самые наци Зеппа, их так все у нас называют, могут хохотать и веселиться, когда, поймав в капкан козу, они сдирали с нее шкуру... С живой... Они ее не убивали — связали и начали снимать шкуру, и она кричала, боже,как страшно она кричала, у меня до сих пор стоит в ушах этот вопль...

Гувейта закуривает; затягивается он тяжело, с хрипом, натужно кашляет, тело его сотрясается — видно, что парень никогда раньше не держал в руках сигарету.

— А Марио Огано?! Нам говорили, что он — «вождь нации», что он делит с нами все тяготы жизни в джунглях. А я видел, что он заходил в свою маленькую палатку, где у него лежит солдатское одеяло на пальмовых листьях, а позже, когда тушили факелы, он перебирался в запретную зону, где живут его советники, и туда приводили самых красивых девушек, но больше их никто не видел; говорят, что их — после него — отдают охранникам, а те, побаловавшись с ними, топят их в реке, чтобы не было свидетелей.

И тогда я с ужасом подумал: «Разве такие люди могут бороться за свободу? Разве дикие звери могут стать агнцами?»

...А вчера нас подняли по тревоге и повели к дороге. Там шел еще один транспорт с русскими грузами. Нам сказали, что в ящиках — бомбы и автоматы и мы должны уничтожить все это, чтобы не дать армии Грисо. Я в ту ночь уже не стрелял. Но я видел, как стреляли и резали наши мальчишки, прошедшие школу у наци Зеппа. И я видел своими глазами, как девушка-переводчица, когда они схватили ее, кричала: «Это же все для ваших детей! Это же для детей!»

Всех шоферов закололи, девушку изнасиловали, а потом прошили автоматными очередями, а когда стали громить ящики, то все увидели, что там — рулоны с ситцем, детские весы — в них кладут младенцев, которые еще не умеют ходить; наборы для врачей... И я сказал себе той ночью: «Все, я ухожу». И я ушел, хотя знал, что у меня мало

шансов пробиться сквозь посты, потому что их сейчас особенно много вдоль по границе. Офицеры говорили нам: «В ближайшие дни мы начнем выступление, чтобы покончить с Грисо». Так вот, я хочу быть на этой стороне, и если мне доверят оружие, я стану стрелять в тех, кто «несет нам свободу», потому что свобода не может быть кровавой, когда убивают женщин и смеются, разделывая живую козу.

Октавио Гувейта замолчал, руки его бессильно опустились вдоль тела.

— Если я напишу о перебежчике, — сказал я, — не называя его по имени, мне не поверят, Октавио. Вы согласны, если я назову вас? Или побоитесь?

— Вы думаете о судьбе моих родных? — спросил Октавио. — Если бы они нашли их, то, конечно, всех бы убили. Но у меня есть только брат и дедушка, а они редко бывают в деревне, они ловят рыбу и продают ее в порту белым капитанам. Так что можете назвать мое имя. И если хотите, сфотографируйте меня. Да и потом, страх не может быть вечным, рано или поздно человек излечивается от страха. Я готов умереть за то, чтобы жить свободным и не чувствовать себя зверем, который ходит по земле затаившись и в каждом видит врага.

...Западная пресса утверждает, что Огано не готовит вторжение.

Я хотел бы, чтобы свидетельские показания Октавио Гувейта из деревни Жувейра были приобщены к «черной книге» о готовящейся агрессии.

Дмитрий Степанов,
специальный корреспондент».

СЛАВИН

Пилар протянула стакан:

— Знаете, как у нас называют джин?

— У кого это «у нас», — посмотрев на Глэбба, спросил Славин. — Вы имеете в виду фирму или местность?

— Я имею в виду Испанию.

— У вас джин называют «хинеброй», я прав?

— Вит прекрасно разговаривает по-испански, — сказал Глэбб. — Как и все разведчики, он великолепно владеет иностранными языками.

— Джону это лучше знать. Иначе, видимо, трудно работать: попробуй в Гонконге прожить без китайского — сразу провалишься. Вы никогда не жили в Гонконге, Пилар?

— А вы? — спросил Глэбб, рассмеявшись слишком уж громко. — Вы, верно, жили всюду, Вит?

— Нет, меня не пустили, не дали визы. Я указал, что еду туда по делу некоего Шанца, он, по-моему, работал там в сфере бизнеса, но Пекин нажал на местные власти, меня завернули...

Пилар быстро глянула на Глэбба — лицо ее было по-прежнему улыбчивым, красивым, но в глазах появилась тревога; зрачки расширились, и поэтому казалось, что она плохо видит, вот-вот достанет из маленькой кожаной сумочки очки в тонкой золотой оправе.

— Как интересно, — сказал Глэбб. — Но вы, наверное, описали этот свой вояж в русской прессе?

— Тема — не журналистская. Ее нельзя пропустить через газету. Это скорее роман. Вы любите авантюрные романы, Пилар?

— Я люблю авантюрные романы, — медленно ответила женщина и снова посмотрела на Глэбба.

— Она любит фильмы. Про Бонда, — помог ей Глэбб. — Про русских шпионов, которые вот-вот победят, но в конце концов проигрывают, потому что мы сильнее.

— «Мы»? — снова усмехнулся Славин. — Я не знал, что ваша торговая фирма связана с английской разведкой. Знаете, если бы я был режиссером, я бы снял фильм. Не то чтобы снял, а скорее доснял. Я бы подснял к «Из России с любовью» только один кадр: после того как счастливый Бонд увез нашу шифровальщицу в Лондон, на экране появляется титр: «Операция внедрения прошла успешно, приступаю к работе, Катя Иванова».

— Сейчас придет Пол Дик, продайте ему этот сюжет, но не продешевите, Вит; меньше тысячи это не стоит.

Пилар отпила глоток тинто и, неотрывно глядя в глаза Славина, заметила:

— Ты временами бываешь плохим коммерсантом, Джон. Такой сюжет — поскольку я немножко знаю мир искусства — стоит не менее ста тысяч. Сразу же. На месте.

— Платите, — сказал Славин. — Я согласен.

— Может быть, в Штатах уплатят больше, — перестав смеяться, сказал Глэбб. — Я говорю серьезно, я готов снестись с Голливудом немедленно, у нас хорошая связь.

— Вы убеждены, что вашей рекомендации достаточно? — спросил Славин.

— Убежден.

— Что — писали сценарии?

Глэбб ударил себя по ляжкам, согнулся — выказал, как

ему стало смешно, — а потом снова сделался обычным, открытым и веселым Джоном.

— Ну вас к черту, Вит! Не надо так потешаться над неискушенными в искусстве коммерсантами.

— Виталий — очень красивое имя, — сказала Пилар. — Как Витторе в итальянском.

— Похоже на немецкого Вильгельма, — заметил Славин. — Правда, разные смыслы заложены.

— Я, между прочим, встречал Шанца в Гонконге, Вит. Седой старик с синим носом, да?

— Нос у него посинел к старости. Когда ему было тридцать, нос у него был вполне пристойный, ему ж нельзя было пить, он работал в гестапо, там не держали пьяниц — серьезная контора...

Пол Дик пришел трезвый. Он хмуро поздоровался с мужчинами, дал поцеловать себя Пилар, от виски отказался:

— Не буду. Сегодня и завтра не буду.

— Что так? — спросил Славин.

— Готовлю хороший удар против вас, Вит.

— Стоит ли?

— Стоит. Играть надо чисто.

— Согласен, — сказал Славин. — С этим согласен абсолютно. Я, между прочим, накопил несколько интересных историй, связанных с нечистой игрой, могу продать.

— Я пропился. Куплю в долг.

— Ладно. Подожду. Так вот, я начал рассказывать о Гонконге, про тамошнюю мафию...

— Нет, нет, — сказал Глэбб, — лучше вы продайте Полу сюжет про Бонда! Ты не представляешь себе, Пол, как это остроумно и зло! Я восхищаюсь Витом. Представляешь, фильм кончается тем, что девочка, которую увез Бонд, ну помнишь, эта чекистка, шлет в центр шифровку из Лондона: «Операция внедрения прошла успешно, легализовалась, приступаю к исполнению служебных обязанностей». Здорово, а?!

— Про служебные обязанности у нас говорят, — заметил Славин, — когда человек погиб, выполняя долг...

Дик хмуро посмотрел на Славина:

— Зловещий, между прочим, сюжет. Напоминает правду.

— Не мы придумали Бонда, который гробит наших людей, Пол, не мы сделали из него героя — человека, который лихо щелкает русских.

— Ладно, рассказывайте ваш сюжет.

— Нет, сколько уплатите за этот, про Бонда? Джон предложил сто тысяч.

— Это я предложила сто тысяч, Вит, вы ошиблись.

— Покажите мне таких продюсеров, — впервые за весь разговор хмыкнул Пол Дик, — я заработаю десяток миллионов в неделю, семьдесят процентов — вам, о'кэй? Ну, рассказывайте. Было бы прекрасно, окажись ваш сюжет не столь гонконгским, сколько луисбургским, — судьба Зотова занимает меня почти так же, как вас. Сначала один русский сыграл в ящик, потом другой, не слишком ли много за неделю, а?

— Не было бы третьего? — вопрошающе глянув на Глэбба, сказал Славин. — Так вот. Помните, в Нюрнберге проходил по делам СС некто Вильгельм Шанц?

— Не помню.

— Мы, американцы, нация без памяти, — заметил Глэбб. — Тяжелая память мешает жизни, она подобно болячкам на ранах — гноится...

— Если бы мы потеряли двадцать миллионов, память была такой же, — заметил Пол. — Я не помню Шанца, наверное, это из палачей низкого ранга?

— Да. Экзекутор. Мы доказали его участие в сорока семи ликвидациях...

— Что такое «ликвидация»? — спросила Пилар. — Если про жестокость, то не надо, Вит, и так слишком много горького в мире...

— «Ликвидация» у них означала поголовное уничтожение жителей деревни или городка, начиная с младенцев и кончая больными.

— Это во время борьбы против партизан? — спросил Глэбб.

— А что — это служит оправданием? — Славин подвинул свой стакан Пилар, и она сразу же налила ему джина.

— Можно, я положу лед рукой? — спросила она.

— Конечно, — ответил Славин, продолжая смотреть в глаза Глэббу. — Так что же, Джон, борьба с партизанами может служить оправданием такого рода ликвидаций?

— Ну, конечно, нет, Вит. Я уточнял — всего лишь. Зверства наци отвратительны.

— Так вот, мы изобличили этого самого Шанца; он жил в Канаде, но его нам не выдали, и он исчез. А потом проклюнулся в Гонконге, с американским уже паспортом...

— Да нет же, — поморщился Глэбб. — По-моему, он там подвизался с каким-то никарагуанским или гаитянским картоном. Я убежден, что он не стал гражданином Штатов.

— Да? Ну что ж... Это хорошо... Так вот, когда в Гонконге, лет десять назад, случился скандал — на аэродроме захватили группу китайских мафиози с героином, —

этот самый Шанц организовал бегство из города какой-то португалки или испанки, кажется Кармен, такой же красивой, как наша очаровательная Пилар, и угрохал того человека, который взял на себя вину. Он и мистер Лао, нет, Джон?

— Почему вы меня спрашиваете об этом?

— Ты же работал в Гонконге, — пожал плечами Пол. — Поэтому он и спрашивает.

— Я там работал наездом, несколько недель, чисто коммивояжерский бизнес.

— Тогда понятно, — сказал Славин. — И конечно, вы не знали тамошнего представителя ЦРУ, он же был замешан в скандале, его как-то погасили, этот скандал, но угли тлеют, Джон, угли тлеют. Как, Пол, интересно раздуть эти угли?

— Как вам сказать... Кое-что есть, но для настоящего скандала маловато...

Глэбб снова громко рассмеялся, хотя лицо его — Славин это видел — было напряженно до предела.

— В нашей стране популярны суперскандалы, Вит. То, что вы рассказали, — будни, скучная пародия на «Крестного отца».

— Что значит суперскандал? — спросил Славин.

— Когда алкоголичка жена, — ответил Пол, — когда муж — гомосексуалист и понуждает сестру к сожительству с выгодными ему людьми, когда у миллионера сын вступает в компартию, когда взятка превышает сто тысяч баков — это куда ни шло. Лучше бы всего, правда, что-нибудь про шашни президента с концернами — это проходит, это нравится соперникам, особенно потенциальным.

— Жена есть, — ответил Славин, обернувшись к Джону. — В этой истории есть жена. Наркоманка. Состоит в кровном родстве с мужем — попросту его племянница. Дочь нациста. Сама была участником дела. Как?

— Давайте имена, — ответил Дик. — Это я распишу так, что дым поднимется, и сделаю на этом не столько деньги, сколько имя — меня ведь забыли, у нас забывают тех, кто дрался с наци, сейчас помнят тех, кто бичует безнравственность такого рода, о которой рассказали вы. Вступаю в дело, не интригуйте.

Славин обнял Глэбба за плечо, шепнул ему:

— Поинтригуем, Джон? Или откроем часть карт?

Пилар сделала большой глоток вина и ответила:

— Я бы на вашем месте чуть-чуть поинтриговала.

— Согласен. Теперь слово за Полом — что он знает о Зотове? Меня в госпиталь не пустили и во встрече отказали.

Давайте-ка, Пол, вашу версию, а я ее потом подкомментирую, нет?

— Слушайте, Вит, с этим русским пока все не понятно, меня...

— Вам непростительно, — перебил Славин, — говорить «с этим русским».

— Как у вас это называют? «Великодержавным шовинизмом»? — улыбнулся Пол. — Не сердитесь, у меня плохо с произношением русских фамилий.

— Никогда не признавайтесь в этом, Пол, вас обвинят в низком профессионализме, газетчик должен знать имена своих противников — даже если они трудно произносимы. Мы, например, хорошо помним имена наших врагов.

— Я не считаю Зотова противником, — сказала Пилар. — Он просто выполнял свой долг.

— Кем это доказано? — Глэбб пожал плечами. — Мы живем не в тоталитарной системе, его вину надо подтвердить уликами. Передатчик — это не улика. Вполне могли подбросить.

— Верно, — согласился Славин. — Сегодняшняя «Ньюс» написала об этом деле вашими словами.

— Да? — удивился Глэбб. — Что ж, молодцы, я, признаться, не читал.

— А это что? — Пол кивнул на «Ньюс», лежавшую на столе; комментарий о Зотове был подчеркнут красным карандашом.

— Это читала я, — ответила Пилар. — Я обеспокоена судьбой Зотова и готова сделать все, чтобы ему помочь.

— Но как? — спросил Глэбб. — Я тоже готов помочь ему.

— Как?

— Очень просто, — ответил Славин. — Найти тех, кто устроил налет на его квартиру.

— И отыскать тех, кто ломанул сейф у Лоренса, — усмехнулся Пол Дик.

— Пол, — укоризненно сказал Глэбб, — это не по-джентльменски.

— Это по-джентльменски, потому что он согласился говорить со мною, и я уже отправил корреспонденцию в свои газеты: «Красота — как символ надежности»; об этом подумал я, когда увидел работу группы гангстеров в апартаментах «Интернэйшнл телефоник» — они охотились за именами «надежных друзей» той фирмы, которая сумела построить надежный мост связи между Штатами и группой Пиночета, когда он еще не был диктатором, а принимал парады, стоя рядом с доктором Альенде».

— Беру, — сказал Славин. — Прекрасная шапка, Пол.

— У русских плохо со свободно конвертируемой валютой, — заметил Глэбб. — Вы — исключение, Вит?

— Просто я держу контрастную диету, с одним голодным днем в неделю — экономия в чистом виде.

Пилар и Глэбб переглянулись.

— Увлекаетесь йогой? — спросила Пилар. — Я могу дать вам литературу, у меня есть много книг на русском.

— Йогой увлекаюсь, за книги спасибо, утащу с радостью. Кстати, Пол, вы не знаете, это тот Лоренс, который отказался отвечать по ряду пунктов конгрессу о путче в Сантьяго?

— Тот.

— Резидент ЦРУ?

— Спросите об этом меня, ребята, — сказал Глэбб, — все-таки мы с ним дружны много лет. Он такой же человек ЦРУ, как я — агент гестапо.

— А вот интересно, — задумчиво попивая джин, сказал Славин, — если бы Пол смог получить документы о том, что работник ЦРУ связан с нацистами — как старыми, так и новыми, это можно было бы обыграть прессе?

— Когда пресса дралась с ЦРУ, — ответил Пол, — она мечтала получить нечто подобное — это нокаут, Вит, но...

— Я занимался боксом, я знаю, как бить, я готов научить вас методу.

— Вот так вербуют доверчивую свободную прессу, — снова рассмеялся Глэбб, и глаза его собрались узкими щелочками.

— Вит, я хочу показать вам мою гордость, — сказала Пилар, — пойдемте.

— А мне вы не хотите показать свою гордость, гвапенья? — спросил Пол.

— Когда чем-то гордятся по-настоящему — гордятся тайно, — ответил Глэбб.

— Хорошая фраза, — сказал Славин. — Фраза человека, который умел побеждать.

Пилар взяла его за руку, повела за собой по винтовой лестнице вверх, на второй этаж. Там, в комнате со стеклянной крышей, с большой тахтой, укрытой шкурой тигра, стены были увешаны иконами — все до одной реставрированы, много золота и четко выписанных глаз.

— Как? — спросила Пилар. — Невероятно, да? Семнадцатый век, север России, той, которая имела выход к морю, то есть к свободе...

— Где реставрировали? Здесь?

— Нет.

— Вас расстроить или лучше солгать?

— Я всегда, Вит, любила выслушивать правду. До конца. Всю. Тогда и я готова сказать правду.

— Всю?

— Зависит от вас.

— Только от меня?

— Я не жена и не клерк, у меня есть собственное дело, Вит, поэтому я пользуюсь главным благом жизни — я независима. Я очень ценю это благо, потому что пришла к нему из подвала, ступая по облеванным ступенькам... Говорите правду.

— Хорошо. Семнадцатый век в нашей иконописи отличим немедленно, и не столько манерою письма, сколько формой доски. Доска обязана быть дугообразной, выпуклой, сбитой из трех клиньев. У вас только одна икона подлинная, Пилар, все остальное — вы хотели правды — подделка. Но я никому не скажу об этом, я умею хранить секреты.

— Вы не очень-то хранили чужие секреты, когда говорили о Шанце.

— А разве это чей-то секрет?

— Вит, чего вы добиваетесь?

— Правды.

— Это ответ русского. Я стала американкой, я привыкла к точности вопроса, конкретике задачи, товарной цене, сроку и форме гарантии.

Славин взял женщину за руку, поцеловал ее, спросил:

— Вы сейчас живете по американскому дипломатическому паспорту? Или остался один из прежних?

— Вит, вы не ответили на мой вопрос...

— Видимо, вопрос, как зовут «надежного друга фирмы» Лоренса, более удобно задать Полу?

— Но ведь задали его вы.

— Повторите мою фразу, Пилар, и вы согласитесь, что я такого вопроса не задавал. Я ведь фантазер. Человек, увлекающийся журналистикой, обязан быть фантазером.

— Если я отвечу на этот вопрос, вы не станете отвечать на вопросы Пола?

— Нет, положительно вы любите авантюрные романы, Пилар. Я боюсь за вас. Я не хочу, чтобы вы испытали хоть какое-то неудобство во время подъема по лестнице. Вообще-то джентльмен должен быть рядом с женщиной во время такого рода маршрута, нет? Мужчина с крепкими мускулами и головой, работающий по-американски: гарантии, точность, деловитость.

— Хорошо, сейчас я позову Джона, — сказала Пилар.

— Я здесь, девочка, — усмехнулся Глэбб.

Он стоял около гладкой стены, невидимая дверь за ним медленно закрывалась.

— Я бы хотел послушать гонконгскую историю мистера Славина еще раз, более подробно, с глазу на глаз.

КОНСТАНТИНОВ

Константинов и лейтенант Дронов сидели в доме, напротив окон той как раз комнаты, где Дубов и «Оля-живая» (так жутковато он определил ее для себя) говорили о чем-то. Константинов видел близко и явственно лицо Сергея Дмитриевича, сильное, резко рубленное, волевое; пытался понять, чему так весело смеется девушка — Дубов говорил редко; взрослый мужчина, ученый, политик; тщательно следит за одеждой, элегантен; машину красиво водит, одевает лайковые перчатки, чтобы лучше чувствовать руль; заказывая коньяк, просит, чтобы принесли «КВ», обязательно грузинский («они же арийцы, их требовательность к прекрасному лишена торгового интереса, как у других народов»); легко и красиво переводит песни англичан, испанцев, португальцев; любит чуть устало, очень спокойно, не то что мальчики, те вечно испуганы и толка не знают; достойно выслушивает тосты, которые произносят в его честь друзья в Пицунде и Сухуми; «алаверды» говорит неторопливо, чуть копируя манеру старого грузина.

«Молодец Алябрик, — подумал вдруг Константинов о бармене в Пицунде. — Парень обладает чувственной интуицией. «Этот Дубов слишком показушно мочит рога и вешает аксельбанты по веткам», — сказал он, когда контрразведчики опрашивали — неторопливо, отстраненно — всех тех, с кем Дубов встречался. «А что значит «мочить рога», Алябрик?» — «Неужели не понятно? Выражение из жаргона абхазских Кара Леоне, что означает «пыжиться». Можно перевести — «драться», но драться плохо, показушно, с излишней страховкой. «Аксельбанты по веткам» для того и вывешивают, чтобы сбивать с толку мишурой, у нас же на нее клюют».

Константинов удивился, когда Проскурин пренебрежительно хмыкнул, прочитав эти строки, отчеркнутые Константиновым в рапорте Абхазского КГБ.

«Впрочем, — подумал он, — я не вправе сердиться на Проскурина, каждый человек, как машина, обладает неким определяющим качеством: «Жигули» — приземистость, «ГАЗ» — проходимость, «Волга» — устойчивость, «Чайка» — надежность».

Константинов вспомнил слова одного своего знакомца — тот пошутил как-то, копируя бюрократа: «Чайка» над «Волгой» летает».

«Занятно, — продолжал думать он, — у меня отсутствуют качества Проскурина — упереться лбом и жать; я привык полагаться не только на логику, но и на свои чувствования; это очень сильно у женщин: надобно только корректировать их чувствования, они страдают чрезмерной эмоциональностью, а потому чаще ведут к проигрышу, приходится отрабатывать назад, это бьет самолюбие, а человек с битым самолюбием — сломанный человек. Но ведь и без таких, как Проскурин, нельзя. Линию нарабатываешь в процессе движения. «Рыскание», то есть постоянное отклонение от прямой, отличает движение самолета и теплохода — на этом-то и построен принцип автопилота; не будь ошибок, что поправлять?»

— Куда это он? — спросил лейтенант Дронов шепотом.

Константинов усмехнулся:

— Вы ж через улицу от него, что шепчете?

— Тренирую осторожность, товарищ генерал.

— Так не тренируют. Осторожность заключается в том, чтобы спокойно говорить там, где нужно, и шептать беззвучно, когда этого требуют обстоятельства. А то вы так натренируетесь,что станете испуганным человеком; в глазах — постоянная напряженность; движения скованы; реплики заучены; с вами тогда люди ЦРУ будут раскланиваться издалека, на перекрестке, что называется, картуз снимать. Кто сегодня смотрит за его машиной? Он сейчас, видимо, повезет Ольгу...

— Это странно, товарищ генерал, она ж последние дни ночует у него, за кефиром ему утром бегает. А машину его водят Куровлев и Пшеничников. Верно, глядите, уходят.

Как только Дубов и Ольга вышли из квартиры, зазвонил телефон.

— Наверное, Коновалов, — сказал Константинов. — Попросите — пусть держат нас в курсе постоянно. Теперь вот что, лейтенант... В вашем рапорте было сказано, что никаких записных книжек в столе у Дубова не было, никаких рукописей, ничего, словом, машинописного, что хоть как-то напоминало бы диссертацию?

— Ничего, товарищ генерал.

— И фотографий тоже не было?

— Никаких, товарищ генерал.

— Слушайте, а где он держит свою «Волгу»?

— Во дворе, я ж на плане указал.

— А зимою?

— Не знаю.

— Гаража у него нет?

— Этого я не выяснял.

— А он не платит по счетам за кооперативный гараж?

— Может, перепроверить?

— Не надо. Опасно наследить — вы же сами рассказывали, как он осматривает комнату, когда возвращается.

— Прямо как волк, товарищ генерал. Станет около двери — и смотрит, смотрит, смотрит, голову поворачивает, словно орел в «Мире животных».

Константинов достал сигару, медленно снял целлофан, закурил.

— Хорошее определение, — заметил он, — «как орел в «Мире животных». Говорите вы раскованно, отменно говорите, а как пишете документ — просто ложись и засыпай, эуноктин какой-то...

— Что? — не понял Дронов.

— Снотворное, эуноктин называется...

Снова громко зазвонил телефон. Докладывали четко, быстро:

— «Лесник» высадил «Черненькую», развернулся и на большой скорости поехал в обратном направлении. Едет по Садовому. Около американского посольства притормозил. Включил левую моргалку.

— Время засеките, — быстро сказал Константинов, — второй номер.

— Хорошо.

— Первый, первый, куда он едет, на какой скорости?

— Снова набрал скорость. Останавливается, резко тормозит...

— Вы проезжайте! — не удержался Константинов, хотя отлично знал, что люди Коновалова работают безукоризненно, проинструктированы Проскуриным самым тщательным образом: «Объект очень осторожен...»

— Мы проехали, — чуть обиженно ответили ему, — он вышел из машины.

— Открыл капот,— начали передачу из второй машины. — Что-то проверяет, подергивая провода...

— Какие, кстати, у него провода? — спросил Константинов лейтенанта. — Бошевские?

— Это — как? — не понял Дронов.

— Разноцветные — значит, бошевские.

— Так точно, разноцветные, товарищ генерал.

«Слава богу, что отпал Парамонов. Если бы не Гречаев, пришлось отрабатывать и эту линию, — подумал Констан-

тинов. — Ужасная это штука — цепляние. Вообще-то верно, от подозрительности, как формы заболевания, может спасти лишь юмор, помноженный на знание. Пожалуй, что не помноженный — базирующийся на знании, так точнее».

— «Лесник» поехал дальше, поворачивает с Садового к СЭВу, паркуется около дома.

(Рапорт о том, как себя вел Дубов, поднимаясь по лестнице, будет передан Константинову завтра утром, передали б сегодня, но не успеют перепечатать. Впрочем, передадут немедленно, случись что экстраординарное, требующее принятия решения на месте.)

Дубов вошел в комнату, включил свет, остановился около двери.

«А, ведь действительно волк, — подумал Константинов. — Или гриф; ишь как смотрит — нет ли каких изменений, не входил ли к нему кто».

— Что это он взял? — спросил Константинов: он не смог увидат, что поднял с подоконника Дубов.

— По форме похожа на банку из-под горошка, товарищ генерал.

— Почему не зафиксировали в рапорте?

— Я как-то не подумал... Чуть смятая банка, пустая.

— А что, если он в нее донесения закладывает?

— Таких банок сотни валяются, заложишь в тайник — дворник в утиль сдаст...

— Верно, конечно, — согласился Константинов, — но ведь мелочей в нашем деле нет. Сколько было времени, когда он притормозил у американского посольства? Двенадцать ровно?

— Так точно, товарищ генерал...

— Соедините с Коноваловым, мне кажется, он идет на связь.

Полковник Коновалов, наблюдавший за выявленными сотрудниками ЦРУ в посольстве США, ответил так, словно за мгновение перед звонком Константинова ждал от него сигнала:

— Мы ждем, товарищ Иванов, у нас все в порядке.

— «Все в порядке», это если никто не выехал ни из посольства, ни из их жилого дома.

— Именно в этом смысле я и отвечаю.

— Однако, кажется мне, может быть непорядок — я бы хотел, впрочем, ошибиться.

— А я — нет.

— Нервы сдают?

— Три недели как-никак...

Дронов вдруг сказал:

— Товарищ генерал, а ведь вы правы: у него был один счет, не то «ЖСК», не то «Автолюбитель», но тоже вроде бы «СК».

— Пусть Никодимов завтра же установит адрес. Есть ль у Дубова свой бокс в гараже... Во всяком случае, ни у кого из своих знакомых он ничего своего хранить не станет — гриф, одно слово...

Резко зазвонил телефон.

— Иванов слушает, — ответил Константинов, рывком сняв трубку; он успел еще подумать, что трубку снял плохо, непедагогично, молоденький лейтенант наверняка заметил это; чем сложнее и напряженней ситуация, тем спокойнее должны быть слова, а уж тем более движения руководителя.

— Из дома на Ленинском проспекте выехал Лунс, взял направление к Кутузовскому проспекту, мимо университета, вниз.

— Не отходите от аппарата, — сказал Константинов и, прижав трубку плечом к уху, медленно раскурил потухшую сигару — курить ему, впрочем, не хотелось, во рту пересохло. — Сейчас мы спросим, куда идет «Лесник».

По второму аппарату ответили не сразу:

— Сложно вести, товарищ Иванов. «Лесник» сел на второй троллейбус, проехал пять остановок, около «Панорамы» вылез, прошел двадцать метров и сел на восемьдесят девятый автобус, проверяется постоянно.

— Шнурки не завязывает?

— Нет, работает вполне профессионально.

— Что у него в руках?

— Свернутая газета.

— Пустая?

— Нет, что-то в ней есть. «Лесник» вышел из автобуса, товарищ Иванов, перешел Можайское шоссе, углубляется в Парк Победы. Там пусто. Продолжать наблюдение?

Константинов нажал кнопку второго аппарата — связь с Коноваловым.

— Ну что у вас? Чаще докладывайте.

— Я ждал вашего вызова. Объект на большой скорости уходит от наших машин. Что делать?

— В каком направлении идет?

— К Парку Победы.

Константинов посмотрел на Дронова — тот слышал голоса сотрудников.

— Вот, черт возьми, — прошептал Дронов. — Волк, истинный волк, товарищ генерал...

— Ну что будем делать? — задумчиво спросил Коновалов.

— Как что? Брать, — ответил Дронов сразу же.

— Кого?

— Обоих.

Константинов вздохнул, сказал в трубку — Коновалову:

— Дайте объекту уйти. Блокируйте район, установите место и время выезда.

Нажал кнопку другого аппарата:

— «Лесник» не заметит людей?

Вообще-то совершенная темень, но ни одного прохожего. А он идет по-волчьи, проверяется, вроде бы изображает, что делает гимнастику, иногда начинает бежать трусцой...

— Блокируйте все выходы из парка, смотрите внимательно — может пройти машина; где притормозит, остановится — фиксируйте...

— Хорошо, постараемся, товарищ Иванов.

Включился Коновалов:

— Объект на огромной скорости резко свернул с шоссе на узкую дорогу, которая ведет от Ближней дачи к Триумфальной арке; притормозил; проверился; мы бросили его на шоссе; кажется, он еще раз повернул и медленно поехал по узкой дороге. Парк блокирован.

— С Можайского шоссе можете вести наблюдение?

— Даю задание. Минуту, мне передают, что из посольства вышла машина Джека Карповича, идет по Кутузовскому проспекту, в направлении Парка Победы.

— Где ваши? Есть на Можайке?

— Да, две машины у выезда из парка, две медленно движутся в направлении к Триумфальной арке, пытаются фиксировать Лунса. Машина Лунса идет очень медленно.

Константинов должен был принять решение — единственное и точное — в течение нескольких секунд. Задержи контрразведчики Лунса или Дубова и не найди они улик — вся операция будет сломана, агент — если Дубов действительно агент, а не человек, попавший в средоточие случайностей, что надлежит доказать, — законсервировал бы свою работу, сотрудник ЦРУ продолжал бы свою деятельность, посольство заявило бы ноту протеста и, между прочим, правильно бы поступило.

Вопрос заключался в том, что сейчас запланировано ЦРУ — если опять-таки был план, а не случайные совпадения.

Кто должен передать информацию?

Дубов?

Или — наоборот — ЦРУ посылало агенту новые инструкции?

Или это контрольный выезд — и агента и людей ЦРУ?

Но почему тогда несется в этом же направлении вторая машина из посольства?

Страховка?

Значит, не контрольный выезд, а операция?

Константинов нажал кнопку телефона, связывавшего его с Коноваловым:

— Вы не можете вспомнить, мимо машины «Лесника», когда он оставлял ее около МГИМО, на Крымской, никто из ваших подопечных не проезжал? Позавчера в пять, понимаете меня?

— Думаете, машина — это некий знак? Пароль? Сигнал, говоря точнее?

— Вы не помните? — медленно повторил Константинов. — Или не фиксировали?

— Такого рода допуск мы не исследовали.

«Значит, если допустить, что свою машину Дубов поставил у МГИМО и пошел на встречу с Ольгой, для того чтобы кто-то из разведчиков прочитал сигнал, проезжая по Крымскому мосту, — обычный ведь маршрут, никаких подозрений, даже тормозить не надо, смотри себе по сторонам, — тогда, значит, обмен информацией происходит часто, раза четыре в месяц. Если я прав. А если нет?»

— Снимайте наблюдение со второй машины, уводите своих, с шоссе, чтоб нас не заметили. Все.

Константинов положил обе трубки и почувствовал, как у него вспотел лоб.

Через пятнадцать минут сотрудники снова вышли на связь:

— «Лесник» вернулся к остановке автобуса, в руке у него по-прежнему газета, но свертка в ней, кажется, нет.

— Надо Лунса брать, — простонал Дронов, — у него же все!

— А он сверток выбросит из машины и скажет, что мы нарушаем его иммунитет.

— Да я его маму видал вдвоем с иммунитетом!

— Маму его вы не трогайте...

Лунс выехал из Парка Победы возле Триумфальной арки и на огромной скорости понесся в посольство. Было час тридцать.

Дубов вернулся с последним автобусом, снова долго стоял на пороге комнаты, оглядываясь, потом бросил газету

на пол, подошел к столу и, достав из кармана ветку, открыл ее и вынул оттуда батарейку.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Константинов лейтенанту Дронову, — неужели это контейнер?

— Мне кажется, это четыреста тридцать седьмой элемент, товарищ генерал, — таких в магазинах навалом...

...Дубов сидел у стола и отвинчивал дно обыкновенной батарейки для карманного фонаря «элемент 437». Эти действительно можно купить в магазине, единственно эти, остальные только в «Березке» и продают. Ай да молодцы ребята из ЦРУ, ну и предусмотрели все, ну и залегендировали!

Дубов достал из батарейки пленку, положил ее на стол, тяжело вздохнул, медленно поднялся, шаркающе подошел к книжной полке, достал из нижнего ящика очки, вернулся к столу, привычным жестом расправил пленку и начал читать ее, медленно, чуть шевеля губами.

«На очки никто не обратил внимания, — отметил Константинов, — это не очки — это ему такие лупы сделали».

Дубов долго читал инструкцию, переданную только что Лунсом, потом спрятал ее в батарейку, сунул батарейку в китайский фонарь, стоявший на столе, проверил — горит ли; горел нормально, потом достал из стола бумагу, что-то начертил на ней, сжег; растер пепел в руке; сжег еще один лист; потом третий — рисовал-то шариковой ручкой, боялся, останутся следы; поднялся и медленно пошел к двери; вернулся через минуту, сел к столу, обхватив голову руками.

— Черствый все-таки хлеб у шпиона, — Константинов обернулся к Дронову, — можно скульптуру лепить: «страх и отчаянье».

В 7.30 «Лесник» вышел из дому в спортивном костюме и в течение сорока минут бегал трусцою — до Парка Победы и обратно. В Парке Победы ни с кем в контакт не входил, обежал вокруг обелиска, вернулся домой, в 8.45 спустился к машине и поехал на работу...

В 9.10 была получена санкция прокурора. В 9.40 группа Никодимова вскрыла тайник, спрятанный в батарейке.

Первая инструкция гласила:

«Передаем новое м е с т о. От выхода метро «Спортивная» (ближайшая к Лужникам) идите по правой стороне Фрунзенского вала, параллельного железной дороге, по направлению к Ново-Девичьему кладбищу. Приближаясь к реке, вы увидите большой железнодорожный мост. По этому мосту разрешается пешеходное движение. Там есть тропинки и

лестница, ведущие к мосту с обеих сторон и обоих концов моста. На мосту четыре вышки, по две с каждой стороны. Поднимитесь по лестнице, которая ведет к мосту с Фрунзенского вала, напротив автозаправочной станции, то есть по стороне, ближней к центру города. Когда вы начнете переходить через реку, дорожка, по которой вы следуете, пройдет через одну из вышек. Наш пакет будет внутри вышки на выступе глубокого каменного окна слева от вас в тридцати — сорока сантиметрах от края. Он будет замаскирован как кусок серого камня, примерно 15 × 20 сантиметров. Ваш сигнал подбора: оставьте раздавленную молочную картонку с тяжестью в ней, чтобы увериться, что ее не унесет ветром. Если вы хотите передать нам материалы, положите их в ту же картонку. Обязательно положите эту отяжеленную молочную картонку на край, на то же место, где вы нашли наш пакет для вас. Потом продолжайте проход через мост и спускайтесь по лестнице к набережной в сторону реки, где Киевский вокзал. Обычно милиционер стоит на этой стороне реки у светофора. Однако он не сможет увидеть ни то место, ни вас в то время, когда вы будете переходить мост. Он обычно уходит с дежурства между 22.30 и 23.30. Наш пакет будет на месте обмена в 23.00, вы должны его подобрать в 23.15, заменив его сигналом подбора, то есть оставив пустую смятую отяжеленную молочную картонку с материалами для нас. В случае, если вы оставите пакет для нас, мы оставим вам сжатую молочную картонку у автобусной остановки на Бережковской набережной. В этот раз наш сигнал подбора будет пустая смятая банка из-под горошка, в углу, в глубине, на стороне, ближайшей к улице. Вы сможете увидеть сигнал подбора в 24.00. Слушайте наши радиопередачи по-прежнему в то же время; новый ключ к расшифровке вы найдете в романе Бичер-Стоу, «Детгиз», 1965 год, страница 82, переданном вам во время прошлого контакта; страховочно мы будем повторять наши сеансы с 7.00 до 7.30, когда вы занимаетесь гимнастикой перед пробежкой в Парк Победы. Пожалуйста, не прекращайте бега трусцой, мы должны иметь постоянную возможность видеть вас, когда это представляется нам необходимым».

Во второй инструкции были следующие указания:

«Дорогой друг! Мы благодарны вам за фотокопии тех документов, которые вы переслали в прошлый раз, однако качество кадра оставляет желать лучшего. Видимо, вы держите ручку, оборудованную для вас сверхчувствительной камерой, не строго вертикально, а чуть скашивая ее влево.

Пожалуйста, проследите за тем, чтобы ручка шла вертикально листам с крайне важной для нас информацией. Наши специалисты сейчас работают над тем, чтобы сконструировать для вас вторую модель, с большим «захватом» камеры, однако этот аппарат мы сможем передать вам либо через месяц, либо уже здесь, на западе, когда вы приедете в служебную командировку.

В следующем контейнере мы пришлем вам дополнительно те ампулы, о которых вы просили, но делаем это с неохотой, потому что мы убеждены в вашей полнейшей безопасности, особенно после того, как мы начали здесь операцию прикрытия, которая развивается успешно.

Мы также вышлем вам вашу заработную плату в рублях за два месяца и те ювелирные изделия, которые вы обозначили в каталоге.

Хотим с вами поделиться — совершенно откровенно — нашими соображениями о вашем будущем. Мы понимаем ваше желание приехать сюда в командировку и высоко ценим вашу преданность идеалам западной демократии, однако ваша работа в Москве приносит неоценимую пользу нашему делу, и мы бы просили вас продумать вопрос о возможности оттянуть выезд хотя бы на год. За это время на вашем счету будет уже 57 721 доллар 52 цента, что даст вам возможность заняться бизнесом.

По поводу кооперативной квартиры. Хотя мы и пришлем вам деньги в сумме 4000 рублей на вступительный взнос, не вычитая его из вашей заработной платы, а проведя это по смете «конспиративная квартира», тем не менее не можем не выразить опасение, что такого рода приобретение вызовет вопросы знакомых и сослуживцев, а также привлечет внимание соседей, поскольку легенда, продуманная для вас — «крайне ограниченные денежные средства, экономия во всем», — может оказаться несостоятельной; ваши родственники первыми выразят недоумение по этому поводу. Мы сейчас продумываем вопрос о том, чтобы оборудовать вашу нынешнюю комнату — как вы и просили — специальной сигнализацией на случай, если к вам тайно войдет кто-либо в ваше отсутствие. Для этого при следующем обмене информацией вы должны дать нам полное и исчерпывающее описание вашего радиоаппарата, который и станет центром «сигнализации» в вашей комнате, связанным с нашими людьми, работающими на улице Чайковского. Такого рода «подстраховка» позволит вам спокойно хранить свои записки дома, а не держать их в гараже.

Просили бы вас прислать все данные о вашей новой

знакомой, включая отпечатки пальцев, а также девичью фамилию матери и бабушки. Столь печальный финал ваших отношений с прежней знакомой, которая расшифровала вас, оказался хорошим уроком для вас, а уж для нас тем более. Мы потеряли осторожность; ни в коем случае нельзя было снимать такой номер, в котором вы встречались; на будущее следует арендовать квартиру в частных домах, где вместо радиопрограммы отеля вполне можно оборудовать хорошую стереофонику, создающую такое же настроение, как и то, которого добивается «Хилтон» своей радиофикацией номеров.

Хотим передать вам привет от вашей очаровательной «П». Она по-прежнему с нетерпением ждет встречи с вами. Ее и ваши дела в бизнесе идут хорошо, в ближайшее время «П» обещала подготовить для вас полный отчет о вложениях и возможных дивидендах».

Третья инструкция гласила:

«Дорогой друг, очень просим вас фотографировать все попадающие вам секретные документы, а не выборочно, как вы это делаете сейчас. Никак не сомневаясь в вашей компетенции, мы, тем не менее, хотели бы исследовать все повороты, нюансы и положения, содержащиеся в них. Мы убеждены, что даже та фоторучка, которой вы сейчас пользуетесь, дает вам возможность фотографировать от двадцати до сорока страниц в день. Просим вас также прислать нам ваши записи бесед с теми руководящими работниками, которых вы встречали во время вашего отдыха в Пицунде. Пожалуйста, постарайтесь придерживаться того вопросника, с которым мы вас ознакомили, это облегчит нам изучение вашей информации для доклада ее самым высоким руководителям нашего правительства. По-прежнему максимум внимания уделяйте Нагонии, потому что в самое ближайшее время вы прочитаете в газетах о торжестве того дела, которому мы с вами совместно служим. Задуманное нами получило самую высокую санкцию, и теперь все решают дни, а не месяцы. После того как свершится то, во что вы вложили так много сил, видимо, вам следует отдохнуть. Мы готовы будем считать вас в «консервации» три месяца, за это время вы укрепите нервную систему, хорошо проведете летний сезон, а затем мы восстановим наш контакт таким же образом, как мы это сделали полгода назад. Напоминаем,что следующая встреча состоится послезавтра в 23.30 в объекте «Парк» в известном вам месте. Парольный сигнал с 18.00 до 18.30 у стоянки вашей «Волги» на объекте «Паркплатц»; информация от нас будет заложена в «ветке». Ваши друзья».

Генерал-лейтенант Федоров ознакомился со всеми документами, которые принес Константинов, походил по кабинету, остановился у окна:

— Что Дубов хранит в гараже?

— Дневники, письма, фотографии, — ответил Константинов. — Я еще не проработал их, сделали фотокопии, сохнут.

— Полагаете начать с ним игру?

— Он пойдет, Петр Георгиевич.

— Где-то в моем архиве военной поры хранится занятная таблица: из тех агентов абвера, которых мы заманили на радиоиграх, большинство сразу же согласились работать на нас... Но имеем ли мы право на игру в данном случае? Информация, которую он г о н и т в Лэнгли, — истинна. Объект — Нагония. Время путча — недели, точнее — дни. Мы просто-напросто не успеем подготовить достоверную информацию, они поймут нашу игру и перенесут срок — ударят еще раньше. А сейчас мы на коне, мы вправе обнародовать эту штуку. — Петр Георгиевич вернулся к столу, ткнул пальцем в фотокопии инструкций: — Сдается, что это произведет шоковое впечатление, придется Вашингтону отрабатывать назад.

— Они откажутся ото всего, Петр Георгиевич. Если мы не возьмем на тайнике здешнего разведчика ЦРУ, они откажутся.

— Где собираетесь брать Дубова?

— Дома. Сразу после работы, сегодня же. Медлить нельзя — сожжет инструкцию, мы останемся голыми.

— Да уж, голыми лучше бы не надо. Как это говорится — «нас не поймут»? А? Не поймут нас, останься мы без улик? Я-то вас никак не пойму — во всяком случае. Что от Славина?

— Он сегодня не вышел на связь.

— Повторно запросили?

— Никто не знает, где он, Петр Георгиевич.

СЛАВИН

— Послушайте, — устало повторил Глэбб, — если нашим газетчикам не поверили, то вашим разоблачительным публикациям не поверят и вовсе. Мы не реагируем на ваши разоблачения, как, впрочем, и вы — на наши.

— Мистер Глэбб, на разоблачения такого рода, о которых я сказал лишь намеком — вы же просили меня п о и н т р и г о в а т ь, — прореагируют. Адмирал не захочет иметь в конторе человека, связанного родством с нацистами и укрываю-

щего от «Интерпола» женщину-агента, живущую по фальшивому паспорту. Пошли вниз, неудобно, Пол нас заждался...

— Я устроил Полу новое интервью у мистера Лоренса, он уехал, так что мы одни, не тревожьтесь. Пилар, ты не хочешь приготовить нам коктейль, гвапенья?

— С удовольствием. Что будет пить наш друг?

— То, от чего не мрут, — улыбнулся Славин. — На ваш вкус.

— Кто больше начитался авантюрных романов? — Женщина пожала плечами. — По-моему, вы, а не я.

Она спустилась по лестнице вниз, и Славин услыхал, как мягко хлопнула входная дверь; они остались в доме одни.

— Документы, которые вас свалят, — заметил Славин, — хранятся не в моем номере. Они укрыты вполне надежно.

— Это вы сказали к тому, что мне нет смысла ликвидировать вас? Боже, до чего вы все подозрительны, Вит. Хорошо, давайте начистоту, о'кэй?

— О'кэй.

— Мне будет неприятно, если все то, что вы схематично проговорили Полу, обретет форму документа — с именами, фотографиями, фактами. Другое дело, тот скандал, о котором вы помянули, оброс массой фантастических сплетен, там больше вымысла, чем правды, но я его не хочу. Ваши условия?

— Меня, как и Пола, интересуют имена «добрых друзей» фирмы мистера Лоренса, ничего больше.

— Какой национальности?

— Нашего гражданства, понятное дело.

— Что вам это дает?

— То же, что и Полу, — сенсацию.

— Я вам отдам имена, а вы, в свою очередь, передадите мне документы, связанные с Гонконгом.

— А с нацизмом? С женщиной, которая живет по чужому паспорту, — это вас не волнует?

— Я определяю «Гонконгом» весь комплекс вашей информации.

— Хорошо. Перенесем встречу на завтра?

— А сейчас уже завтра.

Славин посмотрел на часы: половина третьего утра.

— Предложение? — спросил он.

— Вы пишете мне имена участников Гонконгского дела, а я пишу вам имена тех друзей Лоренса, которые известны мне.

— Договорились. Где можно сесть? Внизу? Или там гости?

— Почему? Пошли вниз.

В холле, когда Славин и Глэбб спустились, была одна

Пилар. Она стояла у огромного, во всю стену, окна, прижавшись лбом к стеклу.

— Мы договорились с мистером Славиным, гвапенья, — сказал Глэбб, — порадуйся за нас.

Женщина обернулась, лицо ее было бледным.

— И это — ужасно, — сказала она. — Пусть мы с тобой будем иметь неприятности, в конце концов мы их переживем, а каково будет тому русскому в госпитале, если его выдадут Москве?

— Вы имеете в виду Зотова? — спросил Славин, подавшись вперед. Он точно с ы г р а л счастливое изумление.

— Я не знаю его имени, я не знакома с ним, просто я читаю газеты...

Джон рассмеялся своим деревянным смехом, стремительно глянув на Славина, и тот подумал, что играют они в смычке неплохо, ловко играют, хорошо вводят к о м п о н е н т чувства, понятного для женщины, — не сдержалась, бедняга, а он так строго и п р и в ы ч н о для Славина (мотивированный смех в сложных ситуациях) сработал ярость, что не поверить в измену Зотова нельзя просто-напросто.

— Неужели Зотов — ваш человек? — снова поддался Славин.

— Вы так легко верите женщине? Что ж, ваше право брать ее слова на веру и не писать мне про Гонконг, — он снова посмотрел на Пилар, — о чем мы только что уговорились по-джентльменски.

— Я напишу, Джон. Но ведь Пилар сказала и м я, а вы повторили дважды — и м е н а.

— То, второе имя я могу и не писать вам, ей ничего не грозит.

— Ей?! Почему ей? Почему не грозит? — Славин понял п р о в е р к у, среагировал точно, он увидел это по глазам Пилар. — Она была не таким хорошим другом Лоренса, как этот Зотов?

— Она была очень хорошим другом, — ответил Джон. — Только ее больше нет, у вас ничего с ней не смогут сделать — она умерла, Вит.

— Это, кажется, жена Зотова?

— Да, — ответила Пилар и протянула Славину стакан с джином. — Хотите,чтобы я отпила глоток?

— Вы же пьете только красное, гвапенья, — ответил Славин. — Кстати, почему «гвапенья»?

— Она родом из Галисии, — пояснил Глэбб. — А там уменьшительное от «гауппа» — красавица — звучит «гвапенья» — красотуля, и мне это больше нравится.

«Они считают, что смогли провести подстраховку своей «операции прикрытия», — подумал Славин, отхлебнув джина. — Они провели ее неплохо, я думал, получится топорнее. Они отдали нам мертвую Винтер и скомпрометированного ими Зотова. Они полагают, что мы теперь пойдем по этому следу. Очень хорошо. Меня это устраивает, ух как устраивает, только меня совершенно не устраивает то, что вы держите под охраной Зотова, несчастного, седого, доброго мужика, вот что меня не устраивает, Глэбб, и ты сделаешь так, что его освободят, клянусь честью, ты сделаешь это».

— Поскольку вы мне назвали имена ваших дру...

— Друзей мистера Лоренса, — перебил его Глэбб. — Я и он — разные вещи, я дерусь за свою любовь и свой бизнес, у него — другие задачи, Вит.

— Хорошо. Я понимаю. Это — позиция... Я просто хотел сказать, что поскольку вы назвали мне имена, то и я не стану писать, а назову известные мне имена, идет?

Джон посмотрел на Пилар; та кивнула.

— Итак, мистер Лао, мистер Лим, мисс Фернандес, герр Шанц, покойный секретарь Лао мистер Жуи, инспектор британской таможни. Видите, я дал вам куда как больше имен, чем вы мне. Я поступил по-джентльменски?

— Да, — сказал Глэбб. — Вполне.

«Зачем ты торопишься? Я ведь не назвал тебе те имена, о которых ты не можешь не догадываться, — неужели у тебя плохая память? — напряженно думал Славин. — Или тебе важнее всего засадить мне свои имена? Давай засаживай, видишь, как я напряженно жду?»

— Нет, — тихо сказала Пилар. — Вы не назвали еще одно имя.

Глэбб снова усмехнулся, сыграл немедленно:

— Ей никто не поверит, она безумна.

— Вы — про Эмму? — спросил Славин. — Нет, Пилар?

— Да.

— Больше я никого не упустил?

— Нет, — сказала Пилар.

Славин допил свой джин, поставил стакан на мрамор камина и улыбнулся:

— А вы?

«Центр.

Не выходил на связь, поскольку проводил беседу с Глэббом. «Компаньоном», именуемым «П», по-моему, является Пилар Суарес, она же Фернандес. Глэббом и Пилар названы имена Винтер и Зотова как «друзей» Лоренса в обмен на

мою информацию о Гонконге. Я, как мне кажется, убедил его в том, что поверил измене Зотова. Глэбб убежден, что, «отдав» нам Винтер и Зотова, комбинацию прикрытия закончил успешно. Он рассчитывает на сдержанную реакцию Лэнгли в случае появления разоблачительного материала о нем и Пилар. Ему, однако, неизвестно, что фотография Пилар и Зотова на балконе накануне нападения на него находится в моем распоряжении.

Славин».

ПОИСК-IX
(ТРУХИН, ПРОСКУРИН)

Дубов зашел в кабинет начальника отдела в двенадцать.

— Здравствуйте, Федор Андреевич, я к вам с просьбой.

— Пожалуйста.

— Вы меня сегодня с двух до трех не отпустите?

— Вы уже закончили обработку материалов по Нагонии?

— К часу закончу. Посижу без обеда, но закончу. Хочу съездить в загс...

— Ах вот так, да?! Поздравляю, от всей души поздравляю. Кто пассия?

— Милый, славный человечек из рабочей семьи, так что с оформлением, думаю, никаких сложностей не будет. Визу на меня уже запросили?

— Ждем.

— Время есть, конечно. Так, значит, вы позволите, да?

— Конечно, конечно, Сергей Дмитриевич.

Дубов вернулся на свое место, заглянув предварительно в секретный отдел, разложил на столе папки с материалами по Нагонии и, достав ручку, начал вчитываться в строки; ручку теперь он держал строго вертикально, замечание ЦРУ учел; кадры получались со срезанным верхом и низом, а в Лэнгли ценили не то что строку — запятую.

В два часа он спустился на стоянку, сел в «Волгу» и поехал к Ольге.

— Здравствуй, лапа, — сказал он. — Паспорт с собою?

— Да. А что?

— Ничего. Я хочу сделать тебе сюрприз.

Около загса он остановил машину, поднялся с девушкой на второй этаж; Ольга повисла у него на руке, прижалась, поцеловала в ухо.

— Не надо привлекать внимание, — шепнул Дубов. — Сдерживай эмоции, пожалуйста.

— А если они не сдерживаются?

— Так не бывает. Выдержка — прежде всего. Очень хочешь быть женой?

— Очень.

— Почему вы все так замуж стремитесь, а?

— Потому что любим, наверное.

Дубов усмехнулся:

— А что такое любовь? Можешь определить? Ладно, это философия, заполняй бланк, лапа. Через пару месяцев попадешь со мною на запад, там мы с тобою выясним эту философскую проблему. Хочешь со мною уехать, а? На работу, на работу, бить буржуев в их берлоге, хочешь?

— Какой же ты сильный и умный, Сережа! Как мне радостно быть с тобой!

Дубов заполнил бланк быстро, помог Ольге, выслушал рассеянно слова загсовского работника:

— От всего сердца поздравляем с вашим решением. Ждем вас через три месяца, машину можно заказать на первом этаже, по поводу обручальных колец обратитесь в комнату номер восемь, там все объяснят.

— Про кольца и машину — спасибо, — сказал Дубов, — а вот три месяца нас никак на устроят. Мы вот-вот уезжаем за границу по делам, может, посодействуете ускорить оформление брака? Необходимые ходатайства я подготовлю, ладно?

...Потом Дубов отвез Ольгу на работу, дал поцеловать себя:

— Только в ухо не надо, мне щекотно.

В пять часов он сдал все папки в отдел, проверил, как точно секретчица отметила время, и пошел на профсоюзное собрание.

Дубов, в отличие от других, был подчеркнуто внимателен, когда кто-то из выступавших поднимал острый вопрос, он переглядывался с теми, кто сидел в президиуме, в зависимости от реакции там, соответствующим образом вел себя: лицо его менялось, словно человек примерял маски античных актеров — недоумение, радость, возмущение, снисходительность, интерес...

После собрания Дубов поехал домой. Он поднялся в лифте на четвертый этаж, открыл дверь и почувствовал на плечах руки: рядом с ним стояли Проскурин и Гмыря; около двери — три чекиста; понятые — две женщины и мужчина со странной бородой; она показалась Дубову отчетливо клетчатой; седина — внизу, потом клочья черных волос и рыжий отлив возле ушей.

— В чем дело, товарищи? — спросил Дубов, чувствуя, как лицо его сделалось багровым; горло перехватило; тяжелый комок мешал дыханию.

— Мы войдем к вам и там все объясним, — сказал Гмыря. — Открывайте дверь своим ключом.

Дубов не мог сдержать дрожь в руке, ключ никак не попадал в скважину.

— У меня кто-то уже б-был, — сказал он себе самому, — я чувствую, тут уже был кто-то...

В комнате ему предложили сесть, обыскав предварительно: лицо его сделалось бледным, сразу же обозначились синяки под глазами.

— Ознакомьтесь с постановлением на обыск, — сказал Гмыря.

Дубов никак не мог прочитать, строчки двоились.

— Вы можете искать, но что только? — сказал он. — Мне сдается, что случил-лась какая-то ошибка. Или нарушаются нормы социалистической законност-ти.

Следователь, капитан Анибеков, подвинул себе стул, сел напротив Дубова:

— Вы не хотите признаться во всем чистосердечно?

— В чем?

— Подумайте. Чистосердечное признание всегда учитывается.

— В ч-чем я должен признат-ться? — тяжело заикаясь, спросил Дубов.

— Умели напачкать, сумейте и отвечать, Дубов, — сказал Гмыря.

— Мне признават-ться не в чем. И напрасно ваши люди угоняют мою машину.

Проскурин глянул на Гмырю — машину действительно отгоняли; надо было срочно проверить, нет ли в ней тайника.

— Что ж, приступайте к обыску, — сказал следователь Анибеков, — а мы пока посидим...

Наблюдая за тем, как чекисты приступили к обыску, Анибеков рассеянно взял фонарь, стоявший на столе, вытащил батарейки, две отодвинул, а третью начал сосредоточенно вертеть в руках.

Дубов неотрывно следил за его пальцами — лицо его снова покраснело, язык сделался сухим; он казался ему невероятно тяжелым.

Следователь отложил батарейку, закурил, подвинул себе пепельницу, аккуратно положил обгоревшую спичку, посмотрел на Дубова; тот сидел напряженный, чуть откинув голову, губы его тряслись, побелели.

Анибеков снова взял батарейку, отвернул дно, выложил на стол капсулу с пленкой, глянул на Дубова.

— Значит, знает-те...

— Знаем, — ответил Анибеков и достал из портфеля камень: булыжник как булыжник, только легкий, нажми невидимую кнопку — откроется; этот тайник только что обнаружили в гараже...

Дубов посмотрел на Гмырю и Проскурина, которые сидели рядом с ним, на ручках кресла, так, чтоб он не мог встать, потом перевел взгляд на Анибекова:

— Если вы хотите использовать меня для работы, прикажите вашим людям немедленно вернуть машину на место: каждая парковка контролируется людьми из посольства, можете сорвать следующую встречу...

Проскурин поднялся, вышел из комнаты, на его место сел Трухин.

— Но машиной мы не отделаемся, — продолжал Дубов. — Я также являюсь объектом постоянного наблюдения людьми из посольства, следовательно, моя жизнь имеет товарную ценность. Гарантируете жизнь? Тогда проведем все в лучшем виде.

— По поводу жизни суд будет определять, Дубов, — ответил Гмыря.

— А без суда нельзя?

— Нет, — сказал Анибеков. — Нельзя.

— Напрасн-но... Я могу д а т ь очень много; то, что я могу дать, никто не сможет...

— Что ж, давайте, — сказал Гмыря. — Послушаем.

— Я лучше напиш-шу... х-хотите?

Он поднялся, легко взял ручку из кармана пиджака, который висел на другом стуле, потянулся к бумаге, что лежала стопкой возле лампы, размашисто написал:

«Я, Дубов Сергей Дмитриевич, считаю своим долгом заявить следующее по вопросам, связанным с моей работой на ЦРУ...»

На мгновение Дубов задумался, поднес ручку ко рту и свалился на пол, лицо его стало синеть; «скорая помощь», вызванная из Склифосовского, констатировала отек легких; три часа Дубова пытались спасти. В десять часов он умер; вскрытие показало идентичность яда, от которого погибла Ольга Винтер и он, агент ЦРУ, «Умный». Доктор, проводивший вскрытие Дубова, потерял сознание, вдохнув пары яда; вторая бригада работала в противогазах.

КОНСТАНТИНОВ

Он оглядел собравшихся, откашлялся, но говорить не начал; долго раскуривал сигару, даже после того, как пустил струю голубого легкого дыма прямо перед собою, словно

отгонял на осенней охоте последних комаров, самых злых и надоедливых.

— Нуте-с, — наконец выкашлянул он, — с чем пойдем к руководству?

— С трупом, — выдохнул Гмыря. — Провал полнейший, что и говорить.

— Я бы так резко вопроса не ставил, — заметил Проскурин. — В конечном счете агент выявлен, утечка информации остановлена, инструкции ЦРУ у нас на руках. Разве этого мало?

— Зачем себя успокаивать? — Коновалов пожал плечами, прислушался к бою курантов — отзвонило два раза, два часа ночи. — То, что сказал подполковник, — самособою раумеющееся, но главного мы не выполнили: мы не имеем изобличенных с поличными разведчиков.

— Верно, — согласился Константинов. — Снова провал. Но мы должны их изобличить.

— Как же без Дубова мы их теперь возьмем? — спросил Проскурин. — Не следует обольщаться, надо довольствоваться тем, что есть.

— Давайте проанализируем, что мы имеем, — сказал Константинов. — Начинайте,товарищ Гмыря.

Тот поднялся:

— Мало что имеем. В наших руках инструкции: послезавтра Дубов должен встретиться с неизвестным разведчиком, скорее всего с Лунсом или Карповичем. Место сигнального пароля для машины Дубова — стоянка на «Паркплатц». Где эта стоянка, нам неизвестно. Неизвестно и точное место встречи в парке, а он — громаден. Чтобы вывести работников ЦРУ на встречу с Дубовым у объекта «Парк», мы должны высчитать, где находится «Паркплатц». Пока — все.

— Вы? — обратился Константинов к Проскурину.

— Согласен с Гмырей.

— Товарищ Коновалов...

— Если мы хотим выйти послезавтра в «Парк», надо продумать легенду для исчезновения Дубова, столь внезапного: разведчики смотрят не только за машиной, но и за ним самим.

— Все? — спросил Константинов. — Спасибо. Итак, первое подразделение товарища Гмыри разрабатывает и обеспечивает легенду «срочной командировки» Дубова на Дальний Восток, на конференцию по проблемам, связанным с зоной Тихого океана. Второе: подразделение Проскурина продолжает работу по аккуратному опросу всех знакомых

Дубова: маршруты поездок; время; привычные места парковок. Третье: подразделение Коновалова готовит все материалы о маршрутах выявленных сотрудников ЦРУ — не было ли пересечений, снятия сигналов с дубовских мест стоянок, вроде той, у МГИМО, это, видимо, парольный сигнал, полученный им в прежней инструкции, очень похоже: он оставил там машину чуть более чем на полчаса, встретил Ольгу, а на следующий день пошел на контакт в Парк Победы.

— А как же мы вычислим «Паркплатц»? — вздохнул Проскурин. — Никаких зацепок...

— Вызывайте Ольгу Вронскую к девяти утра, — сказал Константинов. — Попробуем с ней побеседовать. Пригласите Парамонова, он ведь и Дубову делал профилактику.

В четыре часа утра Константинов отправил сообщение Славину:

«Попросите Глэбба о содействии в вызове Зотова в Союз. Дайте понять, что от вас требуют это; таким образом, вы еще раз подтвердите успех его «операции прикрытия». Фотографию с Пилар считаю нецелесообразным вводить в мероприятие. Полагаю, что этот документ нам пригодится позже».

В пять часов утра Константинов утвердил макет «Парка Победы», который делали весь день: надо было продумать, как расположить оперативные силы, ибо оцепить следовало огромный район, точное место встречи в инструкции указано не было; в течение дня нужно было передислоцировать туда сотрудников, расставить специальные телекамеры, аппаратуру ночного видения, разместить штаб операции по захвату разведчика ЦРУ.

В девять утра Ольга Вронская вошла в кабинет Константинова, улыбнулась ему, ни тени недоумения не было на ее лице, совершенно спокойна.

— Здравствуйте, мне сказали, чтобы я приехала к четвертому подъезду...

— Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Успели позавтракать?

— А я сегодня вообще не буду есть — только холодная вода.

— Держите разгрузочные дни?

— Третий раз в жизни.

— С врачом посоветовались? Это, говорят, не всем показано.

— Мой друг прекрасно знает йогу, он убежден, что голодный день необходим, — Ольга глянула на часы.

— Уже захотелось поесть? — спросил Константинов. — Ждете вечера?

— Нет, я должна позвонить на работу.

— Как вы думаете, почему вас пригласили ко мне?

— Наверное, в связи с выездом за границу...

— Вы собираетесь за границу?

— Да. С Сережей... С моим будущим мужем, — пояснила она.

— Понятно. Нет, я пригласил не в связи с этим, хотя... Я хочу вас спросить: как бы вы отнеслись к человеку, которого мы подозреваем в шпионаже?

— Так же, как и вы, — легко ответила Ольга. — Шпион — это отвратительно.

— Почему? — поинтересовался Константинов. — Тоже все-таки работа... Есть плотники, есть летчики, есть шпионы...

Ольга рассмеялась:

— Хорошенькая работа!

— Высокооплачиваемая. По нынешним временам шпиону «за вредность» хорошо платят.

— Я помню, мама читала стихи в детстве: «Наемник вражьих банд, переходил границу враг, шпион и диверсант». Я после этого с бабушкой по лесу боялась гулять, за каждым кустом шпион и диверсант виделся.

— Любите бабушку?

— Обожаю.

— Больше, чем маму?

— Так нельзя спрашивать...

— Почему?

— Потому что обидно придется отвечать или лживо, а я ни того, ни другого не хочу.

— Понятно. Оля, простите за прямоту вопроса: вы Сергея Дмитриевича любите?

— Очень-очень.

— Не просто, а «очень-очень»?

— Да.

— Работа ваша нравится вам?

— Нет.

— Отчего?

— Скучно. Я знаю, что могу больше дать, а никому вроде бы этого и не надо.

— Вы предлагали?

— Что?

— Дать больше и лучше?

— Это неудобно... Как будто навязываешься.

— Навязываются — это когда просят. Когда предлагают совсем другое... Кого из писателей любите?

— Ну... Многих... Горького... Маяковского, конечно...

— А что у Маяковского более всего нравится?

— Как — что? «Стихи о советском паспорте».

— А у Горького?

— Песня о Буревестнике.

Константинов, легко усмехнувшись, вздохнул.

— Сергей Дмитриевич к медицинской литературе вкус вам не привил еще?

— Он мне рассказывал про йогов. Очень интересно.

— Про голодный день — это он?

— Конечно.

— Ну я понимаю, ему надо, а вам-то с вашей фигуркой зачем? Рано еще.

— Сережа считает, что уже с юности следует готовиться к старости. Распустишь себя сейчас, а потом трудно войти в форму.

— Вообще-то верно. Еще один вопрос: за что вы полюбили Сергея Дмитриевича?

— Он очень умный. Сильный. Наше поколение тянется к сорокалетним мужчинам, сверстники какие-то дебилы, маменькины сынки. А почему вы спрашиваете об этом?

— Вы же сами определили, почему я вас вызвал. Вы давно с ним знакомы?

— Нет. Хотя теперь кажется, что вечность, я и на работе все время в окно смотрю, чтобы не мешали мне представлять его лицо, а то сослуживцы мелькают перед глазами, мелькают...

— Как вы с ним встретились?

— Совершенно случайно. Я потеряла подругу, договорились вместе отдыхать, а она не прилетела. А он пригласил меня провести с ним день, мы так красиво завтракали, я не знала, что завтрак может быть таким же интересным, как ужин: торжественным, со значением...

— Вы его за завтраком и полюбили?

— Вам этого не понять, хотя я знаю, отчего вы так спрашиваете... Ну и потом море, солнце...

— Море и солнце — одно дело, любовь — другое.

— Может быть...

— А почему сверстники кажутся вам дебилами?

— Ну не знаю... Это трудно объяснить. Они какие-то ленивые, цветы никогда не подарят, не умеют интересно говорить, объясняются как-то робко, а по глазам сразу видно, чего хотят.

— Неужели ленивы?

— О, еще как! Спросите, кто из них умеет себе брюки погладить или рубашку постирать, спросите! Скажут: «А мать для чего?»

— Наверное, вам просто не везло,Оля.

— Ничего подобного, я пыталась найти хорошего парня...

— Смотря где искать. Хорошо, времени у меня в обрез: вы бы согласились помочь нам в нашем деле?

— Конечно.

— Вы не хотите спросить — «в каком именно»?

— А я вам верю, в плохое же вы меня не пригласите.

— Мы хотим, чтобы вы помогли нам разоблачить шпиона.

— Я согласна.

— Подумали?

— И думать нечего, это мой долг. Что я должна буду делать?

— Сначала вы должны будете вспомнить все те места, куда ездили с Сергеем Дмитриевичем, где останавливались, куда ходили гулять...

— Так вы его спросите, он же лучше меня все знает...

— Обязательно. Но сначала вы постараетесь все припомнить, ладно?

— Хорошо. Значит, так... Мы ездили на Ленинские горы, там мы останавливались и гуляли с Сережей... Потом в Парк Победы.

— Часа два, не больше, да?

— Нет, полчаса, от силы.

— Он жаловался, что у него машина стала барахлить, что-то с проводкой, да?

— Да, иногда. Но он выйдет, подергает провода и все наладит.

— Это часто бывает. Я тоже с проводкой мучаюсь. Слушайте, Оля, а что, если мы сейчас с вами сядем в машину и вы мне покажете те места, где вы гуляете, а?

— Я не совсем понимаю вас. Почему об этом не спросить Сережу?

— После того как мы с вами отметим все места, Оля, вас отвезут на аэродром, и вместе с нашим товарищем вы полетите в Адлер. Поживете в Пицунде: отдыхайте, грейтесь на солнце, купайтесь...

— Ой, как интересно! Только я должна позвонить Сереже и маме, предупредить их. Да, а как же с работой?

— С работой мы уже уладили, вам туда и звонить не надо. Что вы скажете маме?

— А ей что бы ни сказать — только б предупредить, — Ольга вздохнула. — Необходимая проформа — всего лишь.

Константинов подвинул ей городской телефон:

— Звоните.

Ольга набрала номер; Константинов отметил, что сначала она позвонила на работу к Дубову.

— Можно Сергея Дмитриевича? Его знакомая, Ольга Вронская. Как улетел? — Она растерянно посмотрела на Константинова. — Куда? А когда вернется? Спасибо...

Она удивленно сказала Константинову:

— Он улетел в срочную командировку... Наверное, звонил мне, а я у вас. Как плохо, он еще что подумает. — Она быстро набрала домашний номер. — Ма, Сережа не звонил? Ой, звонил, да?! Что он сказал? Ага... А когда обещал вернуться?

«Молодец Гмыря, — отметил Константинов, — даже это предусмотрел, молодец».

— Ма, знаешь, я срочно улетаю... Нет, не к нему. Я тебе позже объясню.

Константинов подсказал шепотом:

— Когда вернусь...

— Когда вернусь, — повторила Ольга, — это служебная командировка. Да нет, ма, что ты, ну как можно так думать?! Ну до свиданья, бабу поцелуй.

Она положила трубку, посмотрела на Константинова — так ли сказала?

Какое-то мгновение он взвешивал, стоит ли открыть ей все, но потом решил повременить, хотя теперь он был до конца убежден, что Оля ничего не знала об истинном Дубове; врала матери неумело; отвечала на вопросы открыто, без раздумий; глубиною мысли не отличалась; думала наивно, штампами, хрестоматийно, но что-то подсказывало ему — «жди, надо ждать».

Выйдя с Ольгой из кабинета, оставив ее на минуту в приемной, он заглянул в комнату, где сидел Михаил Михайлович Парамонов. Увидев генерала, тот вскочил, вытянулся, ищуще подался вперед.

— Сейчас с вами поговорит наш сотрудник, — Константинов кивнул на Гмырю. — Я не успею. — Пояснил полковнику: — Разумнее мне с ней прокатиться самому, понятно?

— Разумнее, — согласился Гмыря. — А может, и мне повозить Михаила Михайловича?

— Пусть он сначала вспомнит. Вы, Парамонов, с Винтер и с Дубовым ездили на машинах?

— Так точно!

— Вы ж белобилетник, не рапортуйте, говорите нормально. Когда ездили, из-за чего останавливались — нам

хочется помочь людям, оказавшимся в вашей ситуации, ясно? И никому не надо рассказывать об этом собеседовании, договорились?

Усадив рядом с собою Ольгу, Константинов вспомнил третью инструкцию ЦРУ: «Пришлите данные на вашу новую подругу, включая девичью фамилию матери и бабушки». А почему не попросили прислать ее фотографию? Сами сняли? Где? Когда?»

— Оля, а что, у мамы другая фамилия?

— Да. Она взяла фамилию отчима, а девичья у нее Швецова.

— Понятно. Ну давайте вспоминать... Куда двинем? У нас на все про все два часа. К мосту через Москву-реку не ездили? Около Лужников?

— Нет, ни разу. Хотите покажу, где в Парке Победы катались? Там и начнем.

— И покажете место, где он вас одну оставлял, а дядьки и тетки, любуясь вами, вас фотографировали?

Она рассмеялась:

— Откуда вы знаете? Меня только мужчина фотографировал, когда Сережа пошел за билетами в цирк.

— Это когда было? В день, когда вернулись?

— Нет, утром следующего...

Вернувшись после поездки по Москве, Константинов передал Ольгу старшему лейтенанту Крюковой, а сам отправился на квартиру Дубова. Здесь он просмотрел все книги и быстро нашел ту, которую искал: «Справочник по отелям «Хилтон». Пролистал страницы, нашел загнутую: «Двухкомнатные номера «Хилтона» отличаются особым комфортом: цветной телевизор, приемник, программа музыки, передаваемая радиоузлом отеля, великолепная ванна с морской водой, холодильник и набор посуды на шесть персон. Стоимость — 95 долларов, расчетное время 14.00».

Константинов книгу осторожно закрыл, обернул в бумагу и спросил оперативного работника, сидевшего в засаде:

— Как думаете, отпечатки пальцев взять можно с глянцевой страницы?

Ответа, впрочем, он не ждал — ему теперь стало ясно, почему Дубов убрал Ольгу Винтер: когда проходит первая влюбленность, встают вопросы, и на них надо отвечать, а как ответишь про хилтоновский люкс?

«Трагедия слабого и нечестного мужчины, когда рядом с ним оказывается честная женщина, — подумал Константинов. — Честная и сильная, не созерцатель, а деятель.

Конечно, Ольга спросила про «Хилтон», когда они остались одни, а он неловко соврал, она ведь умнее, она поняла и отнесла его серьги подруге — сама просто-напросто не решилась услышать то, что скажут оценщики. Даже сильный человек оттягивает момент правды, ибо правда предполагает действие. А у нее, которая работала за границей и знала прекрасно, что к чему, был один выход. Идти к нам. И он это понимал. Что он мог ей соврать? Сказать не ту цену? Допустимо. Никто из наших за границей цен в отелях толком не знает; понимают, что не по карману, и не спрашивают — гордость не позволяет. Конечно, когда была влюбленность, там, в Луисбурге, и здесь какое-то время, не думала она про эти самые проклятые девяносто пять долларов за любовь в люксе; деньги и любовь — чужеродность; а вот почему решила выяснить сейчас? Догадалась о его втором лице? Но как? Она его защищала перед всеми, покойничка-то не очень любили, «Заратустра», надмирен, снисходителен. Видимо, догадалась у Ниязметовой, когда он вылил на нее вино и увел в ванную — просил, видно, молчать при подруге. А это вошло в противоречие с ее естеством. И она оценила сережки. И ужаснулась. И поехала за проспектом о «Хилтонах». А потом вернулась к нему. И сказала ему обо всем. И он испытал ужас — понял, что погиб».

И вдруг Константинов поймал себя на мысли, что ему жаль Дубова. Он не сразу даже понял себя — жалость к изменнику, разве такое возможно?

«Наверное, объяснимо, — подумал Константинов. — Приехал-то он туда не изменником. На чем его сломали? Аномалия. Но ведь на свете живет немало людей с отклонениями от нормы. Может, я был неправ, когда говорил со Степановым? Нет. Прав. Нельзя не верить любому, в чем-то отклоняющемуся от нормы человеку — это поведет к шпиономании, это в конечном счете поможет противнику ломать людей на страхе. Сколько сейчас наших работает за границей?! Десятки тысяч. По-видимому. А жизнь и там продолжается, всякое может быть, всякое может стрястись с человеком — случайно ли, по глупости ли, от незнания... А противник внимателен, он умеет рассчитывать человека, разлагать его по спектрам. Честолюбие, скаредность, пьянство — да, это инструменты, ими как пользовались, так и будут пользоваться противники, но разве более или менее здравомыслящий человек пойдет на вербовку, станет шпионом, переспав где-то там с подложенной под него Пилар? Значит, все же аномалия? Но аномалия аномалии

рознь. Как провести грань? И что она из себя представляет, эта таинственная грань? Вычислив ее, поняв, мы сможем спасти человека от падения. И еще мы можем спасти человека верой в него. Каждый должен знать — тебе верят. Это дает силу. Только человек с патологическим поражением морали может стать шпионом, — убеждая самого себя, думал Константинов. — И таким был Дубов, это точно, и поэтому лишь в операции с ним сработала и Пилар, и жадность его, и непомерное, ницшеанское честолюбие».

Константинов вошел в свой кабинет, выпил три таблетки аскорбинки, говорят, тонизирует, ночь-то не спал, ни минуты не спал. Он снял пиджак, надел шерстяную рубашку, которая висела у него в шкафу; знобило, хотя день обещал быть теплым, дождь кончился и на улицах пахло цветущими липами.

«Странно, — отметил Константинов, — липы уже отцвели. А может быть, мне хочется ощущать этот запах, он — летний, в нем счастья много и надежды? Кто это писал: «Главное — уверенно желать, только тогда желаемое сбудется». Наивно, конечно, но искренне, молодость чувствуется».

Он потер лоб, веки, виски, придвинул тетрадки Дубова, пролистал несколько страниц, споткнулся на строках:

«То, что свято, — несвойственно мне; если бы собственность других не была для меня свята и я смотрел бы на нее как на свою, я бы овладел ею».

«Человек стоит над каждым отдельным человеком».

«Нравственный неизбежно приходит к тому, что он не имеет иного врага, кроме безнравственного. И — наоборот».

«Эгоист, которого так ужасаются «гуманные люди», — такой же призрак, как и дьявол, он существует только в их воображении, как фантастическая страшная фигура».

«Не называй людей грешниками и эгоистами — и ты не найдешь их! Смотри на себя как на более властного, чем говорят о тебе, и ты будешь иметь больше власти! Смотри на себя как на более великого, и ты будешь иметь больше!»

— Товарищ генерал, к вам можно?

— Да, — ответил Константинов, подумав: «Где ж это я читал, а? По-моему, Штирнер, основатель анархического индивидуализма. Гитлер его часто перечитывал — право на исключительность, на властвование, суперменство».

Дождавшись, когда сотрудники, вызванные помощником, расселись за столом, он сказал:

— Мне сдается, что парольный сигнал «Паркплатц» — это стоянка на месте работы Дубова; он всегда оставлял машину на одном и том же месте, фарами — к гастроному; Ольга ни разу не видела его «Волгу» в ином положении, и он обычно

сажал ее к себе в восемнадцать тридцать — по инструкции это как раз то время, когда ЦРУ должно было снять парольный сигнал «машина». Но с ним за рулем или без него — вот в чем вся штука? А может быть, с ними — Дубов и Ольга? Да, да, я имею в виду и Винтер, и Вронскую...

ГЛЭББ

Лоренс позвонил Глэббу вечером, после ужина:

— Джон, было бы славно, найди вы для меня полчаса.

— Что-нибудь случилось, босс?

— Просто я хочу на вас поглядеть, вы меня заряжаете оптимизмом.

Когда Глэбб приехал, Лоренс сидел возле телевизора и слушал комментарий левого журналиста Алвареша; последнее время тот довольно часто и жестко выступал по поводу войск Огано, расквартированных на границах Луисбурга.

— Послушайте этого парня — он умеет бить, — сказал Лоренс.

Алвареш между тем заканчивал выступление:

— Мы, к сожалению, не перевели статью русского журналиста Дмитрия Степанова — он сейчас в Нагонии и пользуется материалами, предоставленными ему премьером Грисо. Документы только тогда являются документами, когда они подтверждены фотографиями, высказываниями, официальными заявлениями. Степанов привел высказывание генерала Огано. Я повторю это высказывание — Огано до сих пор не отмежевался; видимо, это трудно сделать: «Я не стану привлекать к ответственности тех моих ребят, которые вздернут на столбах русских, приехавших в Нагонию, — я солдат, и мне понятно чувство ненависти». В Нагонию приехало четыреста русских специалистов: из них сто врачей, сорок агрономов, пятнадцать преподавателей университета, девяносто геологов, шестьдесят эпидемиологов. Да, приехали разные специалисты, это — правда.

Степанов продолжает: «Как им было не приехать, когда Огано заявил корреспонденту «Кроникл» месяц назад: «Мои люди готовы к последнему сражению. Мои люди знают, как стрелять от живота и бить ножом в ключицу, следовательно, мои люди знают, как побеждать. Мы овладели новейшей техникой, мы чувствуем крепкую спину в Луисбурге — все это делает нас уверенными в исходе предстоящей битвы». Я хочу обратить внимание нашего правительства на слова генерала Огано по поводу «крепкой спины» в Луисбурге. Неужели наш президент полагает, что пламя

войны, каторая начнется в семидесяти километрах от нашей столицы, будет направлено только в одном направлении? Ветер войны неуправляем; вспыхнув, он может распространиться не в том направлении, которое было спланировано генеральными штабами и разведывательными управлениями. Благодарю вас за внимание, дамы и господа...

Лоренс выключил телевизор, посмотрел на Глэбба вопросительно:

— Каково?

— Вас это пугает?

— Я пугаюсь лишь, когда болеют мои внуки. Меня несколько удивило другое: я только что прочитал это выступление Алвареша, мне его передал генеральный директор телевидения; он сказал, что вопрос о выступлении дискутируется в правительстве. Значит, возобладала точка зрения центра, если Алвареш вылез на экран? Не увлекаетесь ли вы ставкой лишь на одну силу? Не переоцениваете ли возможности Стау?

— Точнее сказать «мы», Роберт, — заметил Глэбб. — Стау наша общая ставка.

Лоренс поморщился:

— Не цепляйтесь за местоимения. «Я», «мы» — какая разница, в конце концов? Мы делаем одно дело, и мы обязаны делать его хорошо. Словом, посол мнется: ему кажется, что сейчас не время передавать Огано вертолеты, он считает, что у них достаточно техники. А он, как вам известно, имеет особые связи с Пентагоном.

— Отправьте телеграмму в Лэнгли, предложите отменить операцию «Факел», и весь разговор, Роберт.

— Вы что такой встрепанный? Не надо так, Джон. Я вызвал вас не как шеф, а как друг. Я хотел, чтобы мы продумали все возможные препозиции в драке. Знаете, драка со своими — самая унылая, но в то же время самая опасная.

— Верно.

— Может быть, стоит чуть-чуть скорректировать нашу линию?

— То есть?

— Джон, я более или менее знаю русских — все-таки я начал с ними общаться в ту пору, когда мы поддерживали кое-какие контакты с ними, и это были дружеские контакты, пока Даллес не начал свою операцию с нацистами в Швейцарии. Я опасаюсь одного лишь: как бы наши здешние ублюдки не перепугались. Они могут врубить задний ход, Джон.

— И что дальше?

— Не злитесь. Все знают, что операция «Факел» спланирована вами. Всем известно, как высоко оценил ее ад-

мирал и те, кто его поддерживает. Но мне поручено вести политическую линию, все-таки я здесь — как вы говорите — босс, и если Государственному департаменту русские прижмут хвост на чем-либо, шишки повалятся не только на вас, но и на меня.

Глэбб рассмеялся не разжимая рта — это свидетельствовало о ярости.

— Ну что ж, я не боюсь шишек, я к ним привык. Но я думаю, что тот Стау, в которого вы перестали верить, все же проведет операцию, задуманную мной, и это повернет здешних центристов вместе с их президентом в нужном направлении.

— К этому я и веду, Джон. Стоит ли так открыто задирать русских? Может быть, разумнее главную ставку делать на и г р е? Может быть, стоит чуть подредактировать выступления наших меттернихов, чуть подвернуть их в русло с д е р ж а н н о с т и?

— Это — ваше дело, Роберт, поступайте как считаете нужным. Моя задача — сесть в вертолет, присланный из Нагонии.

— Простите мой вопрос, Джон... Где-то промелькнуло сообщение, что у вас есть л и ч н ы е интересы в Нагонии. Вроде бы вы там потеряли кое-какие вложения и все такое прочее... Я не возражаю против личного интереса, который соединен с нашим общим, глобальным интересом, просто мне хотелось бы знать — так ли это?

— Ерунда. Где промелькнуло такое сообщение? В России? И вы им верите?

— Им я не верю. Сообщение, однако, промелькнуло не у них — в Европе.

— Оно у вас есть?

— Будет.

— Вам не хочется открывать свой источник информации?

— Дайте мне толком проверить этот источник, дня через три я буду готов к подробному разговору, и, конечно, вы вправе полагаться на мою поддержку, я не верю, что вы можете хоть в малости преступить черту закона и ради своих интересов смешивать дела страны с личными. Я хочу, чтобы мир говорил о нас как о тех, кто служит делу борьбы за демократию в белых манишках, с чистыми руками, по закону.

— Спасибо за добрые слова, Роберт, только у меня вопрос: вы убеждены, что у нас с вами получится дело, соблюдай мы грани закона?

— Я полагаю, что мы трудимся в рамках закона, Джон. Я так хочу считать. Игра обязана быть законной — даже

с русскими. Когда мы бережем «Умного», мы поступаем законно, мы думаем о благе агента, разве нет?

— Кого вы хотите обмануть, Роберт? Себя или меня?

— Я не совсем вас понял, Джон...

Глэбб поднялся, рассмеялся снова, но теперь широко и раскатисто:

— Босс, я понял вашу идею. Дайте мне помозговать, и я вам положу на стол план развития комбинации — поверьте, я так же, как и вы, чту закон и живу по закону

Выйдя от Лоренса, Глэбб посмотрел на часы: до коктейля, который устраивала Пилар, остался час. Он сел за руль и погнал в посольство. Там он поднялся в комнаты, охраняемые морскими пехотинцами, — шифросвязь.

«Срочно сообщите лично мне данные о лицах, публикующих материал о моей «заинтересованности» в Нагонии, возможен русский почерк.

Глэбб».

Шифровка была адресована резиденту ЦРУ в Федеративной Республике; он в свое время работал помощником Глэбба в Гонконге; связывала их не только дружба, но и общий интерес в деле.

ШТРИХ К «ВПК» (II)

На этот раз Нелсон Грин устроил обед у себя в офисе: рядом с кабинетом, очень маленьким и скромным (единственная роскошь — картины Шагала, Пикассо и Сальвадора Дали в узеньких белых рамках), был зал; белая мебель восемнадцатого века; витражи, привезенные из итальянских монастырей; много цветов в высоких глиняных кувшинах — подарок египетского короля Фарука.

За огромным столом сидел один лишь гость — Майкл Вэлш.

— Я выпросил у жены разрешение привезти для нас каспийской икры, — сказал Грин. — Попробуйте, что за чудо, пришла утренним рейсом из Тегерана.

— Попросите, чтобы подогрели черный хлеб, — сказал Вэлш. — В Париже, в ресторанчике «Черная икра», белый не подают, только черные гренки, они покупают у русских.

— Я тоже покупаю у них; русский черный хлеб — это чудо. Ну, Майкл, что у нас нового?

— Через неделю можете отправлять в Нагонию своих экспертов.

— Не забудьте постучать по дереву.

— А голова для чего? Я же говорю, лучшая порода дерева — моя голова.

— Лучшая порода дерева — голова Форда, потому что он в юности играл в регби без шлема. Но у меня есть новости, далеко не радостные.

— Заедим черной икрой, — улыбнулся Вэлш. — С ней все новости становятся конструктивными.

— По моим сведениям, банки Цюриха и Лондона зафиксировали интерес Европы к режиму Грисо. Кто-то — мы еще не выяснили точно, кто именно, — вложил в реконструкцию Нагонии около пятидесяти миллионов марок. Это, понятно, не деньги, но это ш а г, Майкл. Европа начинает показывать зубы.

— Пусть.

— Все не так просто. Я до сих пор работаю в Чили к р а д у ч и с ь, Майкл, а бизнес этого не терпит.

— Я понимаю.

Вошел мажордом — во фраке и белых перчатках, высокий, молчаливый малаец. Он положил перед Вэлшем меню в тяжелой красной коже.

— Советую попросить фазаний бульон и осетрину, они это хорошо готовят, — сказал Грин.

— Простите, сэр, — заметил мажордом — но я не советовал бы заказывать осетрину; я посмотрел рыбу, которую доставили из Тебриза, она лишена той жирности, которая делает ее деликатесом. Я бы предложил скияки, из Токио привезли туши двух бычков, откормленных пивом, массаж им делали постоянно, со дня рождения, мясо, по-моему, удовлетворяет высшим стандартам.

— Стандарты одинаковы, — хмыкнул Грин, — только поэтому они и остались стандартами. Но если вы полагаете, что скияки лучше, — давайте будем есть скияки.

— Простите, Нелсон, — поморщился Вэлш, — но я не могу есть телятину, мне жаль телят, я любуюсь ими на ферме, я их кормлю с рук молоком из соски.

— Тогда, сэр, — сказал мажордом, подплыв к Вэлшу, — я бы порекомендовал вам ангулас, очень тонизирует, наш Пабло великолепно готовит это блюдо, не хуже, чем в Сантьяго-де-Компостела.

— Прекрасно, ангулас — это очень хорошо, я до сих пор помню их вкус после Чили, там в Пуэрто-Монт невероятный рыбный рынок, а как готовят ангулас!

Мажордом неслышно вышел, ступая по толстому белому ковру осторожно, словно охотник, скрадывающий зверя.

— Ситуация в Нагонии разнится от чилийской, Не-

лсон, — продолжал Вэлш, проводив задумчивым взглядом прямую спину малайца. — Люди Яна Смита подготовили прекрасные фотоматериалы о жестокостях африканцев против белого меньшинства — это впечатляет. Уже есть записи бесед с жертвами, великолепно поставлено, никто не посмеет опровергать, сработано как надо. Так что наша помощь будет в Нагонии актом высоко гуманным, необходимым, понимаете? Причем я продумываю ряд занятных ходов: мистер Огано...

— Кто это?

— На каком свете вы живете, Нелсон?

— На грешном.

— Огано — лидер националистов, он войдет в Нагонию, мы с ним работаем уже три года... Так вот, Огано подвергнет нас сокрушительной критике, понимаете?

— Не понимаю. Нас и так достаточно костят во всем мире, хватит, надоело.

— Нелсон, положитесь в тактике на меня. Если бы мы доработали до конца с Пиночетом, если бы у нас тогда был в Москве такой человек, которого мы имеем сейчас, свержение Альенде надо было проводить под лозунгом национальной революции, борьбы за демократию и компетентность. И Пиночет был обязан обрушиться на нас за экономическую блокаду: «Это вы, проклятые янки, не давали Альенде автомобилей и запасных частей к ним! Это вы, проклятые янки, не поставляли нам горное оборудование! Это вы, таким образом, привели страну к экономическому хаосу и погубили нашу гордость — доктора Альенде!» И вам бы п р и ш л о с ь отправить туда машины и оборудование, вам бы тогда не пришлось красться, Нелсон. Мы учли урок. В Нагонии схема более гибкая.

— А вам не кажется, что, разрешая поносить себя, мы, получив определенные дивиденды в настоящем, куда как больше потеряем в будущем?

— Ваше мнение?

— Пить фазаний бульон.

Вэлш оглянулся: за его спиной стояли два официанта, а рядом, как сфинкс, мажордом.

Когда чашки были поставлены (жесты у официантов балериньи, вышколены), Грин набросился на бульон так, словно он вчера держал голодовку.

— Фазана надо есть горячим, — пояснил он, — самый полезный бульон — фазаний, спасает от болезней поджелудочной железы, масса панкреотина.

Он съел бульон стремительно, отставил чашку («Все-таки

в нем виден фермер среднего Запада, — отметил Вэлш, — слава богу, к нему ничего не пристало от нуворишей; тарелку, а чаще миску, именно так отодвигают мои ковбои»), обвалился грудью на стол:

— Майкл, Пентагон будет делать то, о чем вы меня просили, но это состоится в самый последний момент, им надо поиграть в самостоятельность — это бывает с молодыми министрами. Вертолеты уже переброшены на флот, однако их не отдадут этому самому...

— Огано.

— Да, верно. Пентагон хочет, чтобы вы просили как можно настойчивее, понимаете? Мне кажется, они чувствуют себя обиженными: вы даете им кусок пирога, однако тесо делаете по своему рецепту. Посвятите их хотя бы в общие наметки операции. Я вам советую учесть их честолюбивые амбиции; право, вас не убудет. Теперь второе: как будет реагировать Европа? Вы там контролируете ситуацию? Если Бонн и Париж только промолчат — этого мало, учитывая их особые отношения с Москвой. Надо сделать так, чтобы Европа поддержала нас.

— Вы многого требуете от меня, Нелсон. Париж знает, что в одном лишь Конго наши корпорации имеют вложений чуть не на тридцать миллиардов долларов. Из них два миллиарда — ваши. А вся Европа вложила туда не более семи миллиардов. И вы хотите, чтобы они единодушно поддерживали нашу победу?

— Вырождающиеся нации, будь они неладны! Неужели трудно понять, что, если черномазые победят там, европейцев вытолкают коленом под зад, как пропившихся матросов из портового борделя?! Единственная надежда удержать юг Африки, хотя бы юг, — поддержка Гагано...

— Огано.

— Какая разница...

— И, тем не менее, реакция Европы будет двоякой, Нелсон, но все-таки, мне сдается, в нашу пользу.

Нелсон достал зубочистку, прикрыл рот рукой, поковырял в зубе, буркнул:

— Двоякой — несмотря на то что этого вашего Огану опекает Пекин?

— Ого! Неплохо работает ваша *личная* разведка!

— А как же иначе? Поди, дай вам волю...

— О наших контактах с Пекином знает, помимо меня, только один человек: вы, Нелсон.

— Неправда. Помимо меня об этом знает ваш Лоренс, а он, этот самый Лоренс, связан с голландским «Шелл».

И мне сдается, он сориентирован на «здравомыслящую» Европу, на ту, словом, которая хочет жить в объятиях Москвы.

— Вам «сдается», или вы убеждены?

— Если мне сдается, значит, я убежден, Майкл... Последнее: как прореагирует Москва?

— Судя по информации нашего человека, они готовы к военной помощи. Наша задача поэтому заключается в том, чтобы переворот произошел в течение получаса, тогда мы выбьем все козыри: Москва чтит международные договоры...

— Ну уж!

— Нелсон, вы, вероятно, слишком часто смотрите наш телевизор. Не поддавайтесь пропагандистской белиберде. Они чтут международные договоры, поверьте мне, чтут. И в этом, увы, их сила.

СЛАВИН

Он сидел в машине уже восемь часов; он видел, как дважды сменились машины наблюдения — сначала рядом с его «фиатом» стоял черный «мерседес», потом подкатил голубой «шевроле»; наружка перестала церемониться, игра шла в открытую.

Славин неотрывно смотрел на окно палаты, в которой лежал Зотов. Окно было закрыто алюминиевыми жалюзи, но иногда сквозь прорези можно было видеть фигуру мужчины — видимо, полицейский подходил дышать свежим ветром с океана, последние дни з а д у в а л о, кроны пальм делались игольчатыми, п р о т я ж е н н ы м и, и Славин ловил себя на мысли, что эти стрельчатые листья напоминают ему средневековую японскую живопись — такая же стремительная статика, с той лишь разницей, что там бамбук, а здесь громадина лохматых пальм.

...Пол Дик подъехал на такси, увидел Славина, помахал ему рукой — «мол, пошли вместе», но Славин отрицательно покачал головой.

— Почему?! — крикнул Пол. — Генерал Стау сейчас к нему приедет!

— Меня туда не впустят, — ответил Славин. — Вас — тоже.

— За меня не беспокойтесь!

— Когда прогонят — приходите ко мне, я включу кондиционер! Он иногда работает.

А через пять минут подкатил огромный «кадиллак» сеньора Стау, генерального директора полиции.

«Своим газетчикам не позволили приехать, — понял Славин, — в игру включили бедолагу Пола. Рассчитывают на наш разговор. В общем-то, правильно рассчитывают».

Стау, в окружении трех лбов, прошел в госпиталь. Он двигался стремительно, чуть склонив вперед голову; белый костюм сидел на нем как влитой, а разрезы на пиджаке делали его движения легкими, казалось, что с каждым шагом он взлетает, вот-вот вознесется.

«Все-таки они очень пластичны, — подумал Славин. — Ни один белый так не движется, как негры. Пожалуй, самые пластичные люди на земле. Сколько ж этот Стау получает с каждой взятки? Процентов пять? А взятку платят каждому полицейскому на дороге, каждому инспектору в офисе. Состоятельный человек».

— Господин Зотов, вы слышите меня?

— Да.

— Я — Стау, директор полиции.

— Ваши люди, — Зотов с трудом разлепил губы, — не дают мне спать, они нарочно топают бутсами.

— Им будет приказано ходить тихо. Приношу извинения. Я хотел бы задать несколько вопросов, если позволите.

— Позволю.

— Господин Зотов, вы настаиваете на том, что передатчик был подброшен неизвестными?

— Да.

— И шифрованные записи — тое?

— Да.

— Господин Зотов, в таком случае как вы объясните, что на записях обнаружены отпечатки ваших пальцев?

— Не знаю.

— Это не ответ для суда присяжных, господин Зотов. Впрочем, если расшифровка покажет, что в записях есть военные секреты, вы будете отданы в руки трибунала.

— Чего вы от меня хотите?

— Если вы признаетесь, что работали на разведку Соединенных Штатов, мы в таком случае вышлем вас, как только позволит состояние вашего здоровья.

— А если я не признаюсь? — Зотов говорил медленно, чуть слышно, глаза его были недвижны, постоянно устремлены в какую-то одну точку на потолке.

— Значит, вы были радиолюбителем?

— Не был.

— Но откуда же радиопередатчик?

— Подбросили.

— Кто?

— Не знаю.

— Зачем его подбросили вам?

— Выясните.

Стау склонился над Зотовым, прошептал:

— Я это выяснил. Все здешние проамериканские газеты — а я знаю, кто кому и сколько платит, — подняли кампанию в вашу защиту, господин Зотов. Я принес вам эти газеты. Или вы боитесь соотечественников? Две машины русских постоянно дежурят около госпиталя, они и сейчас здесь.

— Почему не пускают?

— Потому, что вы находитесь под следствием. Да и они к вам не очень-то рвутся. Видимо, боятся, как бы вас не вывезли отсюда ваши друзья...

— Я воевал...

Стау склонился еще ниже, боясь пропустить хоть одно слово Зотова. Тот говорил очень медленно, еще тише, чем раньше.

— Говорите, я здесь...

— Я знаю, что вы здесь... Но ведь я воевал. В меня уже стреляли. Я был в плену. И ушел. Я ведь тогда не... Понимаете? Почему сейчас я должен ссучиться?

— Что-что?!

— Почему я сейчас должен оказаться тварью?

— Я вас не совсем понимаю, господин Зотов. Или вы меня плохо слушали. Мы не станем вас судить в случае вашего признания: разведка — серьезная работа, я отношусь с уважением к этой профессии. Мы отдадим вас вашим друзьям. Хоть сейчас. Понимаете? Может быть, вы хотите встретиться с сеньором Лоренсом?

— Кто это?

— Представитель «Интернэйшнл телефоник».

— Я с ним не знаком.

Стау достал из кармана фотокарточку: Зотов пожимает руку Лоренсу.

— Посмотрите сюда. Видите, это — Лоренс.

— Я не знаю этого человека.

— Господин Зотов, в Москве легко проверят, подлинная это фотография или скомпонованная. Что вы им ответите, если фотография подлинная? И еще вам придется ответить на такой вопрос: подлинна ли пленка, на которой записан ваш разговор с Лоренсом и Глэббом, — она у меня в кармане. Хотите, включу?

Не дождавшись ответа Зотова, Стау щелкнул чем-то во внутреннем кармане пиджака, и сразу же возникли голоса: сначала Лоренса, потом Зотова, а после Глэбба.

«Лоренс: Хотите переснять данные о поставках на ксероксе?

Зотов: У нас поганый ксерокс, я, видимо, сделаю фотокопию.

Глэбб: Вы получили вчера то, что хотели от нас получить? Взяли спокойно?

Зотов: Спасибо, Джон, я вам обязан, право.

Глэбб: Это мы вам обязаны, Эндрю, обязаны дружбой.

Лоренс: Как вы думаете, мистер Зотов, ваше правительство окажет военную помощь Нагонии в случае конфликта?

Зотов: Бесспорно».

Стау выключил диктофон в кармане, стало тихо в палате, тишина особенно подчеркивалась нудным жужжанием мухи, бившейся о стекло.

— Ну? — спросил Стау. — Как вы это объясните? Вашингтону это объяснять не надо, я имею в виду Москву, господин Зотов. Если бы я был на месте КГБ, я не поверил бы ни одному вашему слову. Вы должны понять, что документы, которые выкрали у сеньора Лоренса, находятся в цепких руках, в очень цепких руках.

— Я бы хотел поговорить с прессой.

— Пожалуйста. Сейчас я запишу ваше заявление. Американские репортеры уже здесь.

— Нет, я хочу, чтобы их пустили сюда.

— Их пустят сюда, как только вы сделаете заявление и вас смогут открыто защищать верные друзья.

— Слушайте, мне очень хочется спокойно помереть. Так что уйдите, ладно?

— Если вы не ответите мне в положительном смысле, господин Зотов, я буду вынужден передать прессе все материалы, добытые моими службами. Эти материалы скомпрометируют вас как американского разведчика, и процесс станет неуправляемым — вам не миновать суда.

Зотов закрыл глаза, пот струился по его лицу — нос заострился, лоб и щеки в кровоподтеках, землистого цвета; веки сине-черные.

— Я приду к вам завтра, — сказал Стау. — Отдыхайте. И ни о чем не думайте. Мы не дадим вас в обиду. Только я не могу понять вас: если человека обыграли, следует признать свое поражение. Тем более что поражение-то кажущееся — вы обретаете свободу вместо постоянного рабства.

— Я слышал, — шепнул Зотов. — Кто-то мне уже говорил об этом. Только другим голосом...

— Пожалейте меня, господин Зотов. Я попал в сложное

положение: я о б я з а н доказать вашу вину, и я докажу ее, если вы не проявите благоразумия.

Пол Дик обратился к Стау, когда тот вышел из отделения, где была палата Зотова, — коридор тоже блокировали, у стеклянных дверей стояли два детектива в белых халатах.

— Мистер Стау, я Пол Дик из «Пост». Как состояние русского?

— С этим вопросом обратитесь к врачам, я сыщик, а не хирург, — ответил Стау, не останавливаясь.

— Русский изобличен как шпион?

— Да.

— На кого он работал?

— Ответ на этот вопрос вы получите, когда кончится суд.

— Когда я смогу поговорить с русским?

— Спросите ваших юристов — когда человек, обвиняемый в шпионаже, имеет законное право отвечать на вопросы журналистов?

— Можете ли вы прокомментировать сообщение в здешней «Ньюс» о нарушении законности вашей полицией и о не доказанности вины мистера Зотова?

— Идет сложная игра, сэр, — рассмеялся Стау, покусывая губы, — но мы не игроки, а слуги закона, вот как я прокомментирую ваш вопрос.

— «Ньюс» — по-вашему — детище ЦРУ?

— А разве я сказал нечто подобное? Учитесь юмору! Полицейский тоже обладает правом на свободу слова. Это все, до свиданья, мистер Дик.

Пол сел в машину Славина, длинно сплюнул через окно, закрыл его и сказал:

— Обещали кондиционер?

— Держите, — ответил Славин и нажал черную кнопку под щитком. В кабине сразу же стало прохладно, хотя прохлада отдавала бензином.

— Вы что-нибудь понимаете, Вит?

— Понимаю. А вы?

— Ничего не понимаю. Я тогда, у Пилар, не успел с вами попрощаться, позвонил Лоренс, этот парень из разведки, ну, «Интернэйшнл телефоник». Он сказал, что Зотов — его друг. Значит, получается, он — наш парень? Какого же черта его держат под охраной?

— Задайте этот вопрос Лоренсу.

— Думаете, я не задал?

— Оцените мой такт, я не спрашиваю, что он ответил.

— Я уже написал об этом, так что можете не загибать пальцы, сюжет открыт — ко всеобщему сведению. Он полагает, что Белью и Зотов — звенья одной цепи, но Лоренс хитрый парень, он умеет темнить. «Я, — говорит он, — обычный коммерсант, я имею друзей в самых разных сферах, и очень обидно, когда людей, с которыми дружишь, бьют по голове только за то, что мы родились в разных концах земного шара».

— Полагаете, он может сказать: «Бьют Зотова, человека, который передавал нам данные?» Вы такого признания от него хотите? — усмехнулся Славин, подумав: «Прости меня, Пол, я не имею права говорить тебе правду, я обязан поддержать версию Лоренса, я просто-напросто не могу иначе, старина, хоть ты очень славный, наивный и честный человек, оттого так и пьешь».

— А чего вы здесь торчите, Вит?

— А вы?

— Это хороший ответ, — вздохнул Пол.

— Только я никак не могу взять в толк, зачем они торопятся? — задумчиво спросил Славин, зная, что Пол Дик не преминет обсудить эту его мину с Глэббом, а в том, что Глэбб сейчас окружил Пола, как старого приятеля Славина, сомневаться не приходилось.

— С чем?

— Ну Стау приезжает, газеты шумят... Им же выгодно потянуть это дело, подлечить Зотова, а все заинтересованные стороны держать в неведении. Самая выигрышная карта в их политике — держать всех в неведении. Путать надо, а они...

— А разве ваши не испугались? Вон консул ваш приехал. Как коршун...

— Чего ж нам теперь пугаться, Пол? Нам теперь пугаться нечего, — забил по шляпку Славин, — раньше надо было думать. Поехали пить пиво?

— Вит, а почему вас интересует это дело, а?

— Когда вы интересуетесь — все понятно, свобода информации и все такое прочее, а вот если русский — значит, шпионаж и похищение изменника. Где ж равенство, Пол?

Славин включил зажигание, тронул машину с места, и за ним сразу же пристроился черный «мерседес» — голубой «шевроле» отправился обедать, время ленча, лбы соблюдают режим дня, язвенники тайной полиции не нужны, балласт.

— А ведь, действительно, они за вами постоянно катят, — сказал Пол Дик. — Передам материал про ваш шпионаж, слетаю к Огано, посмотрю освобожденную Нагонию и улечу к черту в Штаты, сдают нервы от здешней катавасии...

— Ну-ну. Вы легко перестаете пить?

— Мучительно. Кошмары, голова разрывается, ощущение невозвратимости времени, жалость к себе и человечеству, сыном которого я себя полагаю.

— Слушайте, Пол, у меня возникла идея.

— Какая?

— А что если нам зайти к Лоренсу вдвоем?

— Зажать в перекресток? «ЦРУ между двух огней — агент презренного капитала и агент мирового коммунизма ведут профессиональный диалог с человеком «Интернэйшнл телефоник», сменившим Чили на Луисбург!» Заголовок, а? Хорошая идея, Вит, едем!

— Не боитесь неприятностей?

— Боюсь.

— Стоит ли тогда рисковать?

— Жизнь без риска словно мясо без горчицы. Едем.

...Пол позвонил в апартамент Лоренса снизу, из холла «Хилтона»:

— Хэлло, мистер Лоренс, это Пол Дик, мы хотели бы навестить вас вместе с русским, мистером Славиным, несколько слов, не более того...

Он услышал в ответ:

— Можете подняться.

Короткие гудки.

— У него кто-то сидит, это не он, ну и черт с ним, пошли.

Около лифта Пола Дика окликнул бой:

— Сэр, вас трижды вызывали к телефону, меня послали вас найти, что-то очень срочное.

— Поднимайтесь, Вит, я мигом.

Славин поднялся на пятнадцатый этаж, постучал в апартамент Лоренса; никто не отвечал, хотя за дверью слышалась музыка. Славин постучал еще раз; музыка была веселой, негры из Нью-Орлеана; никто, однако, не отвечал по-прежнему.

Славин пожал плечами, спустился в комнату прессы — телетайпы и прямые международные линии. Пола Дика не было.

— Где мой приятель? — спросил Славин того мальчишку, который только что встретил их у входа.

— Он куда-то позвонил, сэр, и тотчас же уехал. Мне кажется, он поехал в посольство.

— Он говорил об этом?

— Нет, мне так показалось, сэр.

— Надо креститься, когда кажется, — заметил Славин.

— Хорошо, сэр, я непременно стану осенять себя крестным знамением.

Славин усмехнулся, посмотрел новые пресс-релизы — нового ничего не было; по ощущению — затишье перед бурей.

Вернувшись в вестибюль за ключом, Славин спиною ощутил неудобство — кто-то стоял рядом и смотрел ему в затылок.

Славин обернулся — Джон Глэбб продолжал неотрывно смотреть на него, и улыбки на его лице не было, оно сейчас было тяжелым, словно бы закаменевшим.

— Что случилось, Джон?

— Ничего особенного, — медленно ответил Глэбб, — если не считать того, что сейчас убили Лоренса.

КОНСТАНТИНОВ

В три часа пополудни Константинов спустился в зал, где собрались все участники предстоящей операции. Посредине, на большом столе, Гмыря установил макет Парка Победы.

— Товарищи, — сказал Константинов, — операция, которую мы проводим, необычна. От успеха сегодняшней операции зависит не только судьба честного советского человека Зотова, попавшего в беду, но и — в какой-то мере — будущее дружественного государства. Я хочу, чтобы вы постоянно имели это в виду.

Поднялся Гмыря.

— Прошу к макету, товарищи. Нам представляется, что американский разведчик поедет со стороны Ленинского проспекта, из дома посольства, мимо университета; перед выездом на Можайское шоссе он свернет направо, на узенькую дорогу, которая ведет через парк; возле места, где будет сооружен памятник, притормозит, на долю минуты остановится и выбросит — а может быть, положит, это вообще было бы идеально — тайник, контейнер, выполненный в виде ветки. Брать мы его будем на улике. Поэтому должна соблюдаться величайшая осторожность, рациями мы пользоваться не будем, весьма вероятно, что вторая, страхующая машина посольства, оборудована аппаратурой электронного прослушивания. Через час мы начнем блокировать район. Дистанция между вами должна быть не более чем двадцать метров, ночью в парке темно, фонари установлены только вдоль дороги, поэтому внимание и еще раз внимание.

— Дело заключается в том, — заметил Константинов, — что точное место обмена тайниками мы не установили, товарищи. Существуют две версии, каждая имеет

свою логику: эту самую «ветку» удобно бросить при повороте на узкое шоссе, там машину ЦРУ какое-то мгновение не будет видно, лощина; можно притормозить и возле обелиска — вполне мотивированная задержка: человек любуется видом на московские новостройки. Поэтому-то мы и должны блокировать такой громадный район, чтобы не было случайностей, поэтому-то полковник Гмыря и призывает вас к максимальной осторожности. Какие будут вопросы?

— Товарищ генерал, сегодняшняя ночь — единственный наш шанс? — спросила младший лейтенант Жохова.

Константинов полез за сигаретой, ответил т я ж е л о:

— Да, насколько нам известно, последний.

В шесть часов на связь вышел Коновалов:

— Товарищ Иванов, из посольства вышли пять машин Лунса среди них нет, идут по Садовому в направлении Крымского моста.

— Кто из ЦРУ?

— Джекобс и Карпович.

— Как себя ведут?

— Спокойно... Нет, Джекобс резко перестроился в левый ряд, видимо, хочет снимать пароль с «Волги».

— Карпович его страхует?

— Нет, спокойно идет в третьем ряду... По сторонам не смотрит... Джекобс снял пароль, резко ушел в правый ряд, делает круг, спускается на набережную, выехал на набережную... Проехал мимо дома Дубова... Смотрит на место его обычной парковки...

— А может быть, пароль «Паркплатц» — парковка у дома? — задумчиво спросил Константинов Гмырю и Проскурина, сидевших рядом. — Почему он проехал мимо дома, а?

— Поднимается по переулку наверх, — докладывал между тем Коновалов. — Остановился возле посольства.. Не запирая машину, вбежал во двор... Вышел... В руке пачка журналов... Сел в машину... Выехал на кольцо.. Едет во втором ряду. Резко берет в крайний левый ряд, проверяется.

— Видит вас?

— Не знаю.

— Плохо, — сказал Константинов.

— Снова ушел во второй ряд, взял направление к Крымскому.

— Кто сообщает? Вторая?

— Нет, сообщают из первой он еще в поле видения.

— Хорошо, продолжайте.

— Есть.

В шесть сорок пять Джекобс запарковал машину около дома, где живут сотрудники посольства, и поднялся к себе.

В семь часов Константинов выехал в Парк Победы.

В час ночи сотрудников Коновалова сняли; лил дождь, промокли все до нитки. ЦРУ на встречу не вышло. Провал.

СЛАВИН

«Здравствуй, родной!

Я придумала философскую формулу, и она прекрасна: лицемерие качается, как занавес, укрепленный между колосниками, а посредине торжествующий мещанин! Сосед Валерий Николаевич, встретив меня вчера у лифта, спросил: «Тяжело молодой красивой женщине ощущать постоянное одиночество, или свобода любви гарантирует ее от этого чувства?» Я хотела ему сказать, что он старый пошляк, но ты учишь меня сдержанности, и я ответила ему вполне парламентски.

Вот.

Как же мне тебя не хватает, Виталя! Не потому, что я слабая барышня и нуждаюсь в покровительстве мужчины с бицепсами, не потому, что я сделана из твоего ребра и горжусь тем, что ты мой господин; мир, при всех его щедротах, довольно-таки слаб на таланты, а то, что ты талантлив, совершенно для меня очевидно.

Да, кстати, Ильины купили невероятного щенка, один месяц, но — представь! — дома не писает, скулит под дверью, похож на медведя, невероятно ласков. Что, если я куплю такого же к твоему приезду? Ты ведь вернешься рано или поздно, надеюсь?!

Так вот, по поводу талантливости. Знаешь, что я поняла? Я поняла вот что: женщину влечет к таланту его индивидуальность. А всякая индивидуальность вне закона, и соприкасаться с тем, что необычно, очень для женщины интересно, о чем красноречиво говорит факт прелюбодеяния Евы, и если мне станут доказывать, что Адам ее к этому понудил, я стану громко смеяться. Кстати, куда поедем отдыхать? У писателей открылся дом в Пицунде, бары работают до двенадцати, что само по себе невероятно, ибо отдыхающий обязан уже в одиннадцать спать крепким сном, готовя себя к завтрашней передаче «С добрым утром»; номера роскошны; с лоджиями. Как тебе? Я бы с радостью просветила кого-нибудь из Литфонда до самой сердцевины, но у них своя прекрасная поликлиника, следовательно, я

не «дефиситна», думай ты. Или поедем к рыбакам? Но тогда я не смогу надеть длинную юбку, а я ее сшила из холста, и она тебе очень бы нравилась.

Приезжай скорее. Завтра пойду к гадалке. Тут одна слепая замечательно гадает и лечит заговором волчанку.

Вот.

А вообще-то, по-моему, сердце человека не в силах оказать влияние на ум; сердце — добрее. Я стала злой. Привычка может выработаться; привычно закуривать, привычно скрывать зевоту, привычно выслушивать глупости, привычно успокаивать Лилю; нельзя только приучить себя к тому, чтобы привычно ждать.

А некоторые могут. А я с детства не могла — постоянное, проклятое нетерпение. Наверное, ты меня с трудом переносишь, да? Как хорошо любить женщину спокойную, как телка, и такую же поседливую. А что? Если существуют непоседы, как назвать их противоположность?

Ты вообще-то понимаешь, отчего я канючу все время? Я ведь отвлекаю тебя от твоего дела, хочу, чтобы ты на меня позлился, тогда тебе будет лучше думаться. Надо бы сформулировать и защитить кандидатскую «Теория отвлечения от деловых забот раздражителем любви». Меня тогда бабы растерзают.

О новостях. Звонили Конст. Ив. и Лида. Оба слишком весело говорили, какой ты молодец, и что вот-вот вернешься, и что командировка эта, в отличие от других, носит прямо-таки прогулочный характер, из чего я вывела — утешают. И сказала об этом. Конст. Ив. посмеялся и ответил, что в общем-то я права, но каких-либо серьезных оснований для беспокойства нету.

Звонила Надя Степанова. Хоть они и поврозь, но она все-таки спрашивает про Диму. Со мной говорит сухо: я ведь не жена, а подруга, а их, подруг этих, надо опасаться— дурной пример заразителен.

Я ей сказала, что ты в отъезде, а потому про Диму ничего не знаю, только в газетах читаю его корреспонденции. Письмо от Димы посылаю тебе в этом же конверте, очень хотелось распечатать, но если женщина хоть раз посмотрит письмо, адресованное мужчине, или залезет к нему в записную книжку, значит, любовь кончилась — началась м а т а т á, надо разводиться. Странно, разводятся, только если любят, когда любовь кончилась, начинают цепляться, развода не дают, скандалят и ходят жаловаться в общественные организации.

У нас страшная погода: то холод, то жара, поступают

больные с гипертоническими кризами. Помнишь, Холодов советовал сердечникам в месяцы неспокойного солнца жить в подвалах? Может, он прав, а?

Родной, я видела вчера, когда возвращалась из клиники, как на сквере дрались голуби. Я никогда не думала, что эти птицы умеют драться. Пикассо, символ мира и так далее. Но потом я поняла, что они дрались из-за любви. А можно ли драку такого рода считать дракой?

Пожалуйста, если сможешь, купи мне книгу Айерса о травматологии у детей среднего возраста. Очень много к нам привозят с переломами. Особенно девочек. Вываливаются из окон. Хозяюшки моют стекла, когда мамы или бабушки нет дома, сначала — по их логике это верно — открывают нижний шпингалет — легко дотянуться, а потом, когда внизу помыли, открывают верхний и вываливаются. Раньше, когда я была маленькой, в больницы родителей не пускали, а теперь мы разрешаем мамам и бабушкам сидеть весь день. Добреем. Хотя с санитарками у нас очень плохо. Идут в уборщицы, работают в двух местах, сто восемьдесят на руки, иначе и говорить не хотят. Я, стошестидесятирублевый рентгенолог, смотрю на них снизу вверх.

Вот.

Я очень хотела к твоему возвращению заказать дубовую раму в твой кабинет, такую, которая тебе нравится, но поняла, что планета наша для веселья мало оборудована, сто раз прав Маяковский. Мне сказали, что заказ будет выполнен через год, в лучшем случае. Ну и черт с ними, правда? Только б ты скорее вернулся, и мы бы с тобой были вместе хотя бы ту субботу и воскресенье, когда ты прилетишь. А еще лучше — вечером в пятницу.

Я тебя целую, любовь моя.

Ирина».

«Виталя, привет!

Мне передали твою весточку. Начал кое-что раскручивать про Глэбба. Жду сообщений из Бонна. Там вообще-то очень интересная конструкция выстраивается. Ты — молодец, что натолкнул меня на эту тему. Оказывается — но это пока еще в стадии уточнения, — Зепп Шанц является акционером тех компаний, которые были связаны с Нагонией. Потому-то он и способствует отправке к Огано головорезов из штурмовых отрядов.

У меня есть приятель, Курт Гешке, очень толковый парень, сотрудничал в «Шпигеле», друг Вальрафа, его эта тема интересует. В свое время я отдал ему мои материалы

по людям Мао в Западном Берлине, так что он наверняка поможет мне с Зеппом Шанцем. Пока что, как пишет Курт, ясно одно лишь: головорезы Зеппа летят в Луисбург не на «Люфтганзе», а тайно перебрасываются американскими транспортными самолетами, что есть — по каким-то там положениям Пентагона — делом запрещенным; боятся демаскировки и все такое прочее, Курт караулит, он это умеет делать, чтобы потом бабахнуть во весь голос — тогда потянется цепочка: кто разрешил их перебрасывать? А если Пентагон хитрит и все это делается по его указанию, чтобы маскироваться? Курт считает, что скандал будет сокрушительный, он там, кстати, ходит вокруг резидента ЦРУ, что-то на него копает, вроде бы тот на чем-то горел, но про это дело говорит мало. Вообще, молодец парень: я послал ему телекс, так он ответил мне через пять часов, но телеграммой — видимо, не хотел, чтобы прочитали те, кому он не верит. А не верить ему приходится многим.

Такие-то дела, старик. Как там у вас в Москве? Что хорошего? У меня здесь жарко — в прямом и переносном смысле. Приходится маленько драться: посол, слава богу, умница, он понимает, что чувствования литератора отличны от чувствований человеков иных профессий (это не есть культ элитарности, просто — констатация факта). Поэтому он поддерживает мои корреспонденции, а иные возражают, считают, что я сгущаю краски. А я их не сгущаю, журналисты — народ корпоративный, мы — и те и наши — сходимся на одном: вот-вот начнется драка, Огано доводит истерию до некоего абсолюта, когда дальше уж делать нечего, кроме как стрелять. По ночам на улицах трещат автоматы, военные патрули ездят на машинах, иначе бы город захлестнул террор. Грисо отказался ввести комендантский час, и меня это, говоря честно, насторожило: я был в Чили накануне путча. Правда, я не могу сказать, что революция здесь не вооружается — они вооружаются, они учатся науке борьбы за революцию: сделать ее так же трудно, как защитить; Ленин, кажется, утверждал, что защитить — труднее.

Вчера один товарищ упрекнул меня: «Не слишком ли много диалогов в ваших репортажах; книга — это одно, а журналистика — совсем иное». Я объяснил ему, отчего люблю диалог: именно диалог позволяет уклоняться и приближаться к тому или иному предмету, суживать рамки вопроса, наоборот, расширять их; бросать проблему, возвращаться к ней, а главное — заставлять читателя идти за тобой; менторство в зубах навязло. Диалог позволяет

понять собеседника, ему можно отдать свои мысли, наоборот, взять на вооружение его слова, выделить их, н а л е ч ь на них, это ж игра ума, разве нет?

А мне возразили: «Это не в традициях русской журналистики».

На что я сказал: «Лучший, талантливейший поэт нашей эпохи потому-то и погиб, что был вне традиций стихосложения. Но я стреляться не намерен, хоть и не смею сравнивать себя с Маяковским».

Так, теперь вернемся к нашим баранам. Вообще, я, наверное, являю собою образец литератора, который приводит в защиту своей мысли такие доводы, которые, на первый взгляд, самой мысли противоречат. А что? Лучшее доказательство примата добра на земле — хорошее и яркое описание сил зла. Кое-кого это смущает, хотят одной краски, но так не получится, не поверят, народ умный пошел, если где и свершилась культурная революция — так это у нас, при всех наших благоглупостях. К чему этот пассаж? А вот к чему: меня надо дочитать до конца, чтобы составить связное впечатление; я пишу не словами, а блоками, иначе говоря, мыслями — сними шляпу, начальник, я скромный!

Эрго: Курт предложил объединить материалы о дяде Шанце, нацисте, которого мы ищем, с племянничком, которым он занимается. И бабахнуть единый материал. Более того, Курт говорит намеками, что родство этих двух сукиных детей простирается и на какого-то третьего за... ца. Кто такой — не открывает, значит, заключаю я, копает что-то очень интересное.

Завтра меня обещают подбросить на границу, в тот район, где стоят банды Огано. Знаешь, что сделал этот парень? Он заказал мишени для стрельб — портрет Грисо. И первый прошил его очередью. Любопытно, что печатали эту мишень в Штатах, клеймо обнаружили, но рисовал Джорджа Грисо китаец — они не могут писать африканца или европейца, не придав их лицам своего национального колорита. Надеюсь, ты не обвинишь меня в национализме?

Тут в пресс-баре я сцепился с одним британцем.

«Мы говорили вам о желтой угрозе еще в сорок пятом, а вы посылали Пекину машины, когда ваши люди жили в землянках». Я взбеленился. «Я эти вагоны грузил, — сказал я ему. — Своими руками. И шли эти вагоны через Белоруссию, которая, верно, жила в землянках. Но мы поступали правильно, потому что я не знаю, что такое «желтые», я знаю китайцев и люблю их, потому что жил у них, ел с ними из одной миски. Пройдут и Мао и Хуа (хотел сказать

по-иному, но не понял бы британец, где ему в тонкостях русской словесной конкретики разобраться?!). А китайцы, как великая нация, останутся и будут помнить — обязаны помнить, кто помогал им, в какую годину, отрывая от себя, от своих людей самое необходимое, не смогут не вспомнить — пожалуйста, я готов и на такую формулировку: «Плох тот политик, который думает сегодняшним днем». Надобно думать вперед, политик — это строитель, и если бы, кстати, на Западе в политике был хоть один строитель, а не сплошные юристы, им было бы очень легко понять наши намерения, так ведь легко вычислить, что мы строим и что хотим построить. Хотя, может, понимают, потому что пытаются разорить вооружениями. А вообще-то, «панмонголизм, хоть слово дико, но слух ласкает мне оно». Никто нас лучше не понял, как высочайший интеллигент Блок: «Да, скифы мы, да, азиаты мы, с раскосыми и жадными глазами». «Скифы» — куда как больший гимн русскому, чем разлюли-малины наших лапотников. Почему, кстати, лапотников? Я бы на месте промкооперации золото качал из лапотного промысла — нет более удобной и гигиеничной обуви, а буржуй нас обошел — вовсю лаптями торгует, несколько, правда, модернизированными. Серьезно, это не из серии «Россия — родина слонов», это — по делу.

Старче, время. Я с тобою заболтался. Ты обладаешь особым качеством: ты умеешь слушать. И я нахожусь под твоим гипнозом даже здесь, в Нагонии.

Салуд, камарада! Венсеремос!

Обними Ирину, она у тебя — настоящий товарищ. Завидую мужикам, у которых есть друзья-женщины. Их — мало. Посему их должно беречь, не давая притом поблажек. «Домострой» — неплохая книга, а?

Привет, старик. Обними всех наших с тобою друзей, скажи им, что я без них очень скучаю.

Дмитрий Степанов».

...Письма этого Славин, однако, не получил, он был арестован службой генерала Стау.

ГЛЭББ

Он вылетел в джунгли, на границу, в десять часов вечера, когда темень стала непроглядной. Тем не менее, подъехав к военному аэродрому, Глэбб достал из портфеля бороду и усы, легко приклеил их пастой — лицо сразу же изменилось до неузнаваемости.

Через сорок минут вертолет приземлился на берегу океана. Возле трапа стоял Огано: сахарно сверкали зубы.

— Рад видеть вас, Джон, — сказал он, пожимая своей огромной мягкой ладонью холодную руку Глэбба. — Сколько у вас времени? Часа два, не больше?

— И того меньше, Марио.

— Пошли, нам сварили акульи плавники, поговорим за едой.

— Давно не ел акулу, — вздохнул Глэбб. — Обожаю до дрожи. Кто готовил? Мой повар? Ван?

— Повар Ван, действительно, хорош, спасибо за рекомендацию.

— Я плохих людей не рекомендую; Ван ублажал меня в Гонконге как никто.

Стол был накрыт на деревянном помосте, под пальмой; возле трех кресел горели факелы, тревожно выхватывая из тьмы фигуры охранников, вооруженных маленькими израильскими — похожими на игрушки — автоматами.

— А где Лао?

— Я здесь, — ответил Лао из тьмы, — я люблю жить в тени.

Глэбб обернулся: военный советник Лао, бывший резидент Пекина в Гонконге, шагнул из тьмы к помосту; лицо его казалось бледным; с той поры, когда он сидел «под крышей» банковской корпорации мистера Лима, похудел сильно; постарел; лоб изрезали глубокие морщины.

— Плохо себя чувствуете? — спросил Глэбб, пожимая ему руку. — Или нервничаете перед началом драки?

— Я не имею права ни на первое, ни на второе.

— По приказу или убеждены в победе?

— И так и так.

Глэбб обернулся:

— Здесь много лишних, Марио. Разговор будет слишком важным.

— Моя охрана не знает английского, они ж ни черта не понимают, здоровые, надежные звери.

— Тем не менее, Джон прав, — сказал Лао. — Я предлагаю погулять по берегу, а потом уж сядем есть акулу.

Он взял Глэбба под руку:

— Больше всего я сейчас боюсь того, что Лэнгли все-таки пришлет сюда нового резидента.

— За десять дней перед началом «Факела»? Надо быть идиотами, — Глэбб усмехнулся.

— Думаете, они у вас гении? Конечно, надо быть идиотами, но я очень этого боюсь.

— Может быть, мне послать телеграмму адмиралу? — спросил Огано. — Моим шифром?

Лао усмехнулся:

— Как она будет звучать?

— «У меня отладились очень хорошие контакты с мистером Глэббом, прошу...»

Лао раздраженно пожал плечами, закончил:

— «Не присылайте нового резидента!» А то, напишите еще, моим людям придется и нового чужака пристрелить. Так, что ли?

— Надо будет отдать одного или двух из вашей группы, — заметил Глэбб. — Подбросить трупы, пустить сообщение в прессу: «Во время перестрелки убиты террористы из «красной армии действия»...»

— Ни в коем случае, — возразил Лао. — Я удивляюсь вам, Джон. «Красную армию действия» связывают с нами. А Лоренса — по нашей с вами версии — убили просто левые. Русские. Или кубинцы. Мои люди занимаются мотивировкой связи убийц Лоренса с Нагонией, получается славно, надо будет пошлифовать, а потом вы запустите это в газеты. Но я просил вас прилететь, Джон, не только в связи с этими делами. Мы ваши просьбы выполняем сразу же, а вот вы нас подводите.

— В чем?

— Две недели назад вы обещали передать новую партию вертолетов. Где они?

— Думаете, так легко увязывать все детали с Пентагоном?

— Я же не ссылаюсь на увязывание с моим министерством обороны? Вы шлете радиограмму тревоги, и через час мои люди нейтрализуют Белью. Вы просите изолировать Лоренса — через два часа мы разыгрываем комбинацию, его нейтрализуют. Это уж мое дело, сношусь я с Пекином или нет, вас ведь это не интересует, не так ли? Почему же меня должны интересовать ваши отношения с Пентагоном?

— Вертолеты будут, — сказал Глэбб. — Я обещаю это твердо.

— Когда?

— Мне нужно увезти с собой прокорректированный вами план операции — с учетом замечаний, которые я вам прислал. Я потребую, чтобы вертолеты передали с флота немедленно.

— Хорошо. Спасибо. Мы очень надеемся, Джон. Теперь — второе. Вы обещали, что поставки русских в Нагонию сократятся, — они, наоборот, нарастают.

— Я думаю, если вы подготовите материалы по убийству Лоренса и это будут хорошие материалы, мы загоним рус-

ских в угол; газеты потребуют закрыть порты для их судов. Я очень жду ваших материалов.

— Вы доверяете Стау по-настоящему?

— Да.

— Вы ему платите? — спросил Огано.

— Мы с ним дружим, — улыбнулся Глэбб. — Я верю этому человеку.

— Кто будет заниматься тем русским, которого вы намерены подставить под Лоренса?

— Стау. А ему нужен труп. Или пара трупов. И утечка информации: русский, мистер Славин, поддерживал связь и финансировал «красную армию действия», которая злодейски убила американского коммерсанта.

Лао поморщился:

— Слишком много патетики, Джон. Начиная с Гонконга вы тяготеете к патетике. И не трогайте вы «красную армию», мы выдвинем иную версию, более интересную, я же сказал. Марио, у вас был вопрос.

— Джон, ребятам из наших штурмовых групп надо дать перед налетом на Нагонию немного наркотика. Людей надо взбодрить.

— Не следует этого делать, Марио.

— Ребята идут на верную смерть. Вряд ли кто из них уцелеет...

Лао заметил:

— Мы можем управлять процессом, Джон. Если начнут курить после завершения операции, когда Марио войдет в Нагонию, расстреляем пару десятков солдат перед строем, это действует отрезвляюще.

— Я бы не стал этого делать, — повторил Глэбб, — но если вы оба настаиваете, я передам вашим людям завтра же грамм сорок, не больше.

— Не скупитесь, Джон, — сказал Лао. — Если вам потребуется новая партия героина, я поддержу вашу просьбу, Шанц получит хороший товар в Гонконге, я никогда вам не отказывал в этом бизнесе.

— Преувеличение — это ложь честного человека, — вздохнул Глэбб. — Вы всегда держите пальцы на адамовом яблоке, Лао. Согласен со мной, Марио?

— Ни в коем случае, — рассмеялся тот. — Я во всем поддержу Лао, мы цветные, а вы проклятые янки, не любите цветных...

Лао взял Глэбба под руку, повел к столу:

— Джон, у вас не создается впечатления, что кое-кто в Вашингтоне против того, чтобы помогать нам по-настоящему?..

— Создается. «Реальные политики», сукины дети, миротворцы, память Кеннеди не дает им покоя, Кеннеди, а особенно Рузвельта.

— Но адмирал будет тверд? Он не поддастся вашим «реалистам»?

— Нет. Думаю, нет. Только б скорее начать, Лао. Когда Марио ударит, когда его командос войдут в Нагонию, всем придется включиться по-настоящему, придется пригнать сюда самолеты, придется прислать десант. Только б начать.

— Как вы отнесетесь к тому, что мы выступим на три дня раньше намеченного срока?

— Я не готов к ответу...Мы ждем последнюю информацию...

— Откуда?

— От нашего верного человека.

— Как правило, информацию передают неверные люди, Джон.

— Из каждого правила надо делать исключения.

— Какого рода информацию он вам передаст?

— Мы ждем от него однозначного ответа: вмешаются русские или нет — войди Марио в Нагонию.

— Будет поздно, Джон, — ответил Огано. — Через три часа после того, как мы начнем, русские не смогут шевельнуться, им придется иметь дело с моим правительством. Прошу, друзья, устраивайтесь, акулу нужно есть, пока она не разварилась.

— Где план выступления, Марио? — спросил Глэбб. — Я имею в виду последний, скорректированный Лао.

— Здесь, — сказал Огано, тронув пальцем карман френча.

— Марио ничего не сообщил в Лэнгли своим шифром? — спросил Глэбб.

— Зачем? — Лао пожал плечами. — Мы заинтересованы в том, чтобы именно вы стали резидентом. Какой смысл нам обходить вас? Мы выстроили план, и мы следуем этому плану, Джон. Теперь последнее: вы можете помочь вашими возможностями в Москве?

Глэбб расстелил салфетку на коленях, повертел в руках фужер, посмотрел на Огано.

— Хотите виски? Или джина? — спросил тот.

— Хочу русской водки.

— Я жду ответа, Джон, — сказал Лао.

— Не дождетесь.

— Джон, мы дружим десять лет, я вытащил вас из грязи в Гонконге, я поднял вас здесь, нейтрализовав Лоренса; не мешайте себе самому идти по лестнице.

— Я отвечу вам, когда Марио войдет в Нагонию, Лао, о'кэй?

Лао покачал головой:

— Не мешайте себе делать карьеру, Джон. Мне не нужны имена и клички ваших агентов. Пока что не нужны. Но, судя по вашим шагам, весьма талантливым, сказал бы я, у вас есть кто-то в Москве. Я готов — в обмен за вашу информацию из Москвы — помочь в их работе. На вас. Ваша агентура надежно законспирирована? Вы убеждены в том, что им не грозит разоблачение?

Глэбб выпил водку, которую ему налил Огано, шумно выдохнул и ответил:

— Не беспокойтесь за наших людей, Лао. Они прикрыты так надежно, что им ничего не грозит — во всяком случае, в течение ближайшего полугода.

— Смотрите. Я считал своим дружеским долгом поделиться своими опасениями. Смотрите. Немцы проиграли потому, что слишком уважали себя и недооценивали противника. Не повторяйте ошибок ваших родственников, вам это будет стоить головы. Я не убежден, что вы добьетесь чего-либо с Зотовым, — двойственность не метод в политике, а вы ведь хотите перейти из разряда в о р о т и л в лигу политиков, Джон, вы слишком явно хотите этого...

— Дорогой Лао, я ценю вашу дружбу, право. Но вы слишком однолинейны в ваших конструкциях. Зотову надо будет отмываться, понимаете? Ему надо будет д о к а з ы в а т ь свою честность, на это уйдет много месяцев, а мы с вами прекрасно понимаем, что больше года агент продуктивно работать не сможет; на большее я не рассчитываю, во всяком случае. Мне нужно, чтобы мои верные люди в Москве были гарантированы от провала в течение года; потом — хоть потоп, потом, я думаю, Марио возьмет меня к себе советником по экономике и финансам, на большее я не претендую. Давайте скорректированный план, Марио, мне пора...

«Центральное разведывательное управление.
Отдел стратегических планирований.
Строго секретно.
28/01-45-78.

С учетом замечаний директора ЦРУ план операции «Факел» уточнен и — в окончательной фазе — выглядит следующим образом:

1. День «Х» — суббота, 7.00 утра.
2. Президентский дворец будет взят не только силами

бронедесанта, но и с воздуха — двадцать вертолетов послезавтра прибывают в пункт «С».

3. Джорджу Грисо будет предложено обратиться к народу с обращением о добровольной передаче власти генералу Огано.

4. В случае отказа он покончит жизнь самоубийством.

5. Похороны Джорджа Грисо возьмет на себя правительство Огано, объявив национальный траур.

6. Огано обратится за помощью не к нам, а к Пекину; более того, он в своем обращении, уточненный текст которого прилагается, осудит вторжение морской пехоты США.

И. о. резидента ЦРУ *Джон Глэбб*».

«Текст обращения генерала Огано к народу Нагонии.

Дорогие соотечественники!

Примите мои сердечные поздравления с освобождением. Восстание против иноземного ига закончилось победой. Вы призвали меня, и я пришел к вам, чтобы отдать себя служению нации.

Мы оплакиваем трагическую кончину Джорджа Грисо, который оказался неподготовленным к той роли, которую ему уготовила судьба, но это не его вина, это беда всей нации, совсем недавно сбросившей цепи колониального рабства.

Я думаю, что наше национальное движение, принесшее победу, будет с восторгом принято друзьями во всем мире.

Я должен сказать, что рука братской помощи из Пекина уже протянута нам.

Я должен самым решительным образом выступить против высадки десанта морской пехоты США.

Я хочу повторить, что стану служить делу нашей национальной революции до конца!

С нами Бог и Победа!»

КОНСТАНТИНОВ

...Режиссер Ухов звонил Константинову каждый день: кончились актерские пробы, а консультант до сих пор не посмотрел, художественный совет не хочет принимать решения, пока не будет высказано мнение специалиста.

— Хорошо, а если я приеду к вам часов в десять? — спросил Константинов. — Такое допустимо?

— Да хоть в двенадцать! — взыграл Ухов. — Будете вы, режиссер Женя Карлов, он говорил, что знаком с вами, и я! Нет проблем, хоть в час ночи!

— Можно пригласить жену? — спросил Константинов.

— Милости прошу, очень буду рад.

...Константинов оставил помощнику телефон съемочной группы и монтажной, сказал, что в случае срочной надобности ехать от «Мосфильма» десять — пятнадцать минут, позвонил Лиде и предупредил ее, что ждать будет у проходной в девять пятьдесят пять.

— А без пяти десять ты не можешь сказать? — улыбнулась Лида.

— Могу, но в этом будет некая сослагательность. И потом я не люблю слова «без», в нем какая-то унылость скрыта, — ответил Константинов.

...В просмотровом зале было душно, вентилятор не работал; Лида осторожно разглядывала лицо мужа — похудел. Он весело говорил с Уховым и Карловым, шутил с монтажницей Машей, сетовал на сумасшествие погоды — совершенно нет лета, сплошные дожди; рассказал смешной анекдот, попросил разрешения снять пиджак и заключил:

— Если не возражаете — начнем, а?

Над сценарием фильма о чекистах он просидел — в самом еще начале работы — чуть не две недели; страницы были испещрены пометками; когда Ухов увидал это, то застонал даже:

— Константин Иванович, но ведь сценарий утвержден!

— Тогда зачем я вам?

— Как зачем?! Вы должны просмотреть его по линии достоверности, с профессиональной точки зрения.

— Я этим и занимался. Но коли автор пишет «озадачьте себя вопросом», то как же мне не обратить ваше внимание на такой ляп?

— Это не ляп. Это распространенное выражение, оно бытует у нас.

— И плохо. Бархударов трактует слово «озадачить» как «поставить в тупик». А я не хочу, чтобы чекист говорил на плохом русском языке.

— Неужели «поставить в тупик»? — удивился Ухов. — Черт, спасибо, это надо перелопатить.

— Перелопатить, — повторил, усмехнувшись, Константинов. — Пойдем дальше. Главное соображение: в сценарии много вранья. Причем автор исходит из самых лучших побуждений, он хочет утеплить образы чекистов. И снова появляется жена, которая ждет мужа ночами, и снова молодой капитан влюбляется в певицу из ресторана, которая связана с фарцовщиками, и снова генерал знает все наперед о противнике... Правду надо писать, а коли она автору неведома, стоит поси-

деть с нами, поговорить, мы с радостью поможем. И вот еще что: у вас шпионов пачками ловят, а ведь это неправда. Шпион — редкость в наши дни; серьезный шпион — это сложнейшая внешнеполитическая акция противника. Завербовать советского человека в наши дни — задача невероятно сложная; самая суть нашего общества противоречит этому. Человек, который бы добровольно или даже под давлением отказался от того, что ему дает наша жизнь, — это аномалия.

Ухов ломал руки, клялся, что менять в сценарии ничего больше нельзя, вещь отлилась, конструкцию ломать невозможно.

— Я ведь ни на чем не настаиваю, — заметил Константинов. — Я говорю вам то, что обязан сказать. А вы вправе со мною не согласиться и попросить другого консультанта.

(В мире кино режиссеры делятся на две категории: «стоики», которые отвергают любую поправку, даже своего коллеги, и «стратеги», которые бесстрашно разрушают конструкцию, если видят в доводах товарищей разумные соображения. Ухов хотя и был «стратегом», но попугивал всех «стоицизмом» — особенно на первых порах, до того, как был подписан приказ о запуске фильма в производство; в это время он был готов на все и принимал любые дельные замечания благодарственно. Потом, когда включался счетчик и деньги на ленту были уже отпущены, появлялся новый Ухов, диктатор и трибун, отвергавший любое слово критики; на все замечания отвечал: «А я так вижу». И все тут, хоть тресни.

Когда Константинов сказал о приглашении нового консультанта, Ухов осел, начал рассуждать о ранимости художника, произнес речь во славу чекистов и, в конце концов, соображения Константинова принял.)

Первый ролик был видовым; актер шел по берегу реки, потом бежал; сиганул с берега — красиво, ласточкой, и Константинов вдруг явственно ощутил вкус воды, темной, теплой, мягкой.

— Хочу посмотреть, как он движется, — пояснил Ухов, — это очень важно — пластика актера.

«Попробуй теперь восстанови, как двигался Дубов, — машинально подумал Константинов. — Избегал камеры. Почему? Проинструктировали? Но ведь это не умно: человек, который постоянно опасается чего-то, — уже отклонение от нормы, и мы сразу же включим это отклонение в «сумму» признаков».

— А сейчас поглядите внимательно, мы взяли на главную положительную роль Броневого, предстоит драка с худсоветом, — шепнул Ухов.

— Отчего? — удивился Константинов.

— Стереотип мышления: боятся, что в нем проглянет Мюллер.

— Что за чушь?! Актер — лицедей, чем большим даром перевоплощения он наделен, тем выше его талант.

— Ах, если бы вы были членом художественного совета, — сказал режиссер Евгений Карлов, — нам бы тогда легче жилось.

Броневой был хорош, достоверен, но что-то мешало ему, ощущалась какая-то робкая скованность. Константинов понял: актеру не нравятся слова. Действительно, есть три измерения: сначала сценарий, потом режиссерская разработка, а уж третья ипостась кино — это когда появляется Его Величество Актер. Броневой говорил текст, который ему не нравился, словно бы какой-то незримый фильтр мешал ему; там, где в сценарии был восклицательный знак, он переходил на шепот, многозначительный вопрос задавал со смешком, пытался, словом, помочь сценаристу, но не очень-то получалось; первооснова кинематографа — диалог: коли есть хорошие реплики, несущие стержневую мысль, — выйдет лента; нет — ничто не поможет, никакие режиссерские приспособления.

В следующем ролике актер пробовался на роль шпиона. Константинову сразу же не понравилась его затравленность; он с первого же кадра играл страх и ненависть.

— Такого и ловить-то неинтересно, — заметил Константинов, — его за версту видно.

— Что ж, идти на героизацию врага? — удивился Ухов. — Мне это зарубят.

— Кто? — спросила Лида, положив свою руку на холодные пальцы мужа. — Кто будет рубить?

— Боюсь, что ваш муж — первым.

— Ерунда, — поморщился Константинов. — Если помните, я все время обращал ваше внимание на то, что в сценарии противник — прямолинеен и глуп. А он хитер и талантлив, именно талантлив.

— Можно сослаться на вас, когда я буду говорить с худсоветом?

— Зачем? Я сам готов все это сказать. Обидно не столько за зрителя — за талантливого актера обидно. Унизительно, когда человека заставляют говорить ложь, выдавая ее за правду.

Остальные сцены Константинов смотрел молча; он чувствовал, как его с двух сторон рассматривали: Ухов — напряженно, ожидающе и Лида — ласково, с грустью.

За мгновение перед тем, как включился свет, Лида убрала руку с его ладони и чуть отодвинулась.

Ухов закурил, потер руки и с плохо наигранной веселостью сказал:

— Ну, а теперь давайте начистоту.

— Вправду хотите начистоту? — спросил Константинов.

Карлов усмехнулся:

— Совсем — не надо, оставляйте шанс режиссеру, Константин Иванович.

— Мне не очень все это понравилось, — сказал Константинов. — Не сердитесь, пожалуйста.

— У вас есть любимое слово, Константин Иванович, — «мотивировка». Ваша мотивировка?

— Понимаете, как-то жидковато все это. Нет мысли. А работа чекиста — это в первую очередь мысль. А мысли противен штамп. Вот в чем штука. Мой шеф, генерал Федоров, во время войны возглавлял отдел, который выманивал немецких шпионов. Он мне рассказал поразительный эпизод: перевербованный агент отправил в абвер, Канарису, нашу телеграмму, просил прислать ему помощников, оружие, вторую радиостанцию. А дело-то было аналогично той истории, которую великолепно написал Богомолов в «Августе сорок четвертого». Так что, понимаете, поражение было невозможно просто-напросто, была необходима победа. А перевербованный агент, отправив нашу телеграмму, возьми да умри от разрыва сердца. А тут от службы Канариса приходит шифровка, просят уточнить детали. А каждый агент имеет свой радиопочерк, обмануть противника в этом смысле трудно, почти невозможно. Как быть? Послали ответ: «Передачу веду левой рукой, потому что во время бомбежки правая была ранена». Немедленный вопрос: «Как здоровье Игоря?» А это сигнал тревоги, агент нам все рассказал. Отвечаем успокоительно: «Игорь уехал из лазарета в Харьков к тете Люде». Но и это не устроило Канариса. Они послали шифровку другому своему агенту с требованием перейти линию фронта, встретившись предварительно с тем, который помер, удостовериться, что у того действительно ранена рука. Что делать? Как бы вы поступили?

— Я не знаю, — ответил Ухов.

— Подумайте. Не торопитесь. Кстати, агент, которого они вызывали к себе, тоже сидел у Федорова. Как бы вы поступили?

— Сообщил бы, что нет возможности перейти линию фронта.

— Не ответ для Канариса.

Карлов сказал:

— Если не ответ — значит, операция провалена.

— Тоже не ответ. Операция — мы ж уговорились — не имела права быть проваленной; провались тогда эта операция — не быть ныне Федорову моим начальником.

— Ну не мучьте, — сказал Карлов.

— Федоров провел неделю с агентом, которого вызывал Канарис. Русский, попал в плен, сломался, ушел к Власову, оттуда забрали в разведцентр абвера. Федоров с ним чуть не в одной комнате жил, рассматривал его, он убежден был, что и в противнике можно отыскать человека. А все это время чекисты искали — во взбаламученной эвакуацией стране — родных этого самого агента. И нашли его младшего брата. На фронте нашли. И привезли самолетом под Москву. И Федоров устроил братьям встречу, отпустив их в Москву. Они вернулись вечером следующего дня, а через неделю агент улетел к Канарису, вернулся потом, операция была выиграна. Разве это не тема? Отпустить врага? Разве не интересно для художника — описать ощущения Федорова до того дня, пока шифровки от Канариса не пошли снова к тому, кто был «ранен в руку»?

— Сюжет для фильма, — сказал Карлов.

— Что ж мне с моим сценаристом делать? — вздохнул Ухов. — Задушить? Он не сечет, понимаете?

— Пригласите автора диалогов, — посоветовал Константинов. — На Западе в кино работают умные люди; заметьте, как часто они приглашают писателя прописать диалоги, хорошего причем писателя...

— Хорошему писателю и платят хорошо, — сказал Ухов.

— И еще: хотя фактура у вашего шпиона достоверна, однако он не тянет, право же.

Ухов обернулся к монтажнице Маше:

— Покажите нам фото других актеров. По фактуре очень похож Аверкин, у нас он есть на пленке?

— Есть.

— Просто-напросто двойник, но плохо с пластикой, — пояснил Ухов.

Зажужжала камера, и Константинов даже зажмурился: актер, которого ему сейчас показывали, был действительно как две капли воды похож на того, который так топорно играл шпиона.

— Вы что, гримировали его? — спросил Константинов.

— Да. Риммочка у нас гений, — ответил Карлов, — она умеет добиваться абсолютного сходства.

— Невероятно, — сказал Константинов, чувствуя странное, необъяснимое волнение, — совершенно невероятно.

— Кино — синтез невероятного, — рассмеялся вдруг

Карлов. — У меня недавно умер актер, играл главного героя, а у нас осталось три сцены с ним, представляете? Переснимать весь фильм? Невозможно, никто на это денег не даст. Тогда я нашел дублера и со спины, а кое-где в профиль доснял эти три сцены — никто, даже профессионалы, не заметил подставы.

Константинов рассмеялся, потом вдруг поднялся, надел пиджак, рассеянно полез за сигарой.

— Товарищи, извините, я должен уехать.

Вернувшись в КГБ, Константинов лифта дожидаться не стал, взмахнул к себе на пятый этаж, вызвал Гмырю и Проскурина.

— Нужен двойник, сегодня же нам нужен двойник, завтра он сядет за руль дубовской машины. Мы обязаны найти такого человека, и он должен будет каждое утро выезжать на его машине из дома, с набережной, подъезжать к институту, входить в вестибюль, выходить через черный ход, возвращаться к нам, потом, в шесть, брать машину, сажать в нее Ольгу и ехать домой к Дубову. Только так. Ольгу подключим, когда найдем двойника.

— Она не пойдет на это, — возразил Проскурин. — Она ж влюблена.

— Я попробую ее уговорить, — ответил Константинов. — Сначала надобно отыскать двойника. Мне почему-то кажется, что, задействовав двойника, мы выманим ЦРУ на связь. Видимо, они молчат оттого, что не видят Дубова, он же говорил, что за ним постоянно наблюдают...

— Двойника можно распознать, — заметил Гмыря. — Тогда провал будет окончательный, никого мы не выманим.

— Смотря как двойник будет работать, — сказал Константинов. — Мы найдем для него ракурсы, отрепетируем манеру поведения. Теперь вот что.. Я проанализировал те места контрольных сигналов, которые ЦРУ давало Дубову И получается, что они вызывали его на следующие маршруты: Садовое кольцо, Парк культуры, Ленинский проспект. Это один маршрут. Второй: через Дорогомиловский мост, по набережной, мимо Мосфильма, по Университетскому на Ленинский проспект. Так? Третий маршрут: Можайское шоссе, поворот на малую кольцевую, мимо Парка Победы, через Вернадского, Ленинский проспект.

— Верно, — пробасил Гмыря.

— Ольга мне сказала, что чаще всего они останавливались возле парка на Университетском проспекте; затем у колоннады Парка культуры Горького; сажал он ее в машину

всегда в одном и том же месте, около института, предположительно, сигнал «Паркплатц». Приезжали в оба эти места всегда в одно и то же время: от шести тридцати до семи. Машины сотрудников ЦРУ проезжали именно там.

Гмыря и Проскурин напряженно следили за мыслью Константинова.

— Ольга вспоминает, что по вторникам они ездили к колоннаде, а по пятницам парк на Университетском. Сегодня понедельник...

— А кого ж мы посадим за руль? — вздохнул Проскурин. — Нет ведь двойника, Константин Иванович, чего себя успокаивать-то?

Он посмотрел на сигару Константинова завороженно, рассчитывая, что можно будет закурить сразу же, как только генерал начнет пыхать голубым, сухим дымом.

— Да курите, — угадав Проскурина, сказал Константинов. — Вы злой без сигареты. Где, кстати, Гавриков?

Проскурин и Гмыря переглянулись.

— А что, — пробасил Гмыря, — действительно, похож. Только двигается слишком быстро, резок, а Дубов наигрывал солидность; начальникам нравится, когда подчиненный — солиден и выверен в словах и движении.

— Мне, между прочим, — заметил Проскурин, — тоже нравятся солидные подчиненные, но это совсем не значит, что все солидные — шпионы.

— Так же, как быстрота и резкость не есть главное определяющее качество таратора и балаболки, — ответил Гмыря. — Гавриков действительно похож, только он в больнице, товарищ генерал.

Константинов приехал в госпиталь, где умирал потомственный сталевар с «Серпа» Василий Феофанович Гавриков, отец старшего лейтенанта Дмитрия Гаврикова. Старик трудно шевелил натруженными, громадными руками, глаза открывал медленно, часто впадал в беспамятство, но, очнувшись, сразу же шептал:

— Димка, ты где?

— Я здесь, папа.

Старик брал руку сына своими ледяными пальцами и клал ее на грудь себе, и так замирал, и на лице его появлялась улыбка; раньше-то руки отца несли в себе постоянство надежности, а что есть прекраснее отцовской надежности, сопутствующей тебе в жизни?! Теперь же старик искал руку сына и успокаивался лишь в тот миг, когда пальцы их чувствовали друг друга.

Когда отец забывался, Дима выходил в коридор, курил и плакал. Он запрещал себе плакать, чтобы не краснели глаза, отец все заметит, на то он и отец, сразу спросит: «Почему плачешь, сын?» А что ответить? И так уж третью неделю он говорил старику, что операция прошла хорошо и что скоро выпишут его домой, и отец благодарно принимал ложь сына и только все время искал его пальцы.

Здесь, в коридоре, Константинов и увидел Гаврикова. Тот стоял возле окна, упершись лбом в холодную металлическую раму, смотрел на цветущий парк и с ужасом думал о том, как повезет он отсюда папу, сквозь цветение и зелень, бездыханного, огромного, повезет на Ваганьково и как похоронщики будут торопливо забивать гвозди, поглядывая на часы, — работы у них много. Как же они торопились, когда два года назад хоронили маму, как деловито торопились, и как от них несло водкой и луком, и как фальшиво было их напускное сострадание...

— Дима, здравствуйте, — тихо сказал Константинов, положив руку на плечо Гаврикова. — Простите, что я не вовремя.

Тот обернулся, узнал генерала, не очень-то удивился его приходу, вытер глаза и сказал:

— Папа еще жив.

— Дима, я пришел к вам с просьбой. Мне совестно просить вас об этом, но больше просить некого. Если бы я мог не приходить к вам, если бы я имел хоть какое-то подобие запасного варианта, право, я бы не посмел.

— Что-нибудь случилось?

— Да. Можете меня выслушать?

— Могу.

...Константинов привез Гаврикова на Мосфильм, в гримерную. Гмыря ждал их здесь сорок минут; в чемодане были два костюма Дубова, его рубашки и галстуки.

Режиссер Карлов (Ухов выехал на натуру) познакомил Гаврикова с Риммой Неустроевой.

— Риммочка, — сказал он, — сделайте из этого красавца другого человека. Никогда еще не снимались, Дима? Бойтесь женщин из массовки, вам вскружат голову. Где фотография?

Гмыря достал из бумажника портрет Дубова.

— Я с ним отдыхала на Пицунде, — бахнула Римма. — Очень славный мужчина, забыла только, как зовут

— Игорь, — сказал Гмыря, посмотрев на Константинова ужасающим взглядом: вся конспирация шла к чертовой матери. — Игорь Павлович.

— Нет, — ответила женщина. — Только не Игорь. Я вспомню. Я имена вспоминаю очень трудно, фамилию запоминаю легко. Дубов это.

— Вы ошибаетесь, — сказал Константинов. — Наверняка, ошибаетесь, фамилия этого человека Лесников. Игорь Лесников.

— Странно, — заметила женщина и положила голову Гаврикова на спинку кресла. — Ну да бог с ним... Расслабьте лицо, пожалуйста, закройте глаза. Что вы такой напряженный?

Константинов умоляюще посмотрел на Карлова; тот понял, сказал Римме:

— Пташенька моя, нам бы поскорее.

— Если поскорее, тогда я из него не Лесникова сделаю, а Рину Зеленую. Что у вас глаза напухшие? — спросила она Гаврикова. — Пили вчера много?

— Он не пьет, — сказал Константинов. — У него горе, Риммочка.

— Как же тогда идти на площадку? Горе перед камерой не скроешь. Я, помню, как-то делала Любовь Петровну...

— Орлову, — пояснил Карлов. — Любовь Орлову.

— Именно, — продолжала Римма, накладывая на лицо Гаврикова тон, — а у нее уже начались боли, последняя стадия рака, так она, великая женщина, настоящий художник, больше всего боялась, как бы зритель не почувствовал на экране ее страдание. Мы ведь, бабы, ужасные люди, мы не умеем скрывать свое настроение, не то что боль. А говорим: «Вы, мужики, боль терпеть не можете». Именно вы-то и можете терпеть боль и скрывать настроение. Ненавижу женщин, честное слово, ненавижу. Ну-ка, посмейтесь, — обратилась она к Гаврикову. — Посмейтесь, посмейтесь...

— А нельзя без смеха, Риммочка? — спросил Константинов.

— Нельзя. Смех обнажает лицо, мне тогда легче работать.

Гавриков засмеялся скрипуче.

Константинов раскрутил сигару, пыхнул синим дымом, посмотрел в зеркало:

— По-моему, теперь мы не отличим Диму от Лесникова. Как думаете, Риммочка?

— Я еще не начала работать. Будем делать накладку, или я подниму вашему Диме волосы феном?

— А что скорее?

— Скорее то, что лучше. Поспешишь — людей насмешишь. Вы что, новый ассистент по актерам у Евгения Павловича?

— Консультант, — ответил Карлов. — Это мой консультант.

— Вы не актер, — сказала Неустроева, нанося легкие серые тона на надбровья Димы Гаврикова. — Вы весь зажатый, трудно будет выходить на площадку.

«Будь ты неладна, — подумал с тоскою Константинов. — И сказать ничего нельзя. Рвет ведь парню сердце».

— Римчик, — снова, будто бы почувствовав состояние Константинова, сказал Карлов, — ты, будучи гением перевоплощения, постараешься все же сделать нам Диму минут за десять, да?

— Нет, Женя, десять минут — это утопия. Служенье муз не терпит суеты... Слушайте, как смешно, мне этот самый Дубов, который так похож на Лесникова, просто-таки нравился, хорошо организованное лицо, а сейчас, когда всматриваюсь, диву даюсь, какая-то червоточина в нем...

— Почему? — спросил Константинов.

— Необъяснимо. Физиогномистику мы считали, как и все непонятное, лженаукой. Да и сейчас... Я не смогу объяснить, чувствование необъяснимо.

— У него рот рыхлый, — пробасил Гмыря, — рот у мужчины должен быть четким, а здесь рыхлость.

— Верно, — согласилась Римма. — И глаза странные... Когда близко всматриваешься в глаза человека, познаешь его суть. Надо только суметь всмотреться. Какая-то точка между зрачком и белком, там заключено все, самая чертовина.

Константинов посмотрел на часы: Ольга уже в Москве, надо успеть ее подготовить; последние минуты; все начинает сыпаться из рук, это всегда так, только не надо паниковать, все идет путем, все будет сработано, мы их выманим, только бы она сейчас скорее закончила гримировать Диму, только бы перестала рвать парню сердце.

...Отставной подполковник Сидоренко вернулся из санатория на квартиру; открыв дверь, он увидал Гаврикова в костюме Дубова и Константинова с Гмырей.

— Здравствуйте, Сережа, — сказал он, — что вы так осунулись?

— Это не Сережа, — сказал Константинов. — Здравствуйте, подполковник, спасибо, что приехали ко времени. Это не Дубов, — повторил он ошеломленному Сидоренко, — это наш сотрудник, знакомьтесь.

Гавриков посмотрел на Константинова вопрошающе: называть ли свою фамилию.

— Старший лейтенант Гавриков, — помог ему Гмыря. — Из контрразведки.

— А где же... — начал было Сидоренко, потом отступил в коридор, пригласил в свою комнату, похожую больше на жилье женщины: много красивой посуды и подушка укрыта тюлем.

— Нам бы хотелось, подполковник, — сказал Константинов, — чтобы вы помогли товарищу Гаврикову. Подсказали, как Дубов ходил, поднимался со стула, закуривал; быть может, вы помните какие-то его характерные движения... Характер, как и возраст, определяются не тем, как человек ест, ложится, идет, а тем, как садится на стул или поднимается с него.

— Возраст — да, характер — вряд ли... Сережа очень следил за движениями, за речью.

— Товарищ генерал, — тихо сказал Гавриков, — вы не позволите позвонить в госпиталь, а?

— Простите, Дима. Конечно.

Когда Гавриков вышел в коридор, Сидоренко спросил:

— Вы арестовали Дубова?

— Да.

— И вы не можете показать оригинал дублеру?

Константинов раскрутил сигару, пыхнул голубым дымом, ответил:

— Он умер при аресте, подполковник, и об этом, кроме нас, знаете только вы. Я не смею лгать вам, понимаете? Просто-напросто не смею.

— Сере... Дубов был толще. Вам надо подкормить дублера, — сказал Сидоренко. — Хотя — похож очень.

Гавриков вернулся, сел на краешек стула, спросил:

— Разрешите курить, товарищ генерал?

— Пожалуйста, Дима. Как папа?

— Спрашивает, где я...

— Через четыре часа вернетесь.

— Я готов, товарищ генерал.

— Что с отцом? — спросил Сидоренко.

— Рак поджелудочной... Я, пожалуй, начну ходить, вставать, закуривать, а вы меня корректируйте, — сказал Гавриков.

— Закуривал Сере... закуривал Дубов очень интересно, — сказал Сидоренко. — Он как-то ловко выбрасывал из пачки сигарету, придерживал ее пальцем, брал в рот — обязательно в левый угол рта и делал очень глубокую затяжку.

— Какие сигареты он курил? — спросил Гмыря.

— «Аполло — Союз».

— Поди их достань, — ответил Гмыря на вопросительный взгляд Константинова. — Только в «Березке».

— Значит, достаньте в «Березке», — сказал Константинов. — И сделать это надо срочно.

Гмыря уехал; Гавриков выбросил сигарету из своей пачки, зажал в левом углу рта, прикурил, сделал глубокую затяжку.

— Похоже, — сказал Сидоренко. — Очень похоже.

— Так курят шерифы, — сказал Гавриков. — Мы играли такую манеру, когда были школьниками. Он еще должен был, когда поднимался со стула, упираться ладонями в колени...

— Именно так, — сказал Сидоренко, — эк же вы вгрызлись в него...

— Оля, здравствуйте, — сказал Константинов, пропуская девушку в свой кабинет. — Знакомьтесь, пожалуйста.

Девушка смотрела на Гаврикова изумленно, но он был не в тени, как там, в коридоре у Сидоренко, а сидел на солнце, и она — женский глаз тренированный — сразу же увидала грим.

— Сережа? — как-то странно сказала она. — Нет, не Сережа. Он никогда не говорил, что у него есть близнец.

— У него близнеца нет, Оля... Где, в каком месте, на какой улице у Дубова в последний раз барахлил мотор — давайте-ка вспомним ще раз.

— Что? — девушка, видимо, не поняла вопроса, она по-прежнему смотрела на Гаврикова. — О чем вы?

— Ну помните, вы говорили, что у него мотор барахлил, вы садились на его место, включали зажигание, он ковырялся с проводами, а потом вы шли гулять.

— Да, верно.

— Точно помните, что в прошлый вторник вы «заглохли» на колоннаде, около Парка культуры?

— Да, да, именно там! У него раза два там глох мотор. Он еще шутил: «Кажинный раз на том же самом месте». А где Сережа?

— Сережу мы арестовали.

— Что?! — девушка даже зажмурилась, схватилась пальцами за виски.

— Он шпион, этот Сережа.

— Нет!

— Он вам про Ольгу Винтер говорил?

— Про кого?! Кто это?

— Это женщина, которую он убил, когда она догадалась. И через день после ее похорон пригласил вас в бар. Да, да,

там, в Пицунде. Я думаю, вы понимаете, что такими словами не кидаются. Мы рассчитываем на вашу помощь, Оля...

— Значит, в тот раз вы на мою помощь не рассчитывали? В тот раз вы мне не верили, а сейчас решили поверить?

— Если бы не поверили вам, если бы у нас были сомнения, я бы не стал с вами говорить.

— Это хорошо, что вы мне верите, — девушка заговорила жестко, глаза ее сузились, сделались холодными. — Я вам очень благодарна за доверие. Но вот только я вам не верю.

Константинов посмотрел на часы: до выезда к колоннаде оставался час, а Гаврикову еще надо было опробовать дубовскую машину: права у парня были, но ездил он только в автошколе, практики — никакой.

— Что может вас заставить поверить? — тихо спросил Гавриков.

— Пусть мне устроят встречу с Дубовым. И я сама задам ему вопрос, и пусть он мне ответит. И тогда я выполню любую вашу просьбу.

— Мне нравится ваша позиция, Оля, — сказал Константинов. — Вы правильно яритесь, вы ведь за себя сейчас сражаетесь, как мне сдается, за свое чувство?

— Это не важно, за что я сражаюсь. Это мое дело. Я сказала свое условие — и все.

— Пойдем в машину, — сказал Гавриков. — Вы убедитесь, что мы говорили правду. Через час. Вы получите доказательство.

— Что, в машину приведут Сережу? В кандалах? — спросила Ольга, и какое-то подобие жестокой улыбки промелькнуло на ее губах.

— Нет, просто увидите, зачем Дубов просил вас садиться на его место у колоннады, — сказал Гавриков.

— То есть?

— Вы убедитесь в этом через час. Мимо вас, очень медленно, от восемнадцати тридцати до девятнадцати проедет машина с дипломатическим номером, — сказал Константинов.

— Машины с дипломатическими номерами ездят по всей Москве.

— Но я вам назвал точное время, когда машина пройдет мимо вас, Оля. Это уже не совпадение, это — система. И вы были куклой, когда Дубов возил вас с собою.

— Я не была куклой!

— Оля, — сказал Константинов и полез за новой сигарой, — вам будет очень совестно смотреть в глаза людям, если вы откажете в нашей просьбе — выехать сейчас с

товарищем Гавриковым к колоннаде и вернуться обратно. Ни о чем другом мы вас не просим.

— Я не поеду.

— Какой вопрос вы хотели задать Дубову?

— Я бы посмотрела ему в глаза и спросила: «Это правда, Сережа?» И все. И он ответит мне, что все это ложь.

— И вы поверите его слову и не поверите нашим доказательствам?

— Смотря какие доказательства.

— Радиограммы из шпионского центра, например.

— Покажите.

Константинов достал из стола папку, нашел среди расшифрованных ту, в которой Дубова просили выслать данные на Ольгу, протянул ей лист бумаги:

— Это про вас. По-моему, вопрос о девичьей фамилии матери и бабушки не я задал вам первый, а Дубов. Только он это сделал ловчее — пригласил в загс.

В 18.30 мимо «Дубова», который ковырялся в моторе «Волги» возле колоннады Парка культуры, проехал Лунс. Оля медленно посмотрела на часы, потом на номер и заплакала; тело ее и лицо были неподвижны, только из глаз катились горошины слез, по-детски крупные.

Утром во вторник в 7.15 разведцентр ЦРУ вышел на связь. Шифровка, адресованная «Умному», гласила:

«Дорогой друг, мы рады, что видели вас в условленном месте, значит, у вас все в порядке. Объясняем, что мы не вышли в объект «Парк», потому что не видели вас в машине на «Паркплатце», и к тому же нам показалось, что в «Парке» были зрители. Обмен информацией в четверг я наметил в условное время у объекта «Мост». Мы хотели бы прочесть ваш сигнал, подтверждающий готовность к встрече, у контрольного объекта «Дети» — полоса губной помадой на столбе, от 18.30 до 19.00.

Ваш друг *«Д»*.

Константинов поднял глаза на Гмырю:

— Выманить-то их мы выманили, а вот где же этот чертов объект «Дети»?

Ольга Вронская ответить на этот вопрос не смогла, сколько ни возил ее по Москве Гавриков.

— Если мы за сегодняшнюю ночь и завтрашний день не вычислим этот проклятый объект, — сказал Константинов, собрав у себя чекистов в полночь, — грош нам всем цена. Зотова погубим, а уж Виталия — тем более...

СЛАВИН

«Часов шестьдесят уже прошло, — думал он, лежа на узенькой койке в темной камере. — Так что часов через двенадцать меня так или иначе поведут на допрос, дольше они не могут держать меня, слишком уж все скандально».

Он пошевелил пальцами — пока еще не затекли, хотя наручники были тонкие, тесные, врезались в кожу.

«Глэбб перебрал, — неторопливо думал Славин. — Он перебрал дважды: с Зотовым, когда насовал ему в дом помимо передатчика еще и шифротаблицы, и со мною, выведя меня на убитого Лоренса. Но неужели Пол Дик заодно с ним? Может быть, все может быть, он спивается, а пьющие люди теряют грань между честностью и грязью, это только гений может выдержать и не превратиться в животное, а Пол не гений. Или они задействовали его, как декоративную фигуру? Ладно, бог с ним, только б все прошло в Москве — тогда будет порядок, тогда они получат такую дулю, что закачаются. Конечно, Дубова они взяли на Пилар. Она, видимо, хорошо работает, расслабляет, обволакивает — и к тому же умна, ей бы на сцену. А тут не проживешь сценой, нищета полнейшая. Лоренса убрал он, Глэбб, он хочет взять лавры себе одному. И себе одному оставить Дубова. Нет, все-таки он человек не умный. Профессионал, работает четко и смело, но перебирает. Как их реклама. Постоянный перебор. Хотя действует: так уж они устроены, привыкли за сто лет. Занятно, что они мне предложат? Они ведь что-то обязаны предложить. Перевербовку? Наивно. Доказательства по убийству Лоренса? Их нет. Я стоял около двери? Да. Стучался? Да. Но моих пальцев на ручке нет. Хотя Глэбб может поменять ручки — снять с моей двери и привернуть к апартаменту Лоренса. Интересно, кто будет оплачивать мой номер? — Славин даже засмеялся этой мысли. — Я предъявлю Глэббу иск. Пусть мой номер оплачивает ЦРУ, я позволю обыграть это их газетчикам. Как, интересно, Глэбб прореагирует на фотографию Пилар с Зотовым? Он испугается, он решит, что я смог записать весь их разговор, хотя они обследовали квартиру Зотова дважды и насовали ему свою аппаратуру. Но они не отпустят Зотова до тех пор, пока все не решится в Москве. Если наши возьмут ЦРУ с поличным, они завертятся, как белки. Надо продержаться. Это ужасно, то, что я думаю сейчас, но слава богу, что Зотов пока еще так плох. Будь ему лучше, они бы устроили шоу, а он не знает, как они это умеют делать, а они бы прокрутили ему

наш разговор о том, что здесь о поставках знал только он один, а что он ответит? Я не знаю, что он врежет. Почему же они не ведут меня на допрос, пора ведь? Что они мудрят?»

...На допрос его не вызвали — в камеру пришел Стау.

— Господин Славин, наш разговор будет носить профессиональный характер.

— Это как понять?

— Это понять так, что вы лучше других отдаете себе отчет: игра проиграна.

— Какая именно?

— Ваша.

— Знаете, я с вами говорить не стану. Я буду объясняться с вами в присутствии нашего консула.

— Убеждены, что поступаете правильно?

— Абсолютно.

— Хорошо, консул ждет в комнате свиданий. Пойдемте. У вас — я последний раз спрашиваю — нет желания обратиться ко мне с просьбой? Я гарантирую выполнение любой вашей просьбы, ибо мои друзья считают вас высоко серьезным человеком, а таких людей ценят, не так ли?

— Именно так. Пошли.

Тюремные коридоры были освещены ярко, до того ярко, что у Славина после заключения в полутемной камере заломило глаза.

— Факт ареста ставит точку на вашей карьере, — сказал Стау. — Вы отдаете себе в этом отчет?

— Почему? Тюрьма — неплохое времяпрепровождение для пишущего человека. Будет о чем поразмыслить на свободе.

— Господин Славин, ваша карьера кончена, мы же знаем, как в КГБ относятся к тем, кто побывал у нас...

— И как же?

— Я отдаю должное вашей манере себя вести, я поэтому еще раз предлагаю вам встречу не с консулом, а с кем-нибудь из ваших умных и деятельных знакомых.

— Сколько они мне положат?

— Простите?

— Сколько я получу денег за то заявление, которого от меня ждут?

— Во-первых, вы еще не знаете, какое заявление от вас ждут. Улики слишком тяжелы, господин Славин, и нам выгоднее ваше молчание. Понятно? Чем плотнее вы будете молчать, тем легче нам провести то, что мы намерены провести. Это очень трудно — вывести вас из игры. Это будет стоить вам п а м я т и, господин Славин, тогда вас увезут отсюда и

положат вам, как вы изволили сказать, столько, сколько платят человеку, оказавшему серьезную услугу.

— Примерно? Тысяч сто?

— Можно передать эти ваши слова как условие?

— Господин Стау, даже если вы записали эти мои слова, не торопитесь передавать их как условие — можете оказаться под ударом.

— То есть?

— Я сказал все, что мог сказать.

Консул в комнате был не один — рядом с ним сидели представитель прокуратуры и чиновник министерства иностранных дел.

— Здравствуйте, Виталий Всеволодович, — сказал консул. — Мы уже заявили протест по поводу вашего незаконного задержания. МИД разрешил нам встречу в присутствии прокурорского работника. Что вы можете сказать по поводу случившегося?

— Мне пока нечего заявить.

— То есть?! — удивился консул.

«Не торопись, друг, не торопись, — подумал Славин. Ты настройся на меня. Не торопись думать свое, ты старайся мое запомнить, тогда-то и получится н а ш е».

— Я не согласен с арестом, — медленно ответил Славин.

— В ряде здешних газет, особенно в «Пост», появились статьи о том, что полиция имеет доказательства вашей вины в деле некоей советской шпионской группы. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Пусть докажут.

Прокурор посмотрел на представителя министерства иностранных дел, закурил, вытянул ноги, спросил — давяще:

— Вы хотите заявить протест по поводу вашего ареста?

— А мне никто не показал ордера на арест. Мне объявили о задержании. По-моему, это разные вещи. У вас есть улики? Свидетели? Может быть, в качестве свидетеля был допрошен гражданин Соединенных Штатов Пол Дик? Или Джон Глэбб?

— Мы не вдаемся в подробности разбирательства вашего дела, — отрезал работник прокуратуры. — Вы обвиняетесь в нарушении наших законов, в шпионаже и других преступлениях — этого достаточно.

— Смотря для чего. Я не до конца понимаю, чего добиваются работники полиции всем этим делом, думаю, однако, что их интересы не совпадают в данном случае с интересами других звеньев правительственного аппарата — министерства иностранных дел, в частности.

— Мы уклоняемся от темы, — снова отрезал прокурор-

ский работник. — Ваш консул хотел встречи с вами — он ее получил. Вы не избиты, с вами обращаются гуманно.

— Если не считать кандалов, — заметил консул.

— Это наручники, — уточнил Стау.

— Так что, думаю, встречу мы этим заключим, — сказал прокурорский работник. — Обвинение вам будет предъявлено в течение ближайших пяти дней.

«Должны раньше, — подумал Славин. — Почему они отложили на пять дней? Если хотят громкого скандала, надо срочно обвинять меня и высылать наших. А может, есть кто-то в правительстве, кто хочет подождать начала выступления Огано?»

— Господин прокурор, — сказал Славин, поднимаясь с табуретки, ввинченной в пол посредине комнаты для свиданий, — когда я смогу передать вашим людям мои доказательства? У меня ведь есть доказательства, и они укрыты в надежном месте. Мои доказательства прольют несколько иной свет на все это дело. Каждое дело должно быть доведено до абсолюта, господин прокурор, даже провокация. А ваши иностранные консультан... а ваши друзья многого не доработали. И поскольку мое дело связано нерасторжимо с делом Зотова, хотелось бы, чтобы вся проблема рассматривалась в комплексе: очень уж все тенденциозно и однолинейно, не находите? Это все, что я хотел добавить...

«Пусть побегают, — подумал Славин, когда дверь камеры закрылась за ним, — пусть посидят и поразмышляют над моими словами, это даст нам выгоду во времени. Пусть почешется их МИД — им же придется объявлять решение, принятое за них Глэббом, а не все хотят быть обезьянками, которые таскают каштаны из огня. Пусть, пусть, это хорошо, что наши пробили встречу такого рода, решится все в Москве, только б решилось...»

Вечером «Пост» вышла со статьей: «До каких пор мы будем терпеть тотальный шпионаж русских? До каких пор русские агенты будут караулить раненого инженера Зотова? Почему до сих пор прессе не открыли подробности дела Славина, который, как полагают, был одним из организаторов убийства американского коммерсанта Лоренса? Кто ответит на все эти вопросы? Почему правительство не скажет прямо и недвусмысленно: «Либо абсолютное уважение нашего суверенитета, либо, господа из Кремля, заберите отсюда своих людей, мы не хотим терпеть тех, кто нарушает наши законы».

Ночью по телевидению выступил Пол Дик. Лицо его казалось пепельным, голос срывался:

— Я только что узнал о вздорном обвинении, которое выдвинуто против Виталия Славина.

Хочу, чтобы все узнали правду: именно я был тем человеком, который предложил ему пойти к Лоренсу. Именно я был тем человеком, который к Лоренсу позвонил. Именно я должен был идти вместе с ним к покойному.

Меня вызвал к телетайпам бой, которого я теперь не могу разыскать, а там дежурный передал телефонограмму из посольства: «Срочно вызывает посол по делу особой важности».

Я понесся в посольство. Однако посол меня не вызывал, никакого дела особой важности не было.

Я настаиваю на том, что кому-то надо было *ввести* мистера Славина в номер покойного Роберта Лоренса. Я настаиваю на том, что Славин не имеет никакого отношения к тому обвинению, которое против него выдвигают.

Я не согласен с той идеологией, которую исповедует Славин, я всегда был его противником, — говоря «всегда», я имею в виду послевоенные годы, в сорок пятом мы были боевыми союзниками, — но я настаиваю на том, чтобы в нашем нынешнем противостоянии соблюдались нормы игры, третьего не дано, мы упремся лбами в броню танков, это говорю я, Пол Дик, специальный корреспондент, который готов повторить эти показания под присягой.

Рано утром к нему в номер пришел Глэбб.

— Пол, не сходите с ума, — сказал он, не поздоровавшись даже. — В перестрелке угрохали двух ребят из Нагонии — они шли на связь к Славину с секретными документами, это его агенты. Я еще не знаю подробностей, но похоже, они везли ему отчет о тех материалах, которые были похищены у Лоренса. Пусть бы вы сказали все, что сказали, свобода слова и все такое прочее, но при чем здесь показание под присягой?

СТЕПАНОВ

«Несколько дней тому назад органы народной полиции Нагонии арестовали трех работников городской электростанции: двух техников и наладчика.

Сегодня ночью арестованные были привезены в прокуратуру, где состоялась пресс-конференция, на которую пригласили представителей газет: Джимми Рэйвза из Нью-Йорка, Халеба Ар-Рауда из Марокко и вашего корреспондента.

После пресс-конференции мы отправились в отель «Континенталь» и передали наши развернутые корреспонденции одновременно. Материал Халеба Ар-Рауда был напечатан

с некоторыми сокращениями; репортаж Джимми Рэйвза, как он и предполагал, урезали до десяти строк и дали петитом на пятнадцатой полосе: «В Нагонии продолжаются аресты среди лиц, не согласных с режимом Грисо». Поэтому я считаю своим долгом привести подробный отчет о нашей пресс-конференции.

Рэйвз: За что вас арестовали?

Веласко (наладчик электростанции): Меня взяли за то, что я поддерживал связь с Гансом Крюгером.

Кристофоро (техник электростанции): Меня арестовали во время радиопередачи из Луисбургского разведцентра ЦРУ.

Диаш (техник электростанции): Я был арестован за связь с пресс-аташе китайского посольства Го Иня.

Ар-Рауд: Какого рода связь вы поддерживали с Го Иня?

Диаш: Меня взяли, когда я передавал ему информацию об энергетических ресурсах Нагонии.

Степанов: Кто вам дал задание собирать такого рода информацию?

Диаш: Го Иня. Его интересовало, сколько времени мы сможем продержаться, если прекратится помощь русских.

Рэйвз: Как давно вы связаны с Го Иня?

Диаш: Два месяца.

Рэвз: Вам платили?

Диаш: Отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Ар-Рауд: Господин Кристофоро, какие данные вы передавали в Луисбургский разведцентр ЦРУ?

Кристофоро: Я еще ничего им не передал. Они поставили передо мной вопросы о том, каким образом мы снабжаем электроэнергией радиостанцию, телевизионный центр и военные казармы.

Рэйвз: Почему ЦРУ интересовал этот вопрос?

Кристофоро: Не знаю.

Степанов: Когда вас завербовали?

Кристофоро: Я работал на них еще до победы нынешнего режима. Они помогли мне получить образование, дали бесплатный билет в Балтимор, там я учился год на электростанции фирмы «Ворлдз даймондс».

Ар-Рауд: Кто вас вербовал?

Кристофоро: Меня завербовал в Луисбурге Джон Глэбб. Он был акционером нашей электрокомпании до победы нынешнего режима. Я знал его, когда он приезжал в Нагонию по делам своей фирмы. Он привозил сюда проектировщиков, потому что хотел вложить деньги в строительство второй электростанции, которая бы работала исключительно на алмазные

рудники. «Ворлдз даймондс» хотела продолжать поиски алмазных трубок вдоль по границе с Луисбургом, и Глэбб возил туда инженеров-проектировщиков. Я их сопровождал.

Рэйвз: Мистер Глэбб принуждал вас к сотрудничеству с ЦРУ?

Кристофоро: Нет. Он просто предложил мне помогать ему. И сказал, что отблагодарит меня, поможет получить образование.

Степанов: Хочу спросить техника Веласко — вы знаете, кто такой Крюгер?

Веласко: Он инженер.

Степанов: Что вам еще известно о нем?

Веласко: Он говорил, что представляет здесь Зеппа Шанца, люди которого принесут нам свободу.

Ар-Рауд: Кто такой Зепп Шанц?

Веласко: Человек, который привозит к Марио Огано легионеров из Европы. По словам Крюгера, этот Зепп дружит с ЦРУ. Он говорил мне, что «Шанц — могучий человек, у него есть родственник, американец, он вертит большими делами в ЦРУ и в ближайшее время прибудет сюда».

Степанов: Вам известна фамилия родственника Зеппа Шанца?

Диаш: Крюгер не назвал его по имени.

Степанов: Но он знает его?

Диаш: Мне это неизвестно.

Рэйвз: На чем вас завербовал Крюгер?

Диаш: Мой младший брат работает на заводе «Ворлдз даймондс» в Мюнхене, у них там есть какой-то филиал. Крюгер сказал, что моего брата обвиняют в изнасиловании белой женщины. Он сказал, что, если я хочу спасти брата, мне придется начать сбор информации...

Ар-Рауд: Какой информации?

Диаш: Крюгера интересовало все, связанное с военными аэродромами и мотопарком армии. Он также дал мне задание выяснить, кто проектирует строительство морского порта, по какой трассе туда пойдет линия электропередачи.

Рэйвз: Вы не получили иных заданий, кроме сбора информаций?

Диаш: Он сказал, что я должен быть готов к действиям.

Рэйвз: К каким действиям вы должны быть готовы?

Диаш: Крюгер сказал во время нашей последней встречи, что послезавтра ко мне придут трое от Огано с динамитом. Я должен был спрятать их у себя в доме. Лично мне он не давал заданий, связанных с диверсиями и террором. Я категорически отверг это обвинение на предварительном следствии.

А р-Р а у д: Во время следствия к вам применялись, пытки?

Д и а ш: Нет.

Р э й в з: Почему вы признали свою вину?

Д и а ш: А как ее не признаешь, если у меня в кармане нашли инструкцию Крюгера?

С т е п а н о в: Сколько времени вы должны были прятать у себя дома людей Огано?

Д и а ш: Не знаю. Крюгер сказал, что не долго. «Несколько дней они поживут у тебя» — это все, что он сказал мне.

Р э й в з: Вы получали деньги от Крюгера?

Д и а ш: Да.

Р э й в з: Сколько?

Д и а ш: При аресте у меня отобрали триста марок. Я даже не успел пересчитать, они были в конверте».

...Итак, ни в одной американской газете не было напечатано сообщение Джимми Рэйвза.

Почему?

Да потому, что такого рода материал доказывает со всей очевидностью все более усиливающуюся активность ЦРУ против Нагонии.

По поводу Зеппа Шанца. У него действительно есть родственник. Его зовут Джон Глэбб. Подробный материал об этом странном родстве готовит американский киножурналист. Материал появится в ближайшее время — если не в США, то в тех европейских странах, которые р и с к н у т опубликовать правду о связях сотрудника ЦРУ с неонацистом.

Пресс-служба США распространила в Нагонии бюллетень, в котором утверждается, что сообщения о поддержке ЦРУ и Пекином банд Огано — «вымысел русских и кубинцев».

Как увязать показания арестованных агентов с официальным документом пресс-службы посольства США?

ЦРУ пытается превратить Африканский континент в поле битвы; изобретаются новые рецепты для ведения «холодной войны»; вооружают людей Огано; готовят диверсии.

...Посеявший ветер — пожнет бурю.

Дмитрий Степанов,
специальный корреспондент».

ШТРИХ К «ВПК» (III)

Саймон Чжу знал, что вице-президент корпорации «ПЛБ» Гарольд Уилки связан с Майклом Вэлшем многолетней дружбой; они вместе воевали в Корее, потом Уилки ушел в бизнес, а Вэлш остался работать у Даллеса.

Поэтому, получив приглашение на коктейль к Уилки, сделав несколько уточняющих звонков, Саймон Чжу, адвокат и негласный руководитель китайского лобби, знал уже — в общих, конечно же, чертах, о чем может пойти речь.

И — не ошибся.

Когда гости разбились на группы по интересам (строители — финансисты — архитекторы; авиастроители — военные — дипломаты; фермеры — футурологи — люди из кругов, близких к правительству), когда коктейль п о ш е л, Уилки, обойдя всех приглашенных, взял под руку Чжу и отвел его к беседке — прием он устроил в своей нью-йоркской квартире, напротив Сентрал Парка; он очень гордился тем, что к его дому примыкал сад раза в два больший, чем у Гаррисона Солсбери.

— Послушайте, Саймон, у вас нет желания сделать стремительный вояж на мэйнлэнд? — спросил Уилки.

— Смотря что я смогу им предложить...

— Все-таки кровь — неистребима, — рассмеялся Уилки. — Мы сразу же берем быка за рога, вы — осторожничаете.

— Кто это «мы», Гарольд?

— Американцы.

— А «вы»?

— Китайцы, Саймон, китайцы.

— Я бы внес коррективу, — заметил Чжу, — я бы сказал иначе: «американские граждане китайского происхождения».

— Ну это — для прессы, Саймон; мы же с вами люди дела, нам нет смысла вязать рождественские бантики. Речь идет о Нагонии, о позиции ваших сородичей.

— Всю жизнь мой отец и я положили на то, чтобы стать американцами, а вы, тем не менее, постоянно укоряете меня сородичами. Это обижает, Гарольд.

— Будет вам... Укорять можно алкоголизмом или триппером, национальностью не укоряют, ее констатируют, как данность.

— Что я привезу в Пекин? — странно усмехнувшись, спросил Чжу. — Если предлагать, то предлагать следует то, что принесет выгоды моей фирме.

— Хорошо сказали, люблю двузначность, это — по правилам. Вашей фирме это принесет выгоду в недалеком будущем. Речь идет о позиции Пекина — в самом широком смысле. От реакции на сообщения прессы, что в Нагонии задействованы люди некоего мальчика, связанного с наци, до выступления посла в ООН по поводу возможных стычек на границе с Луисбургом.

— Видимо, вас, прежде всего, интересует первая позиция, Гарольд. Зепп Шанц — вы, мне сдается, его имели в виду, — действительно, одиозная фигура, это вызовет раздражение в Европе, там еще кое-кто помнит Гитлера... Что касается выступления посла Китайской Народной Республики в ООН, то, думаю, у н а с есть иные каналы для согласования этого вопроса с Пекином.

— Ну что ж, вы славно ответили, ведете в счете, Саймон.

— Спасибо, Гарольд. С чем я поеду в Пекин? Я имею в виду формальный предлог.

— А нужно? — рассмеялся Уилки. — Я полагал, что вы вхожи туда в любое время. Мои друзья убеждены, что вы открываете там дверь левой ногой.

— Нога ногою, но мне приходится платить заработную плату служащим.

— Вот это по-американски. Хорошо, я предлагаю вам отвезти в Пекин контракт: сорокакратная оптика, очень нужна на северной границе, русские оценят это незамедлительно.

— Когда я встречусь с вашими людьми, чтобы оговорить детали контракта?

— Контракт в папке, папка здесь, в моем сейфе. Там же билет на самолет. Он улетает сегодня ночью, Саймон. Детали оговорим после вашего возвращения, процент от сделки — в нашу пользу, хотя, в принципе, мне следовало бы взять с вас два процента, потому что Пекин уплатит вам столько, сколько вы попросите, — мы точно взвесили, что предложить в а м.

...Через двадцать три часа Саймон Чжу прилетел в Пекин. На аэродроме его ждал «мерседес» заместителя министра внешней торговли Го Любо. Генерал из разведслужбы, новый заместитель министра внешней торговли, занимался вопросами проникновения Китая на Запад.

Выслушав Чжу, генерал Го закурил ментоловый «Салем», пожал плечами:

— Глупят на каждом шагу, право. Зачем нужно было втягивать в дело этого Уилки? Он — одиозен, воевал в Корее, мы подвергали его критике. Почему именно он должен был т о р г о в а т ь с вами Зеппа? Я иногда поражаюсь Вэлшу — умный человек, а ошибается, как юный корсар...

Папку с контрактом генерал Го отправил экспертам, предложил Саймону Чжу наговорить на диктофон все те соображения, которые представляются ему новыми (более всего генерал ценил улавливание тенденции, это интересовало его больше ф а к т и к в, на них, на фактах, сидели нижние этажи разведки и — главное — ч и т ч и к и прес-

сы); отменив обед с представителем «Бритиш петролеум», Го выехал в ЦК, сообщив предварительно тему предстоящей беседы министру национальной безопасности, верному сыну великого кормчего, ближайшему соратнику председателя Хуа, выдающемуся стратегу и борцу.

Вечером того же дня в отдел печати ЦК были вызваны редакторы ведущих газет КНР, руководители радио и ТВ.

Инструктаж был коротким:

— Мы должны потребовать у европейских союзников США ответа: действительно ли неонацисты поддерживают свободолюбивую борьбу товарища Марио Огано? И если такого рода факты не подтвердятся — а они, видимо, в настоящее время не получат однозначного подтверждения, — мы получим возможность начать кампанию против Москвы и Гаваны в том плане, что они клевещут на лидеров освободительного движения, на товарища Огано, верного борца против колониализма и гегемонизма некоторых сверхдержав. При этом следует подбирать все данные на Зеппа Шанца и его людей, дабы в нужный для нас момент ударить вашингтонскую администрацию. В нужный момент, подчеркиваем мы, тогда, видимо, когда придет время вышвырнуть из Африки как янки, так и их европейских сателлитов, когда настанет час водрузить над черным континентом знамя великого кормчего. Есть какие-нибудь вопросы?

Ночью, провожая Саймона Чжу на аэродром — он возвращался в Штаты через Японию, там хорошо стыковались рейсы, — генерал Го, не выпуская изо рта «Салем», говорил раздраженно, пытаясь, впрочем, это свое раздражение скрыть:

— Надо понять до конца точно, кто стоит за тми группами политиков и бизнесменов, которые пугают Америку нашим мифическим непостоянством и возможным — в недалеком, по их словам, будущем — китайским гегемонизмом? Кто? Имена, названия корпораций, контролируемые ими органы массовой информации. Это меня интересует в первую очередь, товарищ Чжу.

— Непостоянство действительно мифическое, товарищ Го?

— Вы задали этот вопрос так, словно вы не китаец, товарищ Чжу. Мне странно слышать этот вопрос от вас. Опасайтесь растворения, берегитесь этого, как огня. Работая в Париже, — а вы знаете, каким рестораном там я командовал, подразделение самого высокого класса, — я сделал в своих апартаментах выгородку и жил как китаец, товарищ Чжу.

— Если я стану жить в Штатах как китаец, товарищ Го, ни Уилки, никто другой не обратится ко мне с предложением...

— Вы имеете в виду его контракт? Мы отвергаем этот контракт, передайте, что мы уже заключили сделку на оптику... Не говорите только, — Го усмехнулся, — что мы купили оптику у той фирмы, которая финансирует Зеппа Шанца и его движение. Передайте ему, что мы не станем иметь дело с ним — пусть создает другую фирму и подставит иного человека. Мы готовы заключить контракт миллионов на пятьсот, если он сможет предложить нам «под ключ» завод расчетно-наводящих устройств. О нашей позиции в ООН. Скажите, что все будет зависеть от тех гарантий, которые обсуждались через дипломатические контакты. Объясните им, что мы не получили ответа, устраивающего нас, — они поймут, что я имею в виду. Мы готовы уступать, но интересы Китая в Африке никак при этом не могут быть затронуты. Мои слова следует передавать текстуально, здесь важны нюансы, ясно? Повторить еще раз, или вы запомнили?

— Вы имеете в виду две фразы: «все будет зависеть от тех гарантий, которые обсуждались через дипломатические каналы» и «мы готовы»...

— Верно, — прервал его генерал. — Это все, счастливого полета.

КОНСТАНТИНОВ

Уснуть он так и не смог; снотворное принимать нельзя— положение таково, что каждую минуту могла возникнуть ситуация; вертелся на диване в кабинете до рассвета; поднялся в четыре часа, вышел на улицу.

Тишина была осязаемой. Он вспомнил Славина, их последний разговор о мирности. Славин в тюрьме, хороша мирность, а он, Константинов, идет себе по любимому, до щемящей в сердце боли любимому городу и ничего не может сделать для того, чтобы вытащить Виталия из тюрьмы; ЦРУ не придет к «Мосту», потому что не будет сигнала у этого проклятого объекта «Дети». Что за «Дети»? Где?

Он шел по Лубянке, к бульварному кольцу; в воде, которой машины поливали асфальт, играла радуга. Почувствовав на лице капельки влаги, Константинов шагнул с тротуара на мостовую. Вторая машина проползла еще ближе к нему; Константинов зажмурился, зябко поежился — лицо обдало прохладой, капельки были игольчаты, будто душ «шарко».

«Ничего, — подумал вдруг Константинов, — ничего. Даже если я не доведу это дело до конца и мне придется уйти, останутся наши ребята... Останется Володя Гречаев, пришел из Бауманского, обрел себя у нас; останется Игорь Трухин,

юнга Северного флота, а сейчас ас, истинный ас контрразведки; Стрельцов останется, сын Героя, настоящий человек, хоть и молод еще совсем; и Коновалов останется, начал войну десантником, весь пулями издырявлен, а работает как юноша, увлеченно работает, диву только можно даваться; Гмыря останется, Никодимов, хорошие люди останутся. Страшно уходить тогда только, когда за тобою никого нет; художник — без школы, режиссер — без последователей... Вот тогда действительно страшно. А коли ты убежден, что есть люди, которые смогут п р о д о л ж и т ь, — тогда не страшно, тогда ничего в жизни не страшно...»

— Товарищ! — окликнули его.

Константинов открыл глаза: на другой стороне улицы стояла милицейская «Волга». Лейтенант, вытерев лицо большим платком, покачал головой:

— Нельзя же на проезжей части стоять. Да еще с закрытыми глазами... Что за пешеходы у нас, а?! Как дети, честное слово. Тем хоть простительно, знаков еще не понимают, а вы?

Константинов поднялся на тротуар:

— Простите, пожалуйста.

— Собьют — кто виноват будет?

Константинов повторил еще раз:

— Простите...

И тут он заметил треугольный знак ГАИ, укрепленный на столбе, — мальчик и девочка бегут через улицу, взявшись за руки. «Дети» — подумал Константинов. — Этот знак называется «Дети». Укреплен на столбе. Может быть, о б ъ е к т «Дети» и есть такой знак? Где?»

Константинов вернулся в КГБ, вызвал машину, проехал по трем маршрутам, где Ольга показывала ему места остановки Дубова. Он насчитал восемь дорожных знаков «Дети».

А на каком столбе надо провести черту губной помадой? Вдоль или поперек?

— Ну-ка, быстренько назад, — попросил Константинов шофера и, сняв трубку телефона, набрал номер Коновалова.

Тот — по голосу слышно — тоже не спал.

— Надо поднять из архива фотографии, сделанные капитаном Гречаевым, — сказал Константинов.

Коновалов кашлянул удивленно, не понял, видно, о чем речь.

— Помните, два года назад вы распекли Гречаева за излишнюю подозрительность?

— Я его и потом распекал, — ответил Коновалов, — за излишнее благодушие — в том числе. Напомните, пожалуйста, о чем речь.

— Он сопровождал Крагера и Вилсона... Ну они еще фотографировали много, транзитники из Токио, оба из отдела планирования ЦРУ, неужели запамятовали?

...Когда Константинов вернулся, фотографии уже были в его кабинете. Он разложил их на большом столе заседаний ровным, длинным рядом и начал медленно, изучающе, словно карточный игрок, перебирать: Красная площадь, Университет, гостиница «Россия», ГУМ, Манеж.

Потом он убрал в папку двадцать три фотографии и посмотрел на Коновалова:

— Какой же молодец наш Гречаев, а?! Повторил — в том же ракурсе — все планы кадров, сделанных гостями! Молодец. Значит, операцию по тайниковой связи с Дубовым они готовили два года назад, — и Константинов ткнул пальцами в фотографии моста через Москву-реку; башни смотрятся четко, и милиционер на набережной, который «обычно уходит после 22.30»; монумент в Парке Победы, куда Дубов ходил накануне, то именно место, где притормаживал Лунц, и, наконец, крупным планом дорожный знак ГАИ «Дети», бегут мальчик с девочкой, шофер, внимание!

Константинов перевернул фотографию, прочитал:

— «Улица Крупской, переход у знака ГАИ». Это и есть, убежден, парольный сигнал «Дети». И мотивация хорошая — как раз по улице Крупской лежит путь в дом посольства на Ленинском.

Потянулся к телефону, набрал номер Проскурина:

— Вы со мной не хотите прокатиться, а?

...Он прошел мимо столба два раза; движения его были раскованы, отдыхает себе человек, семь утра, самое время для активной прогулки.

Первый раз Константинов, проходя мимо столба, на котором был установлен знак ГАИ «Дети», провел пальцем поперек.

«Немотивированно, — отметил он. — Такого рода движение заметят посторонние, надо пробовать иначе».

Он вернулся, сделал рукой другое движение, продольное; получилось похоже, идет себе человек и балуется.

— Именно так, — сказал Проскурин, наблюдавший за Константиновым из машины.

Когда Константинов сел рядом с ним, Проскурин, вечно во всем сомневавшийся, покачал головой:

— Но почему вы убеждены, что цвет помады должен быть именно таким, какой мы нашли при обыске у Дубова?

— А почему другой?

— Может, этой помадой Ольга губы красила. А для условного знака он каждый раз покупал новую.

— Ольга губы красила, это верно, но они ж у нее не цементные, — сказал Константинов, достав из кармана тюбик с помадой, обнаруженной при обыске. — А этот видите как стерт — явно им чертили.

— Не знаю, — по-прежнему мрачно возразил Проскурин, — я во все перестал верить.

— Нервы на пределе, — согласился Константинов, — но верить в успех все-таки мы обязаны.

В 17.30 Гавриков выехал из центра по направлению к улице Крупской. Он остановил машину возле магазина, открыл дверь, взбросил из пачки «Аполло» сигарету, закурил, с ужасом подумав о том, что отец, верно, не дождется его; плакал сегодня утром, наркотики перестали помогать, боль была постоянной, спрашивал шепотом: «Где Митька, Митька где, господи»...

Гавриков пошел к бочке с квасом; Константинов считал, что это лучше, чем случайный заход в магазин; последние часы сотрудники Коновалова постоянно смотрели за районом, где появился «Дубов», — опыт провала в Парке научил особой осторожности; Константинов полагал, что некто вполне может быть выведен ЦРУ на улицу Крупской в те минуты, когда Дубов должен поставить знак. Поэтому Гаврикову дали микрорацию — в случае, если люди Коновалова установят неизвестного, наблюдающего за ним, особенно если тот будет с фотоаппаратом, курить надо постоянно, сигарета во рту меняет лицо, и очень четко контролировать шерифскую походку Дубова.

Около столба Гавриков на секунду задержался, мазанул губной помадой черту и сразу услыхал за спиной скрипучий голос:

— А ну сотри!

Он обернулся. Рядом с ним стоял старик в соломенной шляпе; в руке у него была сумка, отец такую называл «авоськой».

— Сотри, говорю, краску, — повторил старик и полез в карман.

А в это время в маленькой рации, спрятанной в кармане, зашершавил далекий голос:

— «Первый», немедленно уходите с улицы, отгоняйте «Волгу», из хозяйства в вашем направлении идет машина.

«Хозяйство»— посольство. По неписаным законам разведки агент не имеет права видеть того, кто идет снимать пароль; если увиделись — сигнал тревоги, встреча отменя-

ется, будь она трижды неладна, эта самая встреча, которую так ждут все!

— «Первый», вы слышите меня, ответьте немедленно!

Старик между тем вытащил из кармана свисток — заливистая трель огласила улицу. Любопытные, особенно те, кто толпился около бочки с квасом, обернулись.

— Дед, родной, я замер делаю, — отчего-то шепотом сказал Гавриков.

— Я те покажу замер! — крикнул старик и вцепился в рукав пиджака Гаврикова костистыми пальцами.

— «Первый», «первый», машина вышла на Университетский, вас идут снимать. Немедленно уезжайте!

— Отец, — сказал Гавриков, — я делаю замер для топографов, вон машина моя стоит, мотор не выключен...

— Частник! — крикнул старик. — Знаю я вас! Замеры частники не делают!

— Инженера нашего машина, не моя, отец. Пошли, я только мотор выключу!

— Нет, ты сначала краску со столба сотри, а потом будешь мотор выключать!

...Старик Гуськов проснулся сегодня в дурном расположении духа: вчера до позднего вечера сидел в совете ветеранов, утверждали планы, пересобачились все до хрипоты, Шубин нес какую-то ахинею про активизацию работы среди подростков, не хотел, подлец, утвердить выборы председателя секции культработы, бережет для Утина, а тот не вылазит из больницы, два инфаркта перенес и все б ему руководить культурой, он ее и понимать-то никогда не понимал, общепитом занимался, а все равно тянется к руководству, все б ему давать указания художнику Веньке. Поэтому сейчас старик Гуськов был настроен воинственно и сдаваться не был намерен. «Главное — линия, — говаривал он. — Если послабленье давать и до ума дело не доводить, потом молодежь не захомутаешь, больно пошли, понимаешь, смелые».

— «Первый», «первый», мы не понимаем, что происходит, «первый»!

— Едем в милицию, дед, — сказал Гавриков и потащил за собою старика. — Едем в милицию, пусть там разберутся!

— В милицию едем, — согласился старик, — но ты не очень-то гони.

Гавриков посадил старика в машину, бросился за руль, врубил скорость, пересек осевую линию, потому что в ушах бился негодующий голос офицера из группы Коновалова, въехал под кирпич во двор, завернул за угол, выскочил из машины, перегнулся пополам — вывернуло.

— Пьяный за рулем! — торжествующе кричал между тем старик и свистел в свой свисток. — Милиция! Пьяный за рулем!

Милиционер оказался рядом. Он подбежал к Гаврикову, взял его за руку, обернулся к старику:

— Спасибо тебе, Гуськов, экого нелюдя задержал, а?!

Машина вице-консула американского посольства проехала мимо столба со знаком «Дети», сбросив скорость, — пароль снят.

— Наблюдение за ней не ведите, — сказал Константинов. — Пусть ездит, где хочет, мы будем ждать у моста.

В двадцать три часа двадцать пять минут сотрудник ЦРУ, работавший в посольстве под дипломатическим паспортом, был задержан при закладке тайника в башне моста через Москву-реку и доставлен в приемную КГБ на Кузнецкий мост. Во вскрытом контейнере, помимо ампул с ядом, лежали инструкции и вопросники, последние, р е ш а ю щ и е перед началом операции «Факел».

ШТРИХ К «ВПК» (IV)

Майкл Вэлш встретился с послом по особым поручениям в полночь: до двадцати трех проводил последнее совещание в связи с началом операции «Факел»; разговор с людьми из Пентагона был довольно трудным.

Столик был заказан в малайском ресторане, неподалеку от советского посольства — Вэлшу это доставило какую-то особую, умиротворенную радость.

Посол ждал его, уткнувшись приплюснутым, боксерским носом в меню.

— Рад видеть вас, сэр, — сказал Вэлш, — простите, что нам пришлось встречаться в полночь, но раньше я был блокирован — нашим же общим делом.

Посол обернулся, оглядел людей за соседними столиками.

«Конспиратор, — брезгливо подумал Вэлш, — боится, что нас услышат. Как бы он, интересно, прореагировал, расскажи я, ему, что все три соседних столика со степенными леди и джентльменами забронированы нами же, а степенные леди служат в нашем секторе «страховки переговоров».

— Так вот, сэр, — продолжал Вэлш, — я уже подготовил тексты выступлений для трех послов в Совете. Первым выступит посол Чили; мне кажется, что его ранимая эмоциональность даст хороший заряд заседанию Организации. Текст его речи я пошлю вам с моим помощником послезавтра, накануне начала операции.

— Не надо, сэр. Я буду чувствовать себя скованным слишком большим з н а н и е м. Я люблю экспромт.

— Хорошо подготовленный экспромт — это заранее выученный спич, — улыбнулся Вэлш. — Впрочем, как вам угодно. Я, кстати, просил накрыть нам истинно малайский стол, вы любите их кухню?

— О, да! Великолепный вкусовой р а з н о т ы к.

— Очень рад, — Вэлш откинулся на спинку стула, наблюдая за тем, как молчаливый официант расставлял маленькие тарелочки с диковинными закусками.

— К сожалению, врачи запретили мне алкоголь, — вздохнул посол. — Каждая полоса нашей жизни — после того как тебе исполнилось семьдесят — по праву считается «полосой утрат».

— У меня эта полоса началась в сорок, — заметил Вэлш, — язвенная болезнь... Так вот, сэр, после того как выступит посол Чили, вторым ударом будет речь посла Израиля. Никаких эмоций, только факты. Мы не должны позволить советскому блоку и третьему миру взять инициативу, атакуем мы. Следом за послом Израиля речь делегата Парагвая: «Русская и кубинская агрессия в Африке — угроза делу мира во всем мире! Трусливая позиция администрации Картера ведет человечество к ядерной катастрофе. Необходимо немедленное создание всеафриканских вооруженных сил». Его поддерживает представитель Южно-Африканского Союза, требует прекратить кровопролитие в Нагонии, мотивируя это тем, что искры насилия уже залетели на территорию его страны: он представляет делегатам и послам фотоматериалы и показания беженцев, которые просят убежища. После этого, видимо, стоит дать слово послам из советского блока, пусть они вносят свои резолюции...

— А Европа? Какова будет реакция послов из Европы?

— Вас, видимо, интересует, в первую очередь, позиция Федеративной Республики?

— Бесспорно.

— По первым прикидкам, реакция Бонна будет негативной. Мы стараемся предпринять кое-какие шаги, но я не хочу вас обнадеживать. Главное, затянуть время, ведь время лечит все раны, сэр. Я просил посла Чили написать как можно больше, надо у т о м и т ь делегатов, сэр. По тому сценарию, который подготовили мои ребята, ваше выступление должно пройти лишь на второй день. Да, да, сэр, именно так. За это время Огано проведет дезинфекцию в своем доме, его люди возьмут — так мы полагаем — все ключевые посты, управление страной будет в их руках. Посол континентального Китая

внесет резолюцию с осуждением роли США в Нагонии, но тон его выступления будет сдержанным. А уже после него, как нам представляется, следует выступить вам.

— Что ж, по-моему, план хорош... Как себя поведет Франция?

— Сэр, я понимаю, что вас волнует позиция Европы, но мы замыслили всю комбинацию как шоковую: сначала дело, наше дело, — а потом договоримся. Мы приготовили кое-какие выкладки для вас...

— Спасибо. Я, признаться, боюсь схем, но...

— И правильно делаете. Мы приготовили фактические материалы на основании тех документов, которые не попадают ни в печать, ни в пресс-релизы...

— Очень интересно..

— Вы не будете возражать, если завтра утром мой помощник доставит их в ваш офис?

— Лично мне. В руки.

— Смысл наших фактологических прикидок заключается в том, что вы, доказав истинно националистический характер движения мистера Огано, выразив сострадание семье Джорджа Грисо, докажете, что трагедия, разыгравшаяся в Нагонии, не что иное, как следствие экспансионистской политики Кремля, пытающегося превратить Африку в новый Вьетнам, втянуть Штаты в вооруженный конфликт. Поэтому вы предложите отправить в Нагонию контингенты вооруженных подразделений стран — участников НАТО, европейских в первую очередь, и согласитесь на немедленный вывод нашего флота из территориальных вод Нагонии.

— Отлично! Мы, таким образом, вынудим Европу занять позицию! Очень красиво, сэр! Как всякий дипломат, я не люблю людей из вашей фирмы, но в данном случае я бы выпил глоток джина за головы ваших парней, которые разработали такой славный сценарий. Нелсон Грин уже знает об этом?

Вэлш покачал головой:

— Поскольку — в отличие от вас — я не являюсь акционером «Ворлдз даймондс», мне хотелось сначала провертеть план с вами, тем более вы так открыто не любите мою фирму...

Посол по особым поручениям рассмеялся и положил свою оладьистую ладонь на маленькую, крепкую руку Вэлша.

НЕ ФИНАЛ...

...Утром посол Соединенных Штатов был вызван в МИД Советского Союза.

Рядом с советским дипломатом сидел Константинов — глаза запавшие, тусклые от бессонницы; был он, впрочем, как всегда,

глянцево выбрит, галстук повязан каким-то особо элегантным узлом; за последнюю неделю похудел на пять кило, поэтому шея торчала из воротничка рубашки, казавшейся не по размеру большой.

Когда посол смог оторвать глаза от ампул с ядом, советский дипломат раскрыл папку, лежавшую перед ним.

— А здесь, господин посол, фотокопии вопросов, которые ЦРУ ставило перед своим агентом. Эти вопросы свидетельствуют о том, что в самые ближайшие дни начнется агрессия в Нагонию. Если мы опубликуем в прессе факт передачи ЦРУ ядов, если мы напечатаем вопросник ЦРУ по Нагонии, тогда...

— Мое правительство, — сказал посол, воспользовавшись паузой, — соответствующим образом оценило бы решение вашего правительства не предавать огласке это дело...

— Можно надеяться, что ваше правительство предпримет соответствующие шаги не только для освобождения советских граждан Зотова и Славина, но и для предотвращения агрессии в Нагонию, господин посол?

...Из речи посла по особым поручениям:

— Шумная кампания, поднятая странами советского блока о якобы готовившейся агрессии в Нагонию, не подтвердилась. Прошли те сроки, которые назывались, но тишину не нарушили автоматные очереди. Группы леворадикального Огано передислоцировались ныне с границ Нагонии, и мистер Огано заявил, что его люди занимались здесь в сельскохозяйственных лагерях, а не в военных казармах под руководством мифических инструкторов ЦРУ. Я хочу повторить с этой высокой трибуны еще раз: даже если нам не нравится образ правления в той или иной стране, мы не вмешивались и не намерены вмешиваться во внутреннюю жизнь других государств. Думаю, что этим моим заявлением я ставлю точку на той пропагандистской кампании, единственная цель которой состояла в желании опорочить мое правительство в глазах народа Нагонии, его правительства и его лидера.

Из тюрьмы, не заезжая в отель, Славин, — летяще-счастливый от того, что явственно и постоянно виделись ему изумрудные, в васильках, поля Подмосковья, когда ИЛ заходит на посадку в Шереметьеве, — отправился в госпиталь: Зотова, однако, уже отвезли на аэродром; власти Луисбурга предложили, чтобы инженера сопровождал доктор-травматолог; посол Советского Союза принял это предложение, заметив:

— Мне сообщили, что на самолете Красного Креста вылетел вполне компетентный советский врач с бригадой, но ду-

маю, ваш доктор поможет нашим медикам, объяснит, как лечили товарища Зотова, передаст историю его болезни...

Славин приехал в посольство; ему передали странную телеграмму от Константинова: «Выпейте».

И ничего больше.

Он рассмеялся, попросил Дулова забронировать билет на первый же рейс в Москву, выслушал его просьбу — не возвращаться в «Хилтон», всяко может быть, Глэбб такое не простит, и поехал в отель.

Когда он запер дверь и пошел в ванну, раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, дорогой друг, — прогрохотал в трубке голос Глэбба. — У вас нет желания встретиться с американским безработным, а? Беседа может быть по-настоящему интересной.

— Что ж, давайте, — ответил Славин. — Пилар сделает нам коктейль? Или жахнем русской водки?

...Подготовив проект письма с ходатайством о награждении Гмыри, Гречаева, Дронова, Никодимова, Коновалова, Панова, Проскурина, Стрельцова и Славина медалями «За боевые заслуги», Константинов машину вызывать не стал, решил прогуляться — напряжение последних дней все еще не проходило; на Калининском проспекте сел в автобус; молоденький паренек сидел у окна, читал вечерний выпуск «Известий»; на шее у него висел маленький транзистор; Алла Пугачева пела свою песню об Арлекине.

Константинов заглянул через плечо паренька на полосу — в нижнем правом углу было напечатано:

«ТАСС уполномочен заявить, что на днях советская контрразведка разоблачила и пресекла операцию ЦРУ, направленную как против Советского Союза, так и против Нагонии, с которой нашу страну связывает договор о дружбе и взаимной помощи. Вся ответственность за попытки продолжать такого рода операции, заимствованные из арсенала «холодной войны», ляжет на тех, кто намеренно мешает развитию и укреплению добрососедских отношений между советским и американским народами».

Константинов прочел заявление ТАСС и явственно увидел лица своих коллег.

«А все-таки безымянность, — подумал Константинов, — в чем-то даже приятна. Как высокое звание. Или как ощущение меры ответственности. Но мне все-таки очень хочется сесть рядом с этим пареньком и сказать ему: «Знаешь, а ведь мои товарищи и я сделали кое-что для этого заявления ТАСС. Ты почитай его повнимательнее, пожалуйста, почитай, ладно?»

К сведению читаталей и книгораспространителей!

Издательство «ДЭМ» предполагает в ближайшее время опубликовать в девятом и последующих томах Собрания сочинений Юлиана Семёновича Семёнова как малоизвестные, так и получившие широкое признание произведения одного из самых читаемых писателей современности.

Среди них романы «ТАСС уполномочен заявить», «Межконтинентальный узел», «Экспансия», «Бомба для председателя», «Дипломатический агент» и целый ряд других.

Издательство «ДЭМ» продолжает выпуск уникальной серии воспоминаний видных руководителей спецслужб и выдающихся мастеров разведывательного дела — «О шпионаже и разведке из первых рук».

Уже вышли мемуары бывшего начальника американского отдела внешней разведки КГБ СССР А. Феклисова «За океаном и на острове» и записки нелегальных разведчиков супругов Фёдоровых «Будни разведки»

Эти и другие книги, выпущенные ранее в серином оформлении:

Мортенсон Я. «Убийство в Венеции»
Набоков В. «Терра инкогнита»
Трубецкой С. «Минувшее». Мемуары
Ремарк Э. «Возлюби ближнего своего»
Кристи А. «Треснувшее зеркало»
Сименон Ж. «Маньяк их Бержерака»
Дрюон М. «Яд и корона»
Дрюон М. «Негоже лилиям прясть»
Моэм С. «Незнакомец в Париже»
Леблан М. «Графиня Калиостро»
Бережков В. «Как я стал переводчиком Сталина»

можно приобрести в книжных магазинах Москвы:

«Библио-глобус» (Мясницкая, 6)
«Надежда» (Сретенка, 9)
«Вестник» (ул. Б. Серпуховская, 12)
«Буквица» (Ленинский проспект, 62)
«Лужники» (Комсомольский проспект, 42)

По всем вопросам приобретения литературы просьба обращаться в издательство «ДЭМ» по адресу: 117049, Москва, ул. Крымский вал, 9 или по телефону 237-14-66

Ю. СЕМЕНОВ

С30 Собрание сочинений: т. 9. Роман. – М.; СП «ДЭМ», МП «ЭКСМО», 1995. – 288 стр.
ISBN 5-85207-058-6

В девятый том собрания сочинений Ю. Семенова вошел роман «ТАСС уполномочен заявить»

С $\frac{4702010200-007}{\text{СП «ДЭМ», МП «ЭКСМО» – 1995}}$ Без объявл. ББК 84.3Р7

Литературно-художественное издание

Юлиан Семёнович Семёнов
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ ДЕВЯТЫЙ. РОМАН

Редактор *И. В. Мишин*
Технический редактор *К. Г. Скоков*
Корректор *Т. К. Ивлева*

Н/К

ЛР № 090028 от 01.11.91 г. Сдано в набор 07.02.95.
Подписано в печать 16.02.95. Формат 84×108/32.
Бумага типографская № 2 Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 35 000 экз. Заказ № 90.

117049, Москва, Крымский вал, 9, СП «ДЭМ»

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

irtschaftsmini

1687/43

dieses Geschäftszeichen und den weiteren Schreiben anzugeben

Eilt!

Geheim!

Reichsminister für Rüstung
riegsproduktion - Rüstungsamt -
von Herrn Kapitän z.S. v. Henrici
- oVIA -

...матографа
помнят роли, сыгранные ими:
"Подруги" Зои Федоровой и
"Двое" Виктории вошли в анна-
лы искусства навсегда — как до-
кументы эпохи.

— Мама была у меня в гостях
несколько раз,— рассказала Вик-
тория. — Однако, когда я пригла-
сила ее в восьмидесятом, вскоре
после того как здесь выпустили
мою книгу "Дочь адмирала" —
отец умер в звании адмирала
флота США, — маме отказывали
в выдаче паспорта. Я обратилась
за помощью к тому сенатору, за
которого голосовала. — Брэдли.
После совещания в его штабе
мне ответили: "Если бы мама
просилась в эмиграцию, сюда, к
вам, для воссоединения семьи,
мы бы могли оказать какую-то
помощь. В ином случае бреж-
невская администрация нам от-
кажет: "Давать или не давать
выездной паспорт для поездки
в гости — наше внутреннее
дело..."

...жизни, двенадцать
...земпляров; ныне тираж
...од жизни - это и мало
...ысячи писем, поступ...
...могают нам вы...
...ы наше...
1. В ...
...ажни...
...едоум...
2. ...
...дел...
...ское С...
3. ...
...вы!
4. ...
...упники,
...е место
5. ...
...и сможет ...ть все наши эко...
...истративной Системы!"
6. ...Продолжать борьбу
...ции и взяточничества.
7. Выступать против той с е к...
...ну и его банде создать камеры ...
...нки, Катыни, а его ученикам - п...
...
...так, "Совершенно Секретно" - эт...
...а этом мы стояли и будем стоять.

...ривет свтвия от Библейского Общест...
...ктеров, художников, режиссеров, ...

...ивенчества:
...в квартиру, накор...

...и пьяница, приходящий
...юги, так и вполне прис-

...ния пропагандистской ше-
...Поэтому следует отве-
...перед самим собою, ...
...ективно.
...арант. Оно обязано ...
...амовыявление,- это

...розить рост заработной
...ляции (при том,
...ны на рынке - рыноч-
...ому, сколько труда
...елем в продукт) буд...
...сы,- ... могут
...ктом.
...положения?
...ос трудно ответить,
..., которые облегча...

...пнивающей") стра-

...schaftsminister

...7/43

...s Geschäftszeichen und den
...eren Schreiben anzugeben

...ernsprecher: Ortsdienst Nr. 16 43 51
Ferndienst Nr. 16 41 21

Eilt!

Geheim!

...ister für Rüstung
... Rüstungsamt -
... v. Henrici